

Архимандрит РАФАИЛ (Карелин)

**ТАЙНА СПАСЕНИЯ.
БЕСЕДЫ О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ**

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001.

Содержание

От издательства

Беседы о духовной жизни

Тайна спасения

Найти Бога и самого себя

Верю ли я?

О молитве

Блаженны нищие духом

Стяжание благодати

Два вида богопознания

«Не убий»

Дух и душа

О богообщении и богооставленности

Религиозные чувства интеллигенции

Почему времени все меньше

О покаянии

Существует ли «частичная благодать»

Трагизм апокалиптического времени

Высшее служение человечеству

Как говорить о вере

О культуре общения

Больше думать и меньше говорить

Что хуже — шутка или брань

Чем отличается сострадание от сентиментальности

О церковной поэзии

Пришедшим из оккультизма

«Нехорошо взять хлеб у детей...»

О силе безмолвия

Что такое монашество

Почему монашество приходит в упадок

Угроза модернизации

Грузинская Фиваида

Травинки, пробившиеся сквозь асфальт

Из воспоминаний

Отец Георгий

Схиархимандрит Серафим

Схимонах Авраам

Архимандрит Парфений

Игуменья Ольга

Монастырь святой Ольги
Нечаянная радость
Встреча в Самтавро
Сидящая Анастасия
Патерик
Когда я думаю о прошлом
Примечания

От издательства

Без сомнения можно сказать, что архимандрит Рафаил (Карелин) — один из наиболее оригинальных и самобытных церковных писателей наших дней. И в то же время — один из наиболее издаваемых. Ему принадлежит множество проповедей, полемических статей, посвященных актуальным вопросам современной церковной жизни, статей, в которых рассматриваются различные проблемы аскетического и нравственного характера. Они достаточно разноплановы, разнотемны. Но вместе с тем если пытаться как-то охарактеризовать творчество отца Рафаила в целом, то можно сказать так: это автор, а точнее, человек, который стремится всегда и во всех обстоятельствах говорить в первую очередь о том, что *едино есть на потребу* (Лк. 10, 42), то есть о спасении.

Ведь действительно: и говорят, и пишут, и полемизируют сегодня о многом. Но, к сожалению, главное очень часто остается в стороне, остается забытым. Главное же — человеческая душа, которой, по слову Спасителя, не стоит весь мир (см.: Мк. 8, 36). Душа и ее сокровенная в Боге жизнь. И это, конечно, не может быть случайным. Для того чтобы рассуждать о тонких богословских вопросах, нужно хорошо изучить богословие. И для того чтобы рассуждать о проблемах, стоящих перед Церковью сегодня,— столь же хорошо изучить церковную историю.

Для того же, чтобы говорить и писать о душе и ее жизни, нужно хорошо узнать душу свою и души других людей. А это — гораздо сложнее. Надо быть очень строгим и внимательным по отношению к себе, чтобы на самом деле понять: что есть голос души и что — голос страсти; к чему стремится душа ради любви к Богу и к чему — по любви лишь к себе самой. И в то же время необходимо научиться любить тех, кто рядом: ведь только тогда сквозь несовершенство и недостатки, немощи и пороки можно разглядеть в людях то доброе и чистое, что, несмотря на испорченность человеческой природы, сохранилось в них, то, за что любит человека Господь.

Иными словами, для того чтобы писать о духовном, надо стать духовным, надо принять Дух, а для этого — дать свою кровь и свой пот. То есть необходим подвижнический опыт, плодом которого становится истинное, неложное слово о пути спасения. Подобный духовный «плод» и предложен читателю настоящей книги: в рассуждениях, в мыслях автора, в его кажущихся порой слишком жесткими и безапелляционными оценках.

Порой приходится сожалеть, что, как правило, архимандрит Рафаил избегает говорить о себе, а если и допускает это, то больше по необходимости, очень вскользь. Поэтому и издания его книг, вызывающих столь большой интерес, оказываются лишенными каких бы то ни было биографических данных о том, кому они принадлежат. Однако автор — монах, и тем его нежелание писать о самом себе вполне объясняется.

Впрочем, не будет, наверное, большой ошибкой сказать, что биография отца Рафаила, его лицо — это и есть его книги. В них он открывается как человек удивительно тонкий, глубокий и, что, пожалуй, важнее всего, удивительно искренний. Он совершенно не терпит ничего, что заключало бы в себе хотя бы самую незначительную ложь или лукавство. Этим объясняется «жесткость» и «безапелляционность» его суждений, его убежденность в том, что «путь мученичества» превосходнее «пути компромиссов».

Однако надо также сказать и о том, что эта книга, «Гайна спасения», имеет одно существенное отличие от всех, издававшихся прежде. Она состоит из двух частей. Первая —

беседы о духовной жизни, о том, что открывается человеку на его пути к Богу, что вызывает радость и скорбь, заставляет порой останавливаться и с болью всматриваться в свое собственное сердце. Здесь — исполненные поразительной силы слова о том, как достичь блаженства, доступного лишь сознательно обрекающим себя на подлинную «духовную нищету». Здесь — учение о молитве, которая должна стать для христианина главным делом его жизни, ее стержнем. И здесь же — отблески той Божественной красоты, перед внезапным откровением которой замирает иногда в безмолвном восхищении человеческая душа и которой ищет затем всю жизнь в слезах покаянного плача.

Вторая же часть — воспоминания отца Рафаила о замечательных подвижниках уже ушедшего XX столетия, с которыми Господь по милости Своей свел его в этой жизни [1]. Их образы удивительно яркие, какие-то пронзительные, они буквально приковывают к себе внимание читателя. Но опять-таки: от этих людей вновь приходится мысленно возвращаться к автору, пишущему о них с такой любовью. И конечно, гораздо больше, чем прежде, открывается в воспоминаниях об этих подвижниках он сам: понятным становится, что как человек, как монах и священник, а вслед за тем и как писатель он сформировался именно благодаря своему общению с ними.

И еще. Тот, кому сначала отец Рафаил покажется чрезмерно «строгим», дочитав книгу до конца, убедится, что столь же строг он и к самому себе. Причем в последнем случае строгость эта похожа, наверное, даже на безжалостность. И происходит она, как кажется нам, от невозможности хотя бы в чем-то кривить душой или лукавить перед лицом истины. Ведь истина с примесью пусть даже и самой малой доли лжи уже не истина, но та же ложь. А только в свете истины, в ее постижении может открыться человеку самая главная тайна — тайна спасения.

Примечание:

[1] Значительную часть этого раздела (воспоминаний) составляют материалы, поступившие в распоряжение издательства сравнительно недавно. Поэтому фамилии, годы жизни, а также иные биографические данные некоторых упоминающихся здесь подвижников уточнить на момент издания книги, к сожалению, не удалось.— *Ред.*

Беседы о духовной жизни

Тайна спасения

Господь, сотворив Адама, вдунул в него Свое дыхание. Здесь говорится не только о душе как об образе и подобии Божию, но и о благодати Божией, той силе, которой лишены остальные существа, обитающие на земле.

Праотцы были поселены в Едеме - земном раю. Но сам Едем - дивный прекрасный сад - знаменовал собой внутренний Едем - духовное состояние первых людей, которые находились в постоянном общении с Божеством. Адам и Ева были безгрешны, но не совершенны. Эта чистота была не зависящей от них природной данностью - даром Божиим. Но, чтобы усвоить этот дар, чтобы чистота стала не природным, а личным свойством, необходимо было испытание.

Основой богообщения в раю была не безгрешная природа Адама, а благодать Божия, обитавшая в нем. Поэтому основой спасения и вечной жизни является благодать, а путем от потерянного Едема к небесному раю - стяжание благодати. Благословение праотцев, символические обряды ветхозаветной Церкви и таинства Церкви новозаветной - всё это средства стяжания благодати. Своими собственными силами человек не может спасти себя, как не может одним лишь усилием воли остановить старость или преодолеть смерть. Метафизикой спасения является учение о благодати Божией, тех божественных энергиях, в которых Бог открывается миру и общается с человеком. В сущности говоря, христианская аскетика - это учение о тех условиях и состояниях, когда благодать может действовать в душе человека.

Либеральное мышление приписывает спасение одной нравственности, то есть повторяет ересь пелагианства о самоспасении человека. Грех также имеет свою метафизику, те страшные глубины, о которых даже не подозревает либеральное и гуманистическое мышление - от античных времен до наших дней. Для гуманистов и либералов грех - это только ошибка, дурная привычка или излишество. По их представлению, достаточно осознать грех, а затем будет легко исправить его, так же, как резинкой стереть каракули ребенка на бумаге. Но на самом деле грех представляет собой измену Богу и тайный союз с демоническими силами. И оттого в каждой греховной мысли есть элемент сочувствия демону, а в греховной привычке - любовь к сатане. Поэтому в грехе заложена, как бы запрограммирована смерть. И, напротив, благодать Божия ощущается душой как жизнь. Каждый из нас имеет опыт потери благодати, и к этому состоянию слово "смерть" подходит больше всего. Мы чувствуем, что самое драгоценное покидает нас, уходит от нас. Мы испытываем глухую тоску и томление, как бы приближаясь к воротам смерти. Наша собственная душа кажется нам темной могилой.

Благодать была дарована праотцам, ее надо было только хранить. Но после грехопадения, когда первородный грех, как наследственная болезнь, живет в человеке, как язва разъедает его душу, благодать необходимо искать, как потерянное сокровище, стяжевать и хранить ее в непрестанной борьбе с грехом, который источает наша падшая природа, находящаяся под воздействием темных сил. Метафизика греха - это вечное демоноуподобление, поэтому грех - самое большое несчастье и самое большое зло на земле.

Гуманист Сократ сказал: "Познай самого себя", но несмотря на свой великий ум, он не смог познать свою собственную душу и объяснял грех незнанием, которое можно преодолеть через воспитание и обучение. Однако сам же Сократ и выявил несостоятельность такого объяснения. Его любимый ученик, его воспитанник, которого он спас в бою от смерти, показал себя искусным интриганом, а затем - предателем Афин.

Только благодать Божия открывает человеку ужас вечной смерти. Поэтому святые, видя человеческую природу в падении, оплакивали свою душу день и ночь. Современные либеральные представления о возможности спасения, то есть богообщения, без благодати Божией, происходят от той же духовной лжи, от неведения греха, вкоренившегося в человеке, вьевшегося в его природу, победить который может только благодать. Эти именующие себя христианами язычники повторяют догмат гуманизма: "Человек - это звучит гордо", но "диавол" - звучит еще более гордо, поэтому гуманизм, ставящий человека на место Бога, в конце концов, ставит демона на место человека.

Господь сделал нечто даже большее, чем творение мира и создание человека. Он заменил падшего человека Собой. В этом произошло искупление на метафизическом плане. Здесь изменилась духовная ситуация: демон потерял господство над человеком и стал по отношению к нему силой внешней; он не может властвовать над христианином, так как после крещения Христос Сам невидимо обитает в человеке и благодать царствует в его сердце.

Царство Небесное обещано Церкви. Церковь - это преддверие Небесного Царства, как бы паперть перед воротами Небесного Храма. Церковь - это поле благодати, без которой человеку невозможно соединиться с Богом. Кто не в Церкви, тот остается со своей неисцеленной греховной природой, а грех - это центробежная сила. Значит, кто не в Церкви, тот в сокровенных глубинах своей души против Церкви. Только благодать крещения и причащение могут изгнать темный дух из человеческого сердца, свергнуть сатану с престола души. Гуманисты же считают, что это под силу и самому человеку, стоит лишь "засучить рукава".

Мы говорили преимущественно о природе человека, которая едина для всего человечества, следовательно, представляет собой родовое понятие. Но человек так же представляет собой личность, которую можно условно и не вполне точно назвать по отношению к природе понятием видовым. Личность обладает возможностью выбора, поэтому она может на всех этапах духовного пути принимать благодать, то есть стараться покорить себя благодати, или отвергать благодать, противоборствуя ей. Без искупления

человеческой природы Спасителем невозможно спасение личности, а без воли человека невозможно общение с благодатью. В этом - тайна спасения.

Найти Бога и самого себя

Спасти - значит найти Бога и самого себя. Каждый человек - неповторимое явление, в этом выражены премудрость и красота Создателя. Некоторые считают спасением отказ от себя как личности и индивидуальности, растворение в какой-то общей, абстрактной идее. Это, как нам кажется, заблуждение.

Человек должен освободиться не от себя, а от чуждого в себе, сохранив свою личность и индивидуальность как дар Божий. Если бы целью творения было обобщение и унификация, то Господь мог сотворить нас в виде одинаковых геометрических фигур. Каждый человек имеет неповторимую телесную структуру. Это знак того, что каждый имеет и единственную во всем мироздании душу. И в этом как бы приоткрывается нам красота Божия, отображенная не в однообразии, а в многообразии Своего творения.

Человек должен найти себя среди чуждого, вторгшегося в него, обступившего со всех сторон. А чуждое - это грех, страсти и мир. Но на духовном пути часто встречается именно такая ошибка: чтобы освободиться от чуждого и наносного, человек ломает не только грех, но и себя, уничтожает данную ему от Бога неповторимость своей личности, то есть лицо своей души. Это похоже на то, как если бы реставратор, вместо того чтобы очистить картину от копоти и грязи, загринтовал ее и написал на том же холсте другую картину, да при этом еще и неумело.

Нам кажется, что есть две опасности на духовном пути, когда человек калечит себя, свою жизнь, как певец, который поет чужим голосом, - это принуждение, то есть насилие, и подражание. Человек может подражать примерам из книг, встречающимся ему людям, абстрактному и идеальному образу, созданному им в мечтах, забывая при том, что этот пример - жизнь другого человека, отражение другой личности и другой индивидуальности, а абстрактный образ всегда соединен с разгоряченной мечтательностью и не имеет к нам как конкретной реалии никакого отношения. Это подражание другому тесно связано с воображением и потому становится для души прокрустовым ложем, если она ориентируется не на дух, а на внешнее. Мы всегда остаемся собой, другой личностью мы не станем никогда, но свое "я" мы можем испортить и покалечить, то есть потерять свой путь. Нам нужно найти свое, поэтому человек, учитывая опыт и пример других, должен не отождествлять себя с ними, а исходить из самого себя, только отличать, что наше, а что чужое, что присуще нашей душе, а что наносное. Он должен решить задачу - в пересекающихся линиях найти свой, а не чужой путь. В служении Богу, в духовной жизни важно не терять своей личности, но не того, что считает личностью мир, - сгустка гордыни и тщеславия, - а своей внутренней неповторимости, такой же, как и узор на пальцах или тембр человеческого голоса. Если это не будет найдено в духовной жизни, человек будет фальшивить, подделываться под кого-то - под персонажей прочитанных книг, под окружающих людей или свою собственную мечту. Но в то же время здесь очень важно ни в коем случае не отождествлять себя со своими страстями, привязанностями, со своей гордыней, со своим неестественным состоянием, так же, как не отождествляет себя со своей болезнью больной.

Человек находит себя, только борясь с грехом: он как бы выкапывает и извлекает себя из земли своих страстей. Как отличить голос греха и страстей от голоса души? На голос греха сердце отзывается тревожным чувством, оно или затаившись молчит, или, образно выражаясь, стонет. Грех сжимает человеческое сердце, делает его маленьким, узким и серым. Некая тень падает на человека - тень грядущего возмездия. Голос страсти сопровождается чувством наслаждения, при этом ум как бы смежает свои глаза, погружается во тьму, а внимание сливается с чувством наслаждения, пьет его как чашу с опьяняющим сладким напитком. По своему действию наслаждение - это усыпление, погружение в подсознание, в процесс, не имеющий цели, то есть когда целью становится сам процесс или мутная радость нервов и крови, похожая на странное удовольствие, которое испытывает

человек, расчесывая на своем теле лишай или рану. Признак страсти - погашение ума (будь это гнев или похоть), чуждая душе излишняя привязанность к кому-нибудь или чему-нибудь, мысль, что мы не можем жить без этого ("другого"). Более того, подсознательно предмет страсти приобретает для нас значение самого Божества.

Следование своему пути приносит человеку чувство мира, а при действии благодати, когда снимаются все противоречия, - великий покой и внутреннюю свободу, как будто у него расширяется сердце (духу становится в сердце не тесно). И еще - чувство радости. Чужой путь редко дает радость. Духовная радость может присутствовать и при глубоком покаянии человека. Здесь не эмоциональная земная радость, а мир сердца, озаренный теплым светом. Когда благодать в душе говорит: "Это мое", - там нет сомнений; а когда вместо духа страсть говорит: "Это мое", - то сомнения и смущения возникают в сердце, колеблют и тревожат его. Но страсть своей агрессивной энергией подавляет тревогу, отгоняет сознание от сердца, как пса от чужого двора, и заставляет рассудок лгать самому себе.

Итак, первое, как нам кажется, зло - это внешнее подражание примерам, в котором всегда присутствует артистическая игра. Даже если эта игра будет сопряжена с трудами, доходящими до степени подвига, то такой подвиг окажется для души внешним. Второе - это насилие: насилие мира (по словам аскетов, обычаи мира - это пылающие страсти), насилие со стороны наших близких, которые желают, чтобы мы были подобны им. Родители, давшие жизнь детям, нередко на уровне подсознания хотят жить в своих детях, поэтому насилуют личность своего ребенка, который является не слепком со своих родителей, а иным существом. Против этого насилия нужно мужество и смирение; впрочем, мужество и смирение, правильно понятые, это одно и то же. Смирение без мужества превращается в трусость, капитуляцию перед внешней силой, мужество без смирения превращается в дерзость, желание ответить ударом на удар.

Еще один вид насилия происходит от неопытных духовных руководителей. В духовном руководстве надо обладать способностью чувствовать чужую душу. Духовными руководителями не "назначаются", количество прочитанной литературы не делает человека духовным наставником. Здесь нужны способности, интуиция, благодать Духа Святаго, чтобы видеть душу каждого человека, чувствовать ее, помочь человеку найти самого себя и свой путь. Духовник, который действует по шаблону и схеме, как психолог, будет калечить своих детей. Душа человека глубже всех систем и теорий. Духовный отец должен обладать тем зрением, которое видит лицо души, как бы входит в другую личность, видит ее изнутри, принимает на себя. В двух одинаковых ситуациях для двух различных людей он может указать противоположные решения, на один и тот же вопрос дать разные ответы. Неопытный руководитель будет вспоминать, что он читал у того или другого святого отца, как бы беря с полки вслепую лекарство и давая его человеку, не зная, чем тот болен. Духовным руководителем невозможно сделаться по заказу, как невозможно сделаться поэтом, начитавшись стихов, - это дар Божий, это та древняя харизма, которая пусть в ослабленном и сокрытом виде, но все еще действует в современной нам церковной жизни.

Приведем еще пример: иной неопытный духовный руководитель может быть похож на врача, который, окружив себя справочниками, выписывает рецепт, даже не видя больного и его болезнь. Бывает и так: "духовный руководитель" считает, что, получив священный сан, он получил вместе с ним и гарантию безусловной правильности всех исходящих от него советов и решений; поэтому свои советы и указания пастве он расценивает как церковное таинство. Он обычно вообще не читает никаких духовных книг, полагая, что рукоположением уже освятились его мысли. В беседе такой человек чем-то напоминает пьяного, который убежден, что если он толкнет столб, то тот свалится. Столб не свалится, но он может сильно покалечить человека, встретившегося на его пути. Есть "духовные руководители", которые подыгрывают страстям и желаниям духовных детей из тщеславия или чтобы вызвать у них привязанность к себе. Человек любит того, кто оправдывает его страсти. Бывают "старцы", которые набирают духовных детей только для того, чтобы послать их на свой огород.

Если духовный руководитель не будет интуитивно чувствовать души своих духовных детей, то он чаще всего будет впадать в две крайности - или станет проявлять излишнюю осторожность, предоставляя болезни спокойно развиваться, а язвам гнить, или - что свойственно неопытным, но решительным врачам - не использовав всех средств, сразу станет применять шоковую терапию и ампутацию.

Господь дал каждому человеку какой-то талант. Это очень удачное слово: талант - это мера золота. Бог, как родитель, дал каждому из людей в наследство особые способности и определенное призвание. Необходимо только найти их, не ошибиться, не променять присущее своей душе на чужое, что будет для человека внешним и безжизненным. Человек не должен заменять себя другим. Евангелие - это Личность Самого Христа Спасителя: оно божественно и в то же время глубоко человечно. Поэтому каждый человек найдет в нем самого себя. Евангельские заповеди дают широту и свободу внутренней жизни. Христос предостерегал Своих учеников, чтобы они не заменяли заповеди внешним регламентом, формулами жизни, когда личность и индивидуальность не ориентируются на идеал Евангелия, а подавляются формальными законами. В этом принципиальное различие между христианством, возрождающим личность в Боге, и талмудизмом, заключающим человека на всю жизнь в железный корсет правил, законов, разрешений и запрещений, чтобы выработать обобщенный тип иудея. Евангелие в своем универсализме обращено к личности, а талмуд обращен к этносу как к самостоятельному субъекту и высшей ценности. В исламском фатализме личность обусловлена, предопределена; здесь царит закон необходимости. В индуизме и буддизме личности как реалии вообще не существует, она только мимолетная форма общего бескачественного бытия.

Понятия личности и свободы неразрывно связаны между собой. Христос открыл нам безграничные внутренние просторы свободы, как бы новые сменяющие друг друга горизонты при восхождении ввысь. Это возможность жить в соответствии с образом и подобием Божиим, дарованным человеку. Это возможность при помощи благодати Божией избавиться от рабства греха, возвратиться к себе, а от себя к Богу, сделаться снова из духовной интеллектуальной амебы богоподобной личностью.

Верю ли я?

Бывают минуты, когда человек перед лицом своей совести спрашивает себя самого: а, собственно говоря, верующий ли я?

Рассматривая свою душевную жизнь как неуправляемый поток помыслов, крутящихся в сознании, будто струи реки в водовороте или взбудораженный осиный рой; фиксируя в своем сердце чувство постоянной тревоги от ожидаемых бед и потерь, которые, точно незваные гости, стоят у дверей; испытывая постоянное желание приобрести и боязнь потерять; рассматривая свою растленную волю - этого гниющего на постели паралитика, - я начинаю сомневаться: верующий ли я? Христианин я или деист, допускающий существование Бога только как трансцендентного Разума, Который создал мир, а затем предоставил его самому себе? Я знаю, что это тайный голос темного духа, но в то же время душа моя, как Ева змею, внимает ему. Казалось бы, сомнений в бытии Божиим быть не должно. Бог постоянно дает моей душе свидетельства Своего существования, более глубокие и твердые, чем даже те, которыми доказывает факт своего бытия мир, воспринимаемый органами наших чувств. Но почему-то эти свидетельства, которые переживаются как несомненные, затем не оставляют в сердце следа, как письма, написанные на воде; вернее, от них остается только смутное неопределенное воспоминание.

Бог неоднократно за время жизни человека являет ему внешние доказательства Своего присутствия. Когда бессильна человеческая помощь, когда кажется, что выхода нет, Он неожиданно изменяет любую ситуацию, как бы открывает дверь тюрьмы. Он безгласно говорит душе: "Я близ тебя, не бойся, только верь". Но проходит время, и человек бессовестно забывает об этом. Более того, тайный голос шепчет ему: "Это всего лишь совпадение, высшего Промысла нет, жизнь - цепь случайностей, непрестанно тасуемая

колода карт". Человек, получая доказательства помощи Божией, удивительно легко теряет их, как будто демон похищает воспоминание из его памяти, как птицы выклевают зерна из колосьев пшеницы. Святые предупреждали нас о роковом грехе забвения; в числе трех главных причин гибели души они ставили забвение, которое, как черная пелена, окутывает ум человека, и тот перестает видеть свет. Святые заповедуют нам любить Господа за Его благодеяния, а мы чаще всего поступаем, как исцеленные прокаженные, которые пошли своим путем, даже не обернувшись на Христа.

Странный парадокс: человек в своей жизни испытал всё и забыл всё. Впрочем, сомнения, о которых я говорю, редко выплескиваются на уровне сознания. Чаще всего они гнездятся в глубине души, где страсти заглушают голос духа, где я вижу тайную любовь к греху, темное влечение к мерзостям страстей, любовь души - этого луча небесного света - к праху и гною. Через страсти человек теряет мистический опыт богообщения. Он перестает чувствовать Бога в своей душе. Страсть - это любовь к демону, который строит в душе идола - пустого внутри.

Человек может считать себя верующим, то есть "верить в свою веру", но в глубине сердца не быть таковым. Обычно в экстремальных ситуациях, в том числе психологического порядка, когда человек вступает в пограничную между жизнью и смертью зону, выявляется его сущность. Большинство из нас в это время ищет защиты и спасения во внешнем, и только убедившись в своем бессилии, вспоминает о Боге. Здесь Бог представляется душе не как Творец и Промыслитель мира, а как некий последний шанс. Опять психологическая загадка: почему человек любит демона, который, как вор, постоянно обманывает и грабит его? Людей, несправедливых к нему, человек считает врагами, а демона - своего убийцу - другом! Этот феномен человека отчасти приоткрывается учением о первородном грехе, который поразил, как все человечество, так и каждую душу. Змеи гнездятся в сердце человека, это - страсти, они властно требуют себе пищи. Для воров нужен ночной мрак, и душа, послушная страстям, отключает свет духа, чтобы не видеть своего безобразия и падения, чтобы погрузиться в свое темное подземелье.

Благодать и грех не могут ужиться вместе. Розы не растут в свинарнике. Когда воля и ум заключают союз со страстями, то теряется чувство богоприсутствия. Душа сама отказывается от единства с духом и отождествляет себя со своими страстями и внешним миром, в котором находит для этих страстей пищу. Первородный грех поразил мир, как поле земного существования человечества, как систему взаимоотношений, как атмосферу и среду, в которых дышит и растет уже большая с самого своего зарождения душа. Мир все больше превращается в сгусток страстей, его существование переходит в затянувшуюся агонию. Болезнь и безумие - индивидуальное и коллективное - создают свои комплексы, извращенные психические модели и системы. Приспосабливаясь к миру, человек включается в него, становится частью его. Здесь внутреннее безумие человеческого ума соединяется с коллективным безумием мира, если можно так выразиться - с организованным безумием и узаконенным хаосом. Человек забывает опыт богообщения, но человек забывает также и опыт мирообщения. Он легко забывает, что Бог есть, но также легко забывает, что мир это - фокусник и обманщик, и опять ищет с ним союза, как с другом. Мир никому не может дать счастья: как верующим, так и неверующим. Только верующий чувствует более глубокую тоску, когда мир пленяет его сетью его же страстей. А у неверующих эта тоска проявляется в глухой злобе, недовольстве, скуке, которые они стараются заглушить, как вином, потоком внешних впечатлений, телесными и душевными наслаждениями, как будто хотят заглушить боль от раны, непрерывно растравляя ее.

Душа человека все время находится в состоянии тревоги и напряжения. Разрыв между желанием и осуществлением или представлением и жестокой реальностью заставляет душу переживать постоянное разочарование: одни желают и не могут достичь желаемого и бьются, как рыба об лед, другие достигают того, что хотели, но оно оказывается не таким, каким его представляли, и они ищут нового, и опять, получив, не делаются от этого счастливее.

Материальное - это условие для существования духовного. Но если оно из условия превращается в цель, то становится западней для души. Материя в таком случае превращается в иллюзиониста, который показывает сказочные замки на сцене балагана. Душа любит этот мир. Она влюбилась в него, как человек нечаянно может влюбиться в воровку и блудницу. Она все время изменяет ему, заражает гноем его кровь, крадет у него все, что он имеет, а он все равно любит ее как предмет своей большой страсти.

Воля человека греховна. Внутренний грех солидарен с внешним. Воля Божия светла, поэтому ей противится весь мир и человеческая душа. Воля Божия - благо, но об этом более не хочет помнить пораженный, как проказой, грехом человек. Поэтому он лжет Богу и себе, когда говорит в молитве: "Да будет воля Твоя", - его тайная молитва: "Да будет воля моя". И падение, и спасение начинаются с воли. Здесь есть два пути.

Первый, более легкий и безопасный, - это отсечение своей воли, предание себя послушанию, всецелое подчинение себя духовному руководителю, как если бы человек сам продал свою волю, как буйного и непослушного раба новому господину, который может усмирить и научить его.

Есть второй путь, трудный и тяжелый: человек должен помнить о неизбежной смерти, о тленности этого мира, помнить о том, что все здесь непостоянно, что мир беспрерывно обманывает нас, что мы оказываемся самыми первыми врагами для себя же, и научиться не желать ничего внешнего и мирского, а только воли Божией. Это не буддистское равнодушие по отношению к миру как отождествление добра и зла, бытия и небытия, а вера в то, что единственное истинное благо в этой жизни есть следование воле Божией и благоговение перед Его Промыслом.

Следуя первым путем, мы отдаем свою волю, следуя вторым, должны умертвить ее. Хотя вернее будет сказать, мы должны умертвить ее и в том, и в другом случае. И в первом, и во втором случае энергия воли переходит в область духа, и сама воля трансформируется в то, что святые отцы называли трезвением и бдением - хранением своего сердца и концентрацией души в молитве. Душа должна прийти к драматическому выводу о том, что богатство и нищета, здоровье и болезнь, победа и поражение, долголетие или ранняя смерть, исполнение или неисполнение планов и желаний - это не добро и не зло, а только определенные обстоятельства и ситуации, и что единственное и истинное добро - это Бог, а единственное зло - то, что стоит, как препятствие, между душой и Богом.

Душа не хочет этому верить и не верит. Она протестует и кричит, и здесь воля должна заставить душу поверить насильно, как насильно отучают пьяного от запоя. Здесь не интеллектуальное насилие над душой, а насилие над болезнью, это борьба за душу, единственной жизнью которой является Бог. Если взять главную заповедь о воле Божией, то она гласит: *воля Божия - святость ваша* (ср.: 1 Фес. 4, 3), а святость - это присутствие в душе благодати. Если человек приучит себя полагаться на Промысл Божий, верить в Промысл Божий, любить Промысл Божий, то он с благодарностью будет принимать то, что посылает ему Бог, и то, что мирские люди принимают как беду и несчастье, будет считать пламенной чашей, которую преподает ему Сам Господь; научится больше ценить земные скорби - соль, убивающую червей в его душе, - нежели земные радости, в которых эти черви размножаются и растут, заражая душу каким-то болезненным увлечением этим миром. Чтобы человек был по-настоящему счастлив, его жизнь должна вмещаться в слова "Слава Богу за все". Он должен отказаться от мира, чтобы получить вечный мир, отказаться от себя, чтобы получить самого себя.

О молитве

Самой широкой из всех заповедей, охватывающей всю духовную жизнь человека, заповедью, исполнение которой должно превратиться в постоянное состояние человеческой души, является заповедь о молитве. Ее выразил апостол Павел в двух словах: *Непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17). Другие заповеди представляют собой или отдельные действия, совершаемые в определенное время, или чувства, которые не могут быть постоянными и

неизменными. Даже любовь к Богу сменялась у подвижников периодами охлаждения. Этот духовный пламень то ярко горел в их сердцах, то промыслительно скрывался в глубинах и тайниках их духа.

Человеческая душа по своей природе проста, но после грехопадения единство ее сил нарушилось, они пришли в состояние болезненного разлада, обособления, часто противятся друг другу. В молитве же происходит соединение этих сил, пробуждение духа и обращение того, что Христос назвал "оком сердца", к Богу.

Благодать связывает грехи и страсти, но они продолжают жить и действовать в душе человека, даже в то время, когда ему кажется, что он на крыльях благодати поднялся выше грехов и уже всецело принадлежит Богу. Стоит ему только лишь ненадолго утратить благодать, как страсти, точно проснувшиеся звери, снова примутся терзать своими когтями его сердце.

Молитва - это свет души. Меркнет свет - и человек погружается во мрак. Он теряет чувство вечности, он перестает видеть самого себя. Бог становится для него не Живым Богом, Которого он ощущает всем своим существом, а отвлеченно-рассудочной идеей, похожей на холодный и далекий свет звезды.

Молитва стала для нас некоей внешней данью, которую мы уплачиваем в определенное время, и то, стараясь уменьшить ее размер или вообще избежать ее. А между тем молитвословия, данные Церковью, необходимы, они являются средством для приобретения молитвы непрестанной. В жизни древних христиан молитва служила как бы стержнем, на который нанизывались прочие их добродетели, и донныне поражающие нас своим величием. Молитва была для них непрестанно текущим подземным источником, который незримо питал их деяния, мысли и чувства. Молитва была для них тем небесным огнем, отблески которого озаряют порой и нас, когда мы читаем творения подвижников и святых. Поэтому изречения аскетов, собранные в патериках, простые и краткие, но удивительно яркие и образные, похожие, кажется, на самих одетых в ветхие хитоны старцев, производят поразительное действие на сердца людей.

Человечество все больше удаляется от Бога. Когда-то можно было разделить мир на христианский и языческий. Теперь христианский мир похож скорее на огромную пустыню, где только изредка каким-то чудом уцелели немногие оазисы и по местам из-под камней и песка пробивается чахлая трава.

Единственная сила, которая может противостоять сыпучим пескам этой всепоглощающей пустыни, - это молитва.

Мир перестал понимать молитву. Он или отвергает молитву (чаще всего, ссылаясь на обилие необходимых внешних дел), или смотрит на нее, как на медитацию - средство для определенного психологического настроя, то есть приравнивает ее к аутогипнозу или самовнушению. И это по-настоящему страшно. Ведь мир, потерявший молитву, потерял Бога...

Самое опасное в духовной жизни - это компромисс. Компромисс постепенно делает человека фарисеем, у которого два лица и две воли. Именно из-за компромисса с духом мира тяжелеет наша душа и слабеет молитва. Дух мира привязывает человека к земле сотнями нитей.

Что нужно для того, чтобы научиться молитве?

Прежде всего, молитву надо считать самым главным делом в своей жизни, а все остальное - второстепенным. Нужно, чтобы вся наша жизнь способствовала молитве, а то, что мешает ей, было изгнано из нее. И это не есть отказ от внешней деятельности. Древние христиане добросовестно исполняли свои дела и работу, считая их служением не людям, а Богу. Мешает другое - наше неправильное отношение к миру, людям и себе самим. Ангелы посылаются служить людям, но от этого они не теряют молитвы. Молитва гаснет от нашего страстного, пленяющего сердце отношения к миру, его делам и проявлениям, от нашей всецелой преданности им.

Человек должен возненавидеть то, что препятствует молитве. Душа состоит из трех сил: ума, чувства и воли (в древней антропологии: мысленная, желательная и раздражительная силы).

Препятствием в молитве для рассудка является его гордыня. Гордыня рождает властолюбие и уверенность в своих силах. Если человек уверен в себе, то он не может просить. Его молитва превращается в заученный монолог, Бог перестает быть ему нужным. Ум, надеющийся на себя, отключается от Бога и под действием гордыни и страсти властолюбия старается черпать силы, как бы приобретать оружие и блеск для своего величия, во внешних знаниях. Здесь возникает любопытство ума. Человек загружает себя ненужными знаниями, которые считает своим интеллектуальным богатством. Эти знания питают его гордость, а тщеславие требует все новых знаний. Такой человек похож на скупого, который все тащит с улицы в свой дом. Его комната похожа на мусорную кучу, ему трудно дышать и передвигаться из-за хлама, но вместо того, чтобы выкинуть его, он собирает еще более ненужный хлам. Ум, загруженный ненужными знаниями, приобретенными из-за тщеславия и неукротимого любопытства, тянет душу вниз. Он похож на птицу с привязанными к крыльям свинцовыми слитками: она хочет взлететь, но не может, и только беспомощно ползает по земле.

Высоких молитвенных состояний обычно достигают люди простые умом и сердцем или же те, кто посчитал мирские знания, приобретенные ими, за пыль и прах.

Человек должен отказаться от ненужных знаний, чтобы иметь свободным то пространство души, в котором может действовать благодать.

Ложные знания - это исписанная и истертая доска, на которой невозможно уже ничего написать и изобразить. Ненависть к ложным знаниям и гордыне рассудка открывает перед человеком таинства веры и духовную мудрость. Незнание внешнего и преходящего, того, что не переходит в вечность, становится началом истинного знания духовного мира и пути к нему. А неведение того, что не нужно для спасения, что относится лишь к круговороту земного бытия, становится почвой, на которой растут цветы духовной мудрости. Птица, вырвавшаяся из петли, свободно взлетает вверх. Ум, обратившийся от многознания к простоте ребенка, входит в ту внутреннюю клетку, где он наедине беседует с Богом.

Что нужно сделать, чтобы сократить поток постоянно перегружающей нас информации? Сначала - отказаться от греховного, явно вредного, затем от ненужного, а потом даже нужное свести до минимума, до самого необходимого; при этом качество работы человека вряд ли ухудшится, так как вместо механической памяти в нем пробудится память творческая, он приобретет умение через малое достигать многого.

Следующим врагом молитвы является наслаждение, обольщающее человеческие чувства. Это эмоциональная провокация, которой человеческая душа поддается больше всего. Наслаждение - это суррогат счастья, демоническая подделка, призванная подменить собой потерянную человеком духовную радость. Оно оканчивается тягостным чувством внутренней опустошенности и при этом, чем интенсивнее было само наслаждение, тем сильнее будет и последующее ощущение потери. За эмоциональным подъемом, пережитым душой, следует некий провал в душе - как бы тень смерти. И это самый верный знак того, что наслаждение отключает душу от Бога - источника жизни.

Современная культура, за немногими исключениями, представляет собой культ наслаждений, иногда - в подчеркнuto безобразном виде, а иногда - под внешне привлекательной личиной добродетели. Страстное сердце не может быть частицей неба, оно становится горстью земли. Сердце, загрязненное и обессиленное наслаждением, не только не может молиться, но даже противится молитве, ненавидит молитву, как пес ненавидит того, кто пытается вырвать у него отравленный кусок мяса. Такой человек или совсем бежит от молитвы, или только произносит заученные слова, как сочетание звуков, не понимая, к Кому он обращается и чего просит, то есть оставляет от молитвы лишь внешнюю форму.

Чтобы научиться молитве, надо возненавидеть наслаждение, как своего врага, отбросить то, что вызывает страсть, хотя бы это было так же трудно, как, по слову Спасителя, отсечь себе руку или выколоть глаз для того, чтобы войти в Небесное Царство

(см.: Мф. 5, 29-30). Мир особенно яростно защищает свое право на страсть и наслаждение, полагая в этом главную цель человеческой жизни. Именно поэтому почти все искусство и занимается тем, что одевает разлагающийся труп наслаждения в шелковые одеяния и золотые украшения.

Чаще всего страсть возбуждается ярким чувственным образом; поэтому для приготовления к молитве образы, навеянные светским искусством и светской литературой, а также грезами и фантазией, должны безжалостно изгоняться, как воры, проникшие в наш дом.

Молитва - это зеркало внутреннего состояния человека. Молитва — это суд над человеческой душой: верна ли она Богу.

Третья сила души - сила воли. От нее зависит способность человека сосредотачиваться на нужном и защищать ум и сердце от ненужного. Иногда ее называют мужеством души. Волю расслабляет то же, что и ум, и сердце: многоведение, чрезмерная попечительность и суэта, забвение главного и приманки наслаждений. Свойства воли - решимость и терпение.

В молитве трехчастная душа становится триединой.

Белый цвет кажется особенно ярким на черном фоне. Духовный свет становится особо интенсивным в поле волевого неведения. Апостол Петр сказал Христу: *вот, мы оставили все и последовали за Тобою* (Мф. 19, 27). *Оставили все* - то есть земные обычаи, законы, представления и знания, то, что дает мир своим сынам; *оставили все* - то есть оставили свои человеческие помыслы и желания. Идти за Христом - значит идти путем молитвы, который проходит через человеческое сердце. Поэтому истинно молиться способны лишь те, кто, подобно апостолам, могут сказать: *Вот, мы оставили все и последовали за Тобою*.

Молитва - это смерть и воскресение. Кто не умирает для мира, тот не может воскреснуть для вечности. Кто не отказался от себя, тот не может найти себя.

Блаженны нищие духом

Древние монахи говорили, что Иисусова молитва - это сокращенное Евангелие, поэтому на каждой странице Евангелия как бы безмолвно дышит и светится невидимым светом Иисусова молитва.

Апостол Иоанн Богослов сказал, что цель Евангелия - открыть людям, что Иисус Христос есть Сын Божий, чтобы они, веруя в Него, имели в Нем жизнь вечную (см.: Ин. 20, 31). Через Иисусову молитву сердце человека получает свидетельство не от книги, не от людей, а от благодати, что Христос истинно Сын Божий и только в Нем вечная жизнь. Все заповеди Нового и Ветхого Заветов могут раскрыться перед нами как учение об Иисусовой молитве.

Первая заповедь блаженства гласит: *Блаженны нищие духом* (Мф. 5, 3). Духовная нищета - это внутреннее самоотречение. Человек, воспринявший ее, отказывается от своих иллюзорных богатств, от того, что так ценит слепой и страстный мир. Он отказывается от временного и преходящего, от того, что становится добычей тления и смерти. Он освобождается от своих страстных привязанностей, он с болью отрывает их от сердца, как червей, присосавшихся к ране. Он перестает доверять своим суждениям, как пропитанным ложью. Его душа похожа на корабль, из которого во время бури выбрасывают весь ненужный груз, чтобы он не утонул и не погрузился на дно с теми драгоценностями, которые спрятаны в его трюме. Или - на борца, который выходит на сражение обнаженным, чтобы противник не мог схватить его за одежду и бросить на землю. Нищий духом - тот, кто надеется не на себя, а на Бога, не на свой разум, не на свои таланты, не на помощь людей, а только на Промысл Божий. Поэтому он отказывается не только от мира, но и от образов мира в своей душе, от помыслов, колеблющих его ум. Быть нищим духом - значит иметь свое сердце свободным для Бога. Быть нищим духом - значит отречься от всего ради Одного и в этом Одном получить все. Но если для внешней, телесной нищеты достаточно однажды раздать все свое имущество, то для нищеты духовной необходима постоянная внутренняя борьба со страстными образами этого мира.

Заповедь никогда не может быть исполнена человеком в совершенстве - это путь, не имеющий конца. Быть нищим духом - значит стоять умом с молитвой у своего сердца и прогонять помыслы, возникающие в его глубине. Быть нищим духом - значит служить Богу в тайне молчаливого сердца, имея его нищим от помыслов этого мира. Человек, избавляясь от собственных помыслов, избавляется и от демона печали. Поэтому нищий духом всегда радостен. В сердце нищего духом рождается Иисусова молитва. В сердце "богатого" мыслями, хотя бы блестящими и возвышенными, молитва начинает меркнуть и гаснуть. Есть блаженная нищета - отказаться от богатства вещественного и мысленного ради Бога. Есть другая, сатанинская нищета - потерять Самого Бога; в этом смысле нищие - это демоны, у них есть все, кроме Бога.

Большая часть наших помыслов всевается в нас темными духами, поэтому отказаться от помыслов - это отдать свое ложное имение нищим - демонам, тем, кто наполняет мечтаниями нашу страстную душу и наш гордый ум. Ставшие нищими духом по Богу не должны приобретать растраченное "богатство" вновь, иначе получится сизифов труд: человек несет камень к вершине, но он выпадает из рук и снова катится вниз. Нищий духом должен отказаться не только от того, что возбуждает в душе страсти и явно влечет ко греху, но и от всего того, что не от Бога: от мирского искусства и литературы, от пустых бесед, от игр и забав, от всякой ненужной информации. Даже в чтении духовных книг он должен ограничивать себя, чтобы не отнять времени и сил у лучшего - у молитвы и нечаянно не развить в себе духовного сластолюбия и тщеславия. Простое чтение духовных книг без руководства ими в повседневной жизни является подделкой духовности, ложью, тем неправедным богатством, от которого и должен отречься нищий духом. Духовные знания, не добытые трудами и кровью и не претворенные в жизнь, делают человека фарисеем, который гордится знанием Торы наизусть. У нищего духом даже сама молитва не должна быть многословной. Гораздо больше соответствует его нищете молитва краткая по форме, но продолжительная по времени. Нищему не подобает красочно и поэтически описывать свою нищету или разыгрывать драму перед публикой, ему достаточно одного слова "помогите!". Настоящая нищета, будь то духовная или телесная, немногословна. И потому всё учение об Иисусовой молитве и о борьбе с помыслами, которое оставили нам святые отцы, по сути своей является раскрытием и исполнением все той же первой заповеди - *блаженны нищие духом*.

В настоящее время некоторые церковные писатели пытаются пойти дальше святых отцов и "усовершенствовать" технику Иисусовой молитвы. Примером этого является обширная статья "О молитве" митрополита Антония (Блума). Здесь поставлены в один ряд преподобный Серафим Саровский, Франциск Ассизский, Оптинские старцы и др. Автор хочет синтетически рассмотреть их опыт и незаметно сходит с пути, проложенного святыми отцами. Митрополит Антоний пишет о том, что после произнесения Иисусовой молитвы надо не спешить с ее повторением, а прислушаться к своей душе в молчании и постараться в этой паузе услышать ответ от Бога. По мысли митрополита Антония, мы говорим с Богом, но не слушаем Его, поэтому похожи на собеседника, который внимает только своим собственным словам. Этой своей мысли митрополит придает первостепенное значение и сообщает, что многие из его паствы, кому прежде Иисусова молитва не давалась, после принятия его методики почувствовали оживление молитвы и интерес к ней. "Раньше я в молитве только говорила, а теперь слушаю Бога", - с благодарностью сообщила митрополиту одна из его духовных дочерей. Что же происходит в таком реформированном варианте молитвы? - Соединение и чередование молитвы с медитацией. Пауза молчания - это медитативное созерцание своего собственного подсознания; при этом рождающиеся в нем субъективные переживания и смутные представления воспринимаются как ответ Бога. Само ожидание Божественного ответа не лишено гордыни: человек считает, что у него "созданы" внутренние условия для того, чтобы голос Божий зазвучал в его душе, он поступает так, как будто берет телефонную трубку, говорит "алло" и слушает ответ с другого конца провода. Здесь происходит потеря самого главного для молитвы - чувства своего достоинства и греховности. Переживания неочищенной страстной души становятся предметом

молчаливого созерцания; они культивируются, то есть искусственно возбуждаются вниманием и интересом к ним. Этот западный пиетизм в лучшем случае делает человека гурманом молитвы, а в худшем - приводит к прелести.

Восхищение ума к Богу у православных подвижников происходило неожиданно для них, а не по методу и плану, происходило зачастую именно тогда, когда они считали себя недостойными воззреть на высоту небесную, и лишь зывали из глубины сердца: "Господи, помилуй мя, падшего", когда они молились только об одном - о прощении своих грехов. Человек, обращающийся в молитве к Богу, никогда не остается без ответа, но этот ответ - помощь Божия в его жизни, особенно в его духовной борьбе. Иногда человеку кажется, что его молитва не услышана, но она исполняется не так, как хочет слепой и страстный человек, а по воле Божией, премудрой и благой.

Слышать или видеть Бога в своем сердце, вызывая Его молитвой, как бы заклинанием, или представлять Бога, действующим в нашем сердце, силой своего разгоряченного воображения - это значит в самом же начале извратить путь к богообщению. Бог по Своей любви не может явиться душе человека гордого и страстного, так как это было бы злом, потому что укрепило бы такого человека в самомнении, а значит - в оболщении.

Но митрополит захотел синтезировать опыт восточных исихастов и западных визионеров-пиетистов, захотел как бы объединить восточных и западных монахов в один монастырь и в результате создал свою особую "мистику". В такой методике трудно понять, что является паузой: молчание между молитвой или слова молитвы между молчаливым прислушиванием к своей душе в ожидании "ответа от Бога".

Всякий синтез истины и лжи превращается в правдоподобную ложь. Ошибка в области мистики разрушительно проявилась и в области догматики. Поэтому, отвечая на вопросы студентов Московской Духовной Академии, митрополит признался, что он верит в спасение людей вне христианской веры по их личным нравственным достоинствам.

Нищий духом не программирует в своей молитве встреч с Божеством, озарений и откровений. Он изумляется одному - милосердию Божию к нему, последнему грешнику.

Стяжание благодати

Спасение - это стяжание благодати, той невидимой силы Божией, действием которой преображается человеческая душа.

В благодати всегда все новое, она неисчерпаема, как Само Божество. Благодать открывает человеку три в!идения. Первое - в!идение мира Божественного, который становится для него внутренней очевидностью, и внутреннее в!идение этого мира никогда не представляет собой две одинаковые и тождественные картины. Благодать открывает духовный мир всегда как новое и неожиданное в различных емкостях и глубинах. Это видение не имеет материальных форм, красок и очертаний, но в то же время это не пустота как некий бездонный вакуум, не метафизическая темнота, в которой душа человека теряется, - это мир других измерений, который открывается душе как незримый свет, совершенно несравнимый со светом физическим, с отблесками пламени или лучами солнца.

Второе в!идение - это собственная душа человека, внутренняя бездна. Благодать открывает человеку его душу в ее растлении грехом, в гное страстей, в ее глубоком падении. Само видение греха является началом исцеления. Здесь странная и непонятная антиномия: благодать открывает взору человека темное дно его сердца, где копошатся, как змеи, страсти, и в то же время делает его душу все более прекрасной, как бы снимает с нее грязные лохмотья и облачает в белый венчальный наряд.

Третье в!идение, которое подает благодать, - видение мира, окружающего нас. Человек видит в мире то же, что в своей душе, - отпадение его от Бога и следы потерянного рая. И он начинает любить этот падший мир, но уже другой, непристрастной к нему любовью, соединенной с жалостью, с болью о том, что люди сами ввергли себя в море страданий, что они глухи к призывам Бога. Благодать открывает человеку трагедию мира, он познает Божественную любовь, которой мир не принимает. Благодать открывает человеку, что самое

страшное несчастье - это неведение Бога и вечная смерть, поэтому человек начинает по-настоящему сострадать тем, кого он прежде считал своими врагами.

Благодать всегда творит новое. Но откровение Божие было дано Церкви, и поэтому таинства, богослужения, молитвы как духовные каналы благодати имеют свою форму, устанавливавшуюся веками. И здесь опять антиномия: в одних и тех же формах таинств, обрядов и молитв человек должен и может находить новое содержание, так как обряды - это символы, которые включают человека в мир бесконечного, где нет границ и пределов для духовного совершенства.

Возьмем пример: взору человека небосвод представляется ограниченным горизонтом, это как бы голубая сфера или хрустальный купол, венчающий землю; однако в действительности небо не только безгранично в своих глубинах, но и всегда неповторимо для человека. Если христианин будет внимательно читать церковные молитвы, то раз за разом будет открывать в них что-то новое и прежде неведомое, проникать в их смысл, переживать по-иному каждое слово; ему будет казаться, что он впервые читает молитву, которую давно знает наизусть. Потому-то некоторые из святых отцов и называли молитву творчеством; только это особенное творчество, обращенное не во вне, а к своей собственной душе. Молитва сопряжена с усилием. Наша ленивая плоть и страстная душа противятся ей. Часто эта борьба бывает напряженной и мучительной, человек противостоит своему падшему естеству, миру, который врывается в него через помыслы и обольстительные картины, и демоническим силам, которые при попусшении Божиим мучают человека, наполняют его сердце тоской, безотчетным страхом, ненавистью, а иногда доводят до состояния полного изнеможения.

Для того чтобы внимательно молиться, нужен подвиг, подобный бескровному мученичеству.

Здесь снова антиномия: в молитве сочетаются боль и радость, борьба и покой, труд и утешение. Молитва - своего рода экзамен, который сдает человек, показывая тем самым какова в действительности его жизнь. Но подлый человеческий эгоизм хочет получить награду без труда и лукавый ум человека соглашается со страстями - обмануть Бога. Это происходит незаметно. Человек перестает понимать, что молитвенные слова получают животворящую силу, когда они осмысливаются умом и переживаются сердцем. Молиться рассеянно, как бы в полудреме, для плотского человека намного легче, и он начинает заменять молитву как состояние души простым произнесением молитвенных слов. Здесь происходит распад воли, ума и чувства, которые соединены при молитве внимательной. Ум наполняется помыслами, точно нечистыми животными, которых никто не выгоняет из дома, сердце становится глухим к молитве, отвердевает как камень, на котором от молитвенных слов не остается и следа. Воля отключается от разума и сердца, становится похожа на ослабленную струну, которая не может издать звука. Между человеком и Богом возникает какая-то невидимая стена. Человек начинает думать, что чтение определенного числа слов составляет молитву, и стремится, как к конечной цели, к последнему слову - "аминь".

Если такому человеку сказать, что он не молится, а обманывает себя и Бога, он оскорбится и даже не поймет, в чем его упрекают. Сущность фарисейства - внешний ритуал без духовного содержания, благочестивая поза при пустом сердце. Человек постепенно забывает о тех благодатных состояниях, которые пережил в прошлом. На молитву он начинает смотреть как на некое внешнее дело, как на ярмо, которое он должен нести, как на дань, которую он должен заплатить. Этой данью становится число прочитанных страниц. Свет молитвы гаснет в человеке, вместе с тем духовный мир делается для него далеким. Нередко люди нерелигиозные удивляются, почему некоторые верующие, православные христиане, регулярно посещающие храм, практически не изменяются к лучшему, остаются всё такими же, со всеми своими недостатками и пороками. Чаще всего так бывает именно потому, что эти христиане погасили свою собственную молитву, заменили ее лишь некой словесной формой, как бы шелестом сухой бумаги. Если такого человека спросить, о чем он молится, он вряд ли сможет ответить. Он не дает себе даже такого малого труда, какой потребен, чтобы понять смысл читаемого или слышимого, не говоря уже о духовных

переживаниях. Бывает, что человек, окончив молитвенное правило, не помнит, утренние или вечерние молитвы прочел он только что.

Особая опасность здесь кроется для священнослужителей. Они должны читать молитвы "по заказу", несмотря на занятость, усталость, свое душевное состояние, поэтому немалый соблазн для них - прочесть молитву, не включившись в нее как должно, не пережив ее сердцем. Потому-то и требуется от священника несравненно б!ольшой подвиг - всегда быть внутренне подготовленным к молитве, совершать каждое требоисполнение как свое кровное дело.

Обычно те, кто молится небрежно и рассеянно, становятся небрежными также и в отношении к исполнению заповедей Божиих, нравственная сторона христианства как бы перестает существовать для них. Они перестают видеть и ощущать свою греховность. Слабеет молитва - слабеет покаяние, а за ним и духовная жизнь. Человек, во время молитвы дома или в храме постоянно обдумывая свои помыслы или житейские дела, по окончании службы или правила удовлетворенно говорит себе: "Я помолился", - вовсе не думая, что он стоял перед Богом как мертвец.

Часто ложная фарисейская молитва развивает у человека особую гордость, он начинает порицать и учить других, как будто приобрел на это право. И в своей жизни такие лицемерные "молитвенники" бывают обидчивы, раздражительны и злы, отчего, видя это, неверующие говорят: "Ходит в церковь, а живет хуже нас". Эти люди не понимают, что они давно перестали по-настоящему присутствовать в церкви. В храме стоят только их тела как гроб души, а ум закопан, погребен в мирских заботах. Они погружены в свои мечты и планы, глухи и слепы к тому, что на самом деле происходит в храме, сердце таких людей закрыто для благодати, которая нисходит во время богослужения. Вернее, они видят только оболочку храма: как храм убран, кто из их знакомых пришел сегодня на службу, как они одеты; подходят поприветствовать их, сообщают и узнают новости, рассматривают лица, возмущаются, что их толкнули, негодуют, что у певчих скверный слух, и затем выходят из храма, будучи уверенными, что они помолились и заплатили дань Богу. Это состояние духовного самодовольства и лицемерия можно назвать обывательским фарисейством.

Но есть другой тип людей, которые хотят молиться, но их молитва рассыпается, как дом из песка; они напрягают силы, но не слышат собственной молитвы, подобно тому, как не проникают звуки голоса за железную дверь тюрьмы. Это люди, которые наполнили свою душу и память внешним, как наполняют вещами пространство комнат, так, что становится трудно двигаться и дышать. Это - культ знаний, это чрезмерное поглощение информации, когда ум становится толстым и дряблым, как тело обжоры, как чрево Гаргантюа, который поглощал все, что находилось на его огромном столе. Такие люди живут в мире накопленной информации, ненужной и бессистемной, точно Плюшкин среди собранного им хлама. Ум теряет свои силы, пытаясь обработать этот материал, заполняющий память человека и подавляющий его творческие способности, но он почти весь остается мертвой рудой. Душа, задыхаясь в груди внешних знаний, не может возвыситься над землей. Земля - стихия ученых, они могут рассуждать о Боге, но когда пробуют молиться, то чаще всего превращаются в каких-то беспомощных астматиков.

Второй культ - эмоций и переживаний. Это те люди, которые увлечены искусством; они живут в мире своих грез и воображения. Их сердце, наполненное страстями, также глухо к молитве. В храме они погружены в свои мечты. Они сетуют, что в богослужении мало эффективности. Служба представляется им чем-то чуждым и очень скучным. Иногда они принимают за составление своих молитв - так, как другие пишут стихи, но вскоре приходят к выводу, что в театре душевная жизнь куда ярче, разнообразнее и эффективнее.

Третий культ - культ наслаждений на уровне ощущений; в этой области преобладают жажда секса и крови. Такие люди теряют не только духовный, но и душевный облик. Об этом сорте людей говорить здесь не стоит. У свиньи глаза всегда устремлены вниз. Но беда в том, что эти люди нередко считают себя христианами. Что сказать об их молитве? Они молятся только тогда, когда срываются со скалы или когда у них обнаруживают злокачественную опухоль.

Два вида богопознания

Есть два вида богопознания. Первое - видеть Бога через мир как его Создателя и Промыслителя, пользоваться разумно благами мира и благодарить за них Господа, восходить от низшего к высшему, постепенно утончая и сублимируя свои чувства, видеть Творца в Его творениях и от созерцания сотворенного восходить мыслями к Сотворившему. Это путь благодарения Бога за жизнь и те блага, которые Он дал человеку. Второй путь - отвержение мира ради Бога.

В первом случае психологическая установка такая: мир приближает нас к Творцу, через него, как через тусклое стекло, мы видим лучи Божественного света. Здесь земная жизнь и космос должны служить для нашей души своего рода "трамплином", первыми ступенями к боговедению и богопознанию, мы должны прославлять Бога, созерцая ночное звездное небо, луга, покрытые ковром цветов, видеть в каждой былинке великую Премудрость Божию, смотреть на все существующее, как на хор, славящий Бога уже самым своим бытием.

Вторая установка: мир - это преграда между человеческой душой и Богом, он притягивает сердце человека, как сила земного притяжения - его тело, мирская жизнь и космос похожи скорее на облака, закрывающие собой небесную лазурь. Если Бог скрыт в мире, как в загадке, то демонические силы действуют в мире открыто. Пытаясь познать Бога через мир, мы можем оказаться в роли человека, который, будучи прикован цепями к стене темницы, наощупь пытается найти выход из нее.

Суть второй установки заключается в том, что Бога можно найти не в гармонии звезд, не в совершенстве творений, не в величии космоса, а в своем собственном сердце, освободив его от чувственных и материальных образов. Боговедение представляется не вознесением души к Богу, а реанимацией сердца, очищением его от того, что не ведет к Богу. Здесь отсутствует ступенчатая лестница, здесь только два полюса: вечная жизнь и вечная смерть. Бог как единственное добро - и демон как единственное зло. Бог как единственная цель, а остальное - ложные цели, то есть препятствия на пути. Тогда звездное небо представляется уже не гимном Богу, а покровом, лежащим между душой и Богом; красота цветов, совершенство творений - миражом, который отводит путника от дороги в глубь мертвых песков, в бездонное море пустыни, откуда нет возврата; придет смерть - исчезнет мираж, растает бесследно мирская красота, как облака в порывах бури, и наслаждения превратятся в горсть раскаленного песка для умирающего в пустыне, который напрасно хотел напиться из призрачного водоема. Здесь спасение в отчуждении себя от мира; то, что не Бог и не ведет к Богу, - это не мое.

Первый вид богопознания привлекает людей, он не разрушает обычный ход жизни; второй кажется странным и жестоким, он требует непрерывных внутренних жертв: посмотрел человек на зеленое дерево и получил некое наслаждение от созерцания красоты, образ зеленого дерева отклонил его мысль от Бога, в этот момент для него Богом стало дерево; почувствовал он наслаждение от созерцания его красоты, значит, в этот момент душа его не жаждала Бога, благоговение он променял на наслаждение, вид дерева одновременно отклонил от внутренней молитвы его мысль, чувство и волю и создал в его представлении ложный образ красоты. Озарил человека, как вспышка света, смелая блестящая мысль, и вот он уже зачарован бенгальскими огнями своего падшего ума, он отключился от молитвы, его собственный рассудок показался ему если не всемогущим, то мощным, и на него возложил он надежду. Допустил в себе человек желание материального и видимого, и в это время погасла в нем любовь к Богу, Бог оказался на периферии его сознания, как бы выселенным из комнат в каморку ума.

Пошутил человек - и здесь провокация против собственного спасения: он создал ложный образ, так что стал творцом ложного мира - мира карикатуры, мира демона. Шутку чаще всего рождает не доброта, а нечто совсем противоположное: превозношение и садизм; унижая человека в шутку, мы под видом добродушной игры доставляем удовольствие своему жестокому сердцу. Поэтому шутка выключает человека из духовной жизни.

Разгневался человек на ближнего - и пожелал его уничтожения, вошел в одно поле с убийцами и палачами, ибо в гневе мы обычно имитируем убийство словами. Сам же гнев происходит от живущей в нас похоти; кто гневается, тот жаждет наслаждений и любит мир с его прелестями.

Страсть делает человека идолопоклонником. Страсть усваивает предмету своего поклонения божественное достоинство, поэтому она всегда лжет; один из философов сказал: "Где много глины, там делают больших идолов". Страсть приводит человека в состояние духовного паралича; рано или поздно идол упадет и разобьется, он имеет сделанные уши, но не слышит, имеет вылепленные из глины глаза, но не видит; идол, созданный нами, мертв, он ничего не может дать нашему духу.

Второму виду богопознания свойственно избегать даже размышления о Боге. Людей, избравших первый его вид, богословие может приводить в восторг, людей второго - оно скорее пугает, так как они уверены, что ни одно слово не достойно Бога, что ни ангельский, ни человеческий ум не могут выразить Его; они надеются, что Бог Сам откроет Себя ищущим Его через покаяние и молитву и откроет Себя не в блестящем богословии, не во внешнем боговедении, а как жизнь самого сердца.

Человек, следующий первым путем, размышляет в своем сердце посредством аналогий, ассоциаций, он смотрит на мир, как на притчу, таящую в себе высший духовный смысл, а следующий вторым отвергает мысль, если она не о Боге, какой бы полезной и доброй эта мысль ни казалась, более того, он отвергает ее даже не оценив - достаточно, что она не о Боге и не ведет к Богу. Чтение богословских книг вызывает размышления, оценки, утверждения и отрицания, анализ и синтез, умозаключения и т. д., и это воспринимается как отвлечение от Бога, а не приближение к Нему. Такому человеку кажется, что если он начнет богословствовать, то будет похож на того, кто, отвернувшись от своего живого отца, пристально рассматривает его изображение на картине.

Второй вид богопознания и боговедения требует одного - обращенности сердца к Богу и борьбы с тем, что мешает этому. Сердце можно сравнить с зеркалом: чтобы зеркало отражало небо, нужно держать его направленным вверх и очищать от пыли и грязи. Можно на поверхности зеркала нарисовать самую прекрасную картину неба, но настоящее небо в нем отражаться уже не будет. Первый предпочитает картину, второй - свет лучей. Ум второго похож на воина, который стоит у дверей царской опочивальни с обнаженным мечом и того, кто хочет открыть эти двери, встречает оружием, не спрашивая, кто этот человек и что ему надо. Так и ум человека, ищущего Бога, должен поражать помыслы, приходящие извне или выплывающие из темных глубин его души.

Ложь дублирует, подменяет собой реальность, создает фальшивый, "параллельный" мир, отрывает рассудок от сердца, привлекает его внимание к себе. И затем, по истрезвлению, ум оказывается связан необходимостью помнить ложь, обольстившую его, чтобы не попасться вновь в те же сети и не сочинить новую. Сердце же, отвращаясь от лжи, в то же время смолкает, закрывается, дух уходит в "самое себя", свет души гаснет. Поэтому основа религии и богопознания - правда.

"Не убий"

Звездное небо - постоянный источник вдохновения для поэтов и изумления для философов. Оно никак не втискивается ни в систему рифм, ни в систему силлогизмов. Звезды - это символы вечности, искры ночи, застывшие на лету, просветы в необъятной дали космических пространств. Звезды - это алмазные очи, которыми небо смотрит на землю. Если бы мы, люди, могли спросить у звезд, что постоянного и неизменного видят они на земле, то звезды ответили бы нам: на земле постоянно только время и неизменна лишь смерть, все остальное возникает, меняется и исчезает, постоянно только само непостоянство мира, а неизменна его переменчивость. Если бы мы спросили у звезд, что удивительного нашли они на земле, то они ответили бы: человеческую глупость, которая, зная о времени и смерти, строит свои дома на текучем потоке реки и забывает о вечности.

Смерть - универсальный факт нашего бытия, со смертью мы встречаемся повсюду, она следует за жизнью, как тень. И все-таки смерть остается для нас тайной, прикоснуться к которой мы боимся. Странный парадокс: мы видим смерть повсюду, но вопреки очевидности не верим, что она существует. Нам кажется, что мы неподвластны ей, что ее каток, сокрушающий все на своем пути, промчится мимо нас. Мы видим смерть, мы порой как будто думаем и говорим о ней, но в то же время, даже проходя мимо могил, мы в глубине своего сердца не верим, что когда-нибудь так же будем лежать в заколоченном гвоздями гробе под слоем земли, что наше тело подвергнется тлению: глаза выпадут из глазниц, мозг вытечет через ноздри, плоть превратится в сукровицу, и могильные черви превратят нас в землю, из которой и взят человек.

Мы видим смерть своих близких: один за другим они уходят в небытие - страну, откуда нет возврата. Но в глубине души не верим, что нам предстоит тот же путь. Мы отгоняем эту мысль от себя: слишком ужасна она для нас, как лик Горгоны. Этот малодушный страх перед смертью превращает нашу жизнь в жалкую игру теней. Когда смерть все же приходит, мы оказываемся к ней не готовы, оказываемся в роли лжецов, обманувших самих себя.

Мы живем в потоке времени. Время дано нам как некое наследство, как отцовское богатство, но оно имеет свой предел. С каждым днем оно тает и уменьшается. Мы думаем, что время, данное нам, всегда будет в нашем распоряжении, и потому с пьяной щедростью расходует его. Мы думаем, что всё время еще впереди, а когда приходит смерть, то видим, что время кончилось, как раскрученный клубок шерсти.

Забвение неизбежности смерти и конечности времени приковывает, точно гвоздями прибавляет нас к земле. И мы по сути добровольно отдаем себя смерти, хватаясь за временное, за то, что удержать невозможно. Шестая заповедь гласит: *Не убий* (Исх. 20, 13). Но мы непрерывно нарушаем ее, так как непрерывно же убиваем свой собственный дух. Предав себя власти временного, непостоянного, изменяющегося и в конце концов смертного, того, что само находится под властью тления, мы сами же произносим над своей душой приговор. Забыв о смерти, мы забываем о вечности и тем лишаем себя вечной жизни. И каждый день, отданный только земле, есть каждодневное самоубийство.

В средние века были распространены картины под названием "Пляска смерти" в различных вариантах. В ней смерть то преследует человека, как охотник зверя, то появляется на свадьбе, то ходит по саду с косой в руках, не разбирая, что она режет под корень: сорняк или цветы, то наклоняется над постелью ребенка, то стоит, как распорядитель пира, с чашей в руках между пьяных гостей. Но самым излюбленным сюжетом был танец человека в объятиях невидимой для него смерти в образе скелета. Человек танцует среди трупов, но на лице у него беззаботная улыбка - это образ нашей жизни, привязанной к земле. Все громче звуки этого вальса смерти, все быстрее движется зловещая пара, все крепче смерть прижимает к груди человека... и, наконец, отбрасывает его в груды трупов, как бросают полено в груды дров. Наша жизнь похожа на игру теней на стене. Гаснет свет - исчезают тени.

Первое убийство своей души - это неверие в Божество. Атеизм - философия отчаяния, это бессильное желание увековечить земную жизнь, философия, которая обращается в ступор ненависти к Богу. Атеизм непоследователен. Если человек приговорен к смерти, то он должен испытать все возможности этого приговора избежать. Когда у человека обнаруживают рак, то он начинает искать какие-то особые лекарства и снадобья, он готов ехать на край света, если услышит, что там его могут исцелить, он готов продать все, что имеет, лишь бы купить себе право на жизнь, которая рано или поздно все равно окончится могилкой. Все мирские заботы и проблемы кажутся ему какими-то мелочами перед образом спрута болезни, который впился в его тело и пьет его кровь.

Атеизм уверяет себя, что загробной жизни нет, он как бы затыкает уши, когда ему говорят о Боге и вечности, и с наслаждением уверяет себя, что спасения не существует. А ведь если бы человеку сказали, что в его саду зарыт клад, и надо только поработать лопатой, чтобы найти его, то он постарался бы проверить, правда ли это, хотя бы и допускал лишь

один шанс из тысячи, что это правда. Так что вся огромная книжная продукция атеистов в совокупности может быть названа кратко: "Руководство для самоубийц".

Но вот вещь, еще более непонятная и удивительная, нежели атеизм: человек, веря в Бога и почувствовав в душе своей Его благодать как дыхание вечности, продолжает жить так, будто Бога нет. Душа такого человека похожа на несчастного, который лежит под обломками рухнувшего здания и грудями земли. Он хочет сбросить с себя эту тяжесть, но не может даже пошевелить рукой. Мы лежим под обломками наших разрушенных планов и надежд, мы погребены под земными заботами, мы хотим подняться, но наши страсти снова пригибают нас к земле.

Чтобы быть с Богом, надо отказаться от внешнего, оставить только необходимое. Когда за человеком гонится зверь, то человек, чтобы легче было бежать, сбрасывает с себя одежду. А мы боимся расстаться с грузом материальным и душевным и носим, и носим на своих плечах этот тяжелый мешок...

Эта жизнь дана нам, чтобы сочетать свое сердце с Богом, чтобы сделать его нерукотворным храмом Святого Духа. Но мы делаем сердце клеткой зверя или корытом для свиней. Когда наступает смерть, мы понимаем, что были обмануты, что вечно только невидимое, а видимое обращается в ничто: держась за видимое, мы хватались за пустоту. Вечен человеческий дух, то, о чем мы постоянно забываем. Каждый из нас видел череп, его обнаженные зубы похожи на гримасу улыбки. Может быть, это образ того, что мертвец смеется над собственной жизнью, смеется, увидев то, что ожидает нас, но пока сокрыто, смеется над собой и своими собратьями.

Заповедь: *Не убий* говорит нам о том, чтобы мы не убили жизни нашего духа, не убили времени, данного нам для спасения, не убили своей души, закопав ее в могилу страстей и земных забот, чтобы мы не убили (то есть не лишились) бесценного сокровища, которому изумляются даже Ангелы - любви Божества к человеку.

Не убий - значит выбери жизнь. Начало и завершение, источник, содержание и совершенство жизни - это Бог. Если Бога нет, то всему конец, и жизнь лишь бег осужденного к виселице. Если есть Бог - а Он открыл нам Свое бытие, Он тысячекратно свидетельствует каждой душе, что Он есть и близ нее, - то каждое мгновение человеческой жизни, каждое биение сердца должно быть посвящено Ему.

Бог есть Дух, но Он дал нам как некий залог Свое имя и таинства Церкви. Мистическая жизнь души - это пребывание в имени Божиим - непрестанной молитве. Когда забывается и исчезает молитва, тогда человек отступает от Бога.

Спасение - это не только "личное" дело отдельного человека. Когда человек приобретает благодать, то ее тихим незримым светом он озаряет и жизнь других. Около таких людей согреваются души. От общения с ними люди получают силы и внутренний мир. А человек, умирающий в грехах, источает из себя трупный яд.

Шестая заповедь гласит: *Не убий*, то есть избери жизнь, а жизнь - это Бог, сошедший на землю и принявший смерть, чтобы сделать нас бессмертными. Бог, Который создал Вселенную, тысячи миров, время и вечность, ждет, чтобы мы сами открыли для Него свое сердце. Моисей окончил свою пророческую проповедь и последнее завещание словами: "Израиль, Я положил пред тобой огонь и воду, жизнь и смерть, выбери жизнь, чтобы жил ты и дети твои" (см.: Втор. 30, 19).

...Если бы можно было спросить у звезд, которые, как стаи огненных птиц, летят с Востока на Запад: "Что самое прекрасное увидели вы на земле?", то ответили бы звезды: "Самое прекрасное - это человеческое сердце, в котором сияет божественным светом имя Иисуса Христа".

Дух и душа

В современной религиозной литературе постоянно смешиваются два разных понятия: "дух" и "душа", что приводит ко многим неясностям и недоумениям. Поэтому мы хотели бы кратко остановиться на этом вопросе.

Дух - это око души, обращенное к вечности; душа - это внутренние глаза человека, обращенные к области земного бытия во всех его многогранных аспектах.

Из проявлений человеческого духа следует назвать прежде всего религиозное чувство как способность непосредственного переживания реалий духовного мира и интуитивное проникновение в метафизический мир, это чувство внутренней достоверности духовного опыта. Оно пробуждается, оживает в человеке действием благодати; его начало - покаяние, а конец - любовь.

Религиозное чувство присуще человеку. Человек отличается от животных прежде всего тем, что он существо религиозное. Это чувство может быть искажено, как искажены отражения на неровной поверхности зеркала, оно может быть подавлено и заглушено человеческими страстями, оно может скрыться в глубь подсознания, но совершенно исчезнуть оно не может. Второе проявление духа - это "внутренний логос", это познавательная сила, действующая на уровне идей и сущностей. Третье - способность созерцания, обращенность человека к Божеству, когда богообщение становится свободным актом человеческой личности. В самой основе созерцания лежат внимание как способность концентрации сил духа на созерцаемом предмете и реактивная сила, защищающая дух от агрессии внешнего.

Душа же имеет в себе следующие силы. Первая - разума или рассудка. Она проявляется двояко - через словесное или образное мышление: она не проникает в сущность вещей, она отключена от духовного мира, она изучает только явления и свойства. В падшем состоянии рассудок сделался узурпатором логоса и тех познавательных сил, которые святые отцы называли умом. Душевный рассудок провозгласил себя единственным инструментом гносиса, он претендует на решение метафизических вопросов, лежащих за пределами его возможностей, он вторгся в область религии и хочет быть там диктатором. Он смотрит на себя как на властителя мира, он считает, что сила и мощь его беспредельны, он создал науку и цивилизацию - эту новую вавилонскую башню. Отключившись от духа, человеческий рассудок стал главным источником гордыни - тайного или явного богоборчества. Когда же благодать осеняет его, тогда он видит свою меру и свои границы и покоряет себя духовному видению и религиозным интуициям. Тогда он в этом земном бытии видит творение Божественной премудрости, в материальном мире - не только причинно-следственные связи, но и символы и образы духовного мира. Соединившись с логосом, он выявляет его откровения в профористическом (внешнем) слове, духовные знания он приводит в определенные логические системы через земные образы, выявляет сокровенное.

Вторая сила души - это желание. Отключившись от религиозного чувства, из духовных переживаний оно превратилось в вожделение, стремление к наслаждению, в темные страсти, извращенную чувствительность. Эта сила больше всего повреждена грехопадением. Разум, упоенный своими видимыми успехами и достижениями, оказался не царем, а рабом вожделения. Соединившись через покаяние с духовным чувством, желание перестает быть неуправляемым и импульсивным. Оно помогает уму стремиться к добру, оно видит в этом мире тени потерянного рая. Желание как сила души, соединившись через благодать с силами духа, превращается в ностальгию по Божественной красоте.

Третья сила души у святых отцов называется раздражительной. Это защитная сила души. Она должна охранять душу от зла и греха, как иммунная система человека - от инородного тела. Лучшее проявление ее - святая ненависть к тому, что разлучает душу от Бога. Однако после грехопадения раздражительная сила обратилась против того, что мешает исполнению страстных желаний; в этом случае раздражительная сила похожа на меч, который дан в защиту от врага, но душа этот меч обратила против самой себя и непрерывно наносит им себе все новые раны.

Реактивная сила, поврежденная грехом, проявляется не как сохранение личности, а как утверждение эгоизма человека; во внешнем плане она проявляется в огромной амплитуде: от постоянной раздражительности и нетерпимости в семейном кругу (синдром мелкого беса) до человеческих гекатомб, которые совершают тираны (пир сатаны). Разрыв между желанием и возможностью вызывает и питает чувство раздражения и озлобления: человек воспринимает

весь мир как сплошную несправедливость по отношению к нему, как будто все человечество сговорилось, чтобы досадить ему. Такой человек похож на бомбу, начиненную грязью, которая взрывается при неосторожном прикосновении к ней. Это чувство, усиливаясь, может приводить человека к страшным душевным состояниям, выливаться в садизм и безудержное стремление убивать.

Когда через покаяние и благодать раздражительная сила души соединяется с духовным чувством обращенности к Богу, то она становится динамичным отрицанием греха, самокритичностью, ненавистью к демону, чуткостью к вторжению темных импульсов в человеческую душу, действенным орудием в очищении сердца от страстей.

В этом вопросе столкнулись между собой тримерия Востока и димерия Запада. Восток четко разграничивает область духа и души, Запад сливает их в душевном монизме. Кроме того, западная антропология говорит о грехопадении человека только как о потере Божественной благодати, при сохранении естественного состояния души. Для восточной же антропологии грехопадение представляется более глубокой драмой в истории мира: человек выпал из центра своей жизни, на место Бога он поставил себя. Богоборческий импульс, разорвав союз человека с его Творцом, деформировал саму человеческую природу. Дух стал отключенным от души, будучи оторванным от Бога, душевные силы также разобщились между собой: разум, чувство и воля то вступают в согласие, то противостоят друг другу. Поэтому восточный аскетизм - это борьба за человеческое сердце, поэтому восточный подвижник не доверяет себе, не доверяет своей душе, его цель - покорить душу духу, а дух - благодати. Поэтому основа аскетики Востока - покаяние, тот плач о грехах, которого не понимает мир, считая его слабостью, малодушием и болезненной слезливостью. Западный подвижник начинает с бодрого вызова темным силам преисподней, с которыми готов сражаться, как рыцарь с исполинами. Основа этого подвижничества не покаяние, а честь и любовь; но какая любовь?..

О богообщении и богооставленности

Книга Иова и Песнь песней являются самыми таинственными книгами Ветхого Завета.

Из толкований на Книгу Иова можно составить целую библиотеку. Некоторые из этих толкований отличаются высокими достоинствами и глубиной богословской мысли. Однако у читающих Книгу Иова и ее экзегезу остается чувство какой-то неясной неудовлетворенности, ощущение того, что здесь что-то недосказано и что-то важное скрыто под текстом, как под внешней оболочкой книги.

Церковное Предание свидетельствует, что эту книгу написал царь и пророк Соломон. Для нас это чрезвычайно важно, для нас это - нить Ариадны, которая указывает путь в подземном лабиринте, где путник, открывая одну дверь, видит перед собой десять закрытых дверей и, двигаясь по сплетенным, как кружева, коридорам и лестницам, в конце концов оказывается в тупике.

По нашему мнению, Песнь песней и Книга Иова - это история души в двух состояниях: богообщения и богооставленности. Интенсивность и свет богообщения переходят в муки и непроницаемый мрак богооставления. Чем сильнее любовь к Богу, тем страшнее мысль о вечной потере Бога; когда Бог становится внутренней жизнью человека, то прерванное богообщение и даже только страх потерять его превращаются в муки ада, неведомые миру.

Книга Иова и Песнь песней - это два полюса религиозной жизни, и между ними пролегает поле огромного напряжения. Это переживание души, созерцающей в своем наличном состоянии и перспективе вечности рай и ад. В начале книги говорится о праведной жизни Иова, но это внешний, верхний пласт. Самое главное, что его душа была поглощена любовью к Богу, подобно Суламите из Песни песней. По древним толкованиям, под образами жениха и невесты в Песни песней символически подразумеваются Божество и человеческая душа. В этой книге есть следующий эпизод: ночью жених зовет через дверь свою невесту, она медлит на своем ложе, а когда открывает дверь во двор, то видит, что там уже никого нет. Она в горести ищет своего жениха по улицам и площадям города. Ночные

стражи хватают ее, срывают с нее одежды, избивают, и она едва вырывается из их рук. Экзегеты видят в этом испытание невесты. Ночь - страдания и скорби, уход жениха - богооставленность, сорванный хитон - знак потери всего видимого, борьба с темными силами, подстерегающими душу, раны и унижения, которые терпит от них душа; но самая страшная мука для невесты - это мысль, что жених разлюбил и оставил ее навсегда.

Когда мы читаем Книгу Иова, нас удивляет непонятный психологический контраст: Иов, бесстрашно и мужественно, как мученик, принявший посланные ему испытания, стал вдруг проклинать свою жизнь, роптать и оправдываться перед Богом. Самое худшее как будто уже случилось, что же еще терять Иову, почему же не принять смерть с молитвой на устах, как принимали ее многие праведники и пророки? Почему этот спор человека с Богом должен был войти как непонятное назидание в Библию?

Некоторые толкователи, чтобы "оправдать" Иова, стараются приписать его друзьям, беседующим с ним, формальное, юридическое и даже прагматическое отношение к Божеству. Но нам такие выводы кажутся тенденциозными и вовсе не исходящими из текста. Напротив, речи друзей Иова возвышенны и прекрасны, любой современный богослов мог бы только позавидовать орлиному полету их богомыслия и красоте употребляемых ими образов и сравнений, вдохновенной религиозной поэтичности их слов; они воодушевлены надеждой на милосердие Божие и как раз поэтому убеждают и умоляют Иова принести перед Богом покаяние, чтобы удостоиться прощения. Иов отвечает им, но создается впечатление, что он не понимает, как бы не слышит их своим сердцем, что он, Иов, и его друзья стоят на двух духовных плоскостях, разделенных огромным расстоянием.

Отцы сказали: "Блажен тот, кто читает Песнь Песней - он вошел в алтарь храма, если понял ее таинственный смысл". Царь Соломон в юности своей пережил высокие состояния богообщения и боговидения. Песнь песней - это пророчество, но в то же время и откровение, которое он пережил сам. Однако богообщение этого блистательного израильского царя было трагически и неожиданно прервано. Библия скупно и глухо говорит о том, что "развернулось сердце Соломона" (см.: 3 Цар. 11, 3). После построения храма Иеговы, который называли чудом света и красой Иерусалима, Соломон воздвиг идольские капища для своих жен-чужестранок и сам присутствовал при демонических ритуалах. Теперь он так же опытно пережил реальную богооставленность - ад при жизни, потерю благодати. Если бы с него сняли царский венец и сделали последним рабом в собственном его доме, то и это было бы ничто перед муками души, которая потеряла величайшее из сокровищ и, помня о своей прежней любви, горит день и ночь в черном пламени.

По преданию, царь Соломон принес глубокое покаяние перед Богом и был прощен. Скорбью этого покаяния и тихим, мягким светом Божественного прощения озарена другая книга Соломона - Екклесиаст, как бы его предсмертное завещание. Эта книга похожа на последние лучи солнца, заходящего за горизонт. Итак, Соломон пережил высоту богообщения, которая в Песни песней сравнивается с восхождением на вершины Ливана, и глубину богооставленности, которую познал до Соломона, может быть, Адам.

Мы далеки от мысли, что Иов - это образ самого Соломона. Но мы хотим сказать, что он был особенно близок душе Соломона через внутренние переживания, недоступные нам.

В жизни Иова мы видим три периода: период, когда он занимал высокое положение в своей стране (в церковной гимнографии он назван царем); период испытаний: потеря детей, имущества, проказа, изгнание из города и, наконец, богооставленность; и третий, заключительный период - время награды за праведность и верность в испытаниях.

В жизни Соломона мы так же можем отметить три периода: блистательное начало царствования, когда Соломон, как это можно видеть в псалмах, представлял собой символический образ Мессии по своей святости и мудрости, время строительства Храма в Иерусалиме, когда он сам восходил по ступеням духовного храма к высшим созерцаниям и озарениям, когда его сердце пело Песнь песней. Второй период - смерть прежде смерти, отпадение от Иеговы, потеря Того, Кого он любил больше всех на свете. За пять столетий до Соломона пророк Валаам сказал: "Пророк падает, но глаза его видят" (см.: Чис. 24, 4). Соломон в своей богооставленности видел себя покрытого струпами проказы, душу,

пораженную грехом, разлагающуюся, как труп, видел следствия своей измены Богу: царство, разорванное, подобно одежде, на части, двенадцать племен, обративших мечи друг против друга, разрушенный Иерусалим и пепелище на месте, где стоял построенный им Храм. Это была нищета более страшная, чем нищета Иова. Соломон, восседая на золотом троне, видел погубленное царство, народ, умирающий от голода, и Иерусалим, сожженный грехом его царей.

В своем великолепном дворце, соперничавшем с дворцами Египта и Вавилона, он переживал то, что Иов - на куче мусора, который сбрасывали с крепостных стен, Иов, заживо пожираемый червями. Это были не физические муки, а ужас богооставленности. Ниже всех пал первоангел, тот, кто был ближе всех к Престолу Божию. По мистической высоте Песни песней можно мысленно представить бездну, на дно которой пал изменивший Богу пророк. Какой силы нужно было покаяние, чтобы Соломон мог заново родиться, чтобы орел, превратившийся в червя, снова обрел свои крылья? Священное Писание хранит об этом молчание, но безмолвный вопль души Соломона, как вспышки ночных молний, озаряет страницы Книги Иова. Здесь нет заимствований, а лишь одна и та же трагедия богооставленности, хотя причины ее неодинаковы. Здесь - близость духовных переживаний. Святитель Иоанн Златоуст говорит: "Со Христом и в аду хорошо"; здесь ад представлен как нечто внешнее по отношению к душе человека, как место и совокупность страданий, которые может испытать человек, душа которого при том принадлежит Христу.

Иов жил любовью к Богу, эта любовь была сокровенной тайной его сердца, о которой не могли догадаться даже его друзья: понять ее может только тот, кто пережил ее сам. Первые удары Иов принял непоколебимо, как скала порывы бури или утес - напор бушующих волн. Иов был среди мира одинок, как одиноки все, любящие Бога, но потеряв всех и всё, он в сердце своем остался с Богом, как мореплаватель, потерявший корабль и спутников, однако сохранивший драгоценный камень, ради которого он предпринял свое дальнейшее путешествие. Но затем последовало более страшное испытание, внутреннее, невидимое для мира - это богооставленность или страх перед богооставленностью. Что такое богооставленность, нам трудно понять, как трудно понять, что такое адская мука.

Песнь песней дает нам некоторый ключ к тайне, хотя бы ее смутные и неясные тени: в ней любовь Бога и души сравнивается с любовью жениха и невесты. Вся жизнь сосредоточена для невесты в ее женихе, она отдала ему все свое сердце без остатка и вдруг видит, что жених покидает ее и, быть может, навсегда.

Тогда ее любовь превращается как бы в крик боли, она говорит: "Почему ты разлюбил меня, что сделала я тебе, что ты оставляешь меня?!". И это не самооправдание. Это боль и кровь сердца. Речи Иова - крик души, уязвленной болью любви, ужас разлуки с Любимым, без Которого смерть лучше жизни. Мы видим, как ищет ответа Иов: почему Бог поставил его как бы на краю бездны, перед угрозой вечной разлуки? Но не столько ищет он ответа и объяснений, сколько Самого Бога, без Которого не может жить...

Иов не отрицает своей греховности как присущей всем людям вообще, но он не находит в себе того греха, который мог бы прервать это мистическое богообщение, повернуть русло любви Божией вспять от него. Он хотел бы видеть свой грех и преступление, чтобы любой жертвой искупить их; он ищет их честно и мучительно, но не находит, именно не находит греха, который превысил бы прежнюю любовь Бога к нему, а лгать Живому Богу он не может. Одев маску, даже маску смирения, уже невозможно видеть лицо Бога. Здесь особый метафизический трагизм: не кошмар грехопадения Соломона, а трагизм собственной праведности, по сути безысходный, ибо Иов не может пожертвовать правдой ради любви и любовью ради правды. Иов мужественно вынес самые тяжкие испытания, как доказательство своей любви к Богу, но теперь, в новом внутреннем переживании - богооставленности или перед ужасом её - эти же самые испытания могли показаться ему охлаждением Божественной любви к нему, и этого перенести он уже не мог. Поэтому слова Иова - это безумие любви, это плач Суламиты в разлуке с ее женихом. Великая скорбь и великая радость молчаливы, поэтому слова друзей, как бы ни были они прекрасны, только обременяют Иова. Суламиту могут утешить не ее подруги, а лицо жениха. Суламита, увидев

его, забывает все: и речи своих подруг, и свои слезы, и саму себя. Совершается феофания - Бог явился Иову: "Я слышал Его, а теперь вижу Его" (см.: Иов. 42, 5), - говорит праведник. Это Богоявление - ответ не на слова Иова, но на любовь его сердца. Бог явился ему не с тем, чтобы разрешить недоумения - в свете Божества они исчезли без следа, как тени, - а с тем, чтобы уверить Иова в Своей вечной любви. Это новое богоявление - ответ на все мучительные вопросы Иова, ответ Бога: "Я с тобой".

Прокаженный Иов сидит на гноище, но Бог невидимо пребывает с ним. И оттого место это кажется ему тронем, проказа - царским одеянием, а черви - золотыми украшениями на нем. Иов внимает Богу в безмолвии.

Господь исцеляет Иова, возвращает ему богатство, продлевает его жизнь, но это все - лишь свидетельство того, что внешние испытания кончились. Эти милости даны скорее не столько для самого Иова, сколько для друзей праведника, чтобы они убедились в его святости.

Господь говорит друзьям Иова, чтобы они просили его молитв о себе, так как Иов больше прав, чем они. В чем состоял грех друзей Иова? Это был скорее грех не как преступление, а как несовершенство: олень не должен указывать путь летящему в небе орлу; олень может проходить через лесные чащобы и горы, но орел легко перелетает их. Друзья Иова с их идеей справедливости и воздаяния не могли понять, как один порыв любви может быть перед Богом драгоценнее внешней праведности, праведности Закона. И потому этот упрек Бога должен был показать им их несовершенство в самом главном и приоткрыть им тайну Иова.

Один из экзегетов сказал: "Книгу Иова надо читать через слезы". Мы бы добавили: через слезы не об Иове, а о нас самих, о том, как по сравнению с озаренной огненной любовью душою Иова темна и пуста наша душа.

Религиозные чувства интеллигенции

Мистика - это любовь человеческой души к Живому и Личностному Богу. В мистике нет законов, так как любовь является душе как бесконечная внутренняя свобода, там нет причинно-следственной связи, там Бог воспринимается как единая жизнь, а потеря Бога - как смерть. Магия - это попытка определить законы духовного мира и через знание этих законов, включая себя в ассоциативные символы, числа и имена, иметь возможность воздействовать на духовный мир. По стилю мышления магия ближе, чем мистика, уму ученого, и поэтому многие из них впадали в магизм, например, Крукс, Фаррадей, Бутлеров, Флоренский и др. Они хотели изучить и классифицировать в соответствии с привычными для них методами научного познания феномены духовного мира и в результате оказывались в плену оккультно-демонического мира. Другие ученые, рационалисты, сливали Божество с миром, их религией была вера в разумность Вселенной, в одухотворенность самой материи, благоговение перед непознанным, а другими словами, перед самим творческим процессом познания. По мысли Эйнштейна, быть ученым - это уметь удивляться. Здесь религиозное чувство подменяется индивидуальным вдохновением поиска.

У ученых, обладающих более художественной натурой, религиозное чувство заменялось восхищением устройством и явлениями видимого мира уже с элементами эстетического переживания: Бог, мир и я - едины. Это - явный или скрытый пантеизм. Так, например, Тейяр де Шарден, выдающийся ученый, палеонтолог и священник-иезуит, описывает случай, когда он находился в экспедиции: у него не было вина и хлеба для совершения мессы, и он ранним утром, взойдя на холм, погрузился в созерцание природы и пережил рассвет как Литургию, а восход солнца как явление Христа и Таинство Причастия. Здесь явно стирается грань между Церковью и миром, Божеством и Его творением, сакральным и профористическим, внешним. Для таких людей весь космос - литургисающий организм. Миссия Церкви - одухотворить Вселенную, а здесь саму Церковь растворяют и как бы топят в хаосе неосвященного.

Обычно такие ученые вносят в религию дух секуляризации. Гордый ум говорит: или Бога нет, или, если Он есть, я - Его частица. К ученым обращены слова Спасителя: "Если хочешь быть со Мной, иди, раздай имение свое нищим и следуй за Мной" (см.: Мф. 19, 21). Юноша, услышавший эти слова, опечалился и отошел от Христа. Ученому надо не только учиться, но, что гораздо труднее, - переучиваться. Так, например, преподобный Арсений Великий, образованнейший человек, которого император избрал в качестве воспитателя для своих детей, говорил, что он не знает даже азбуки той мудрости, которой владеют живущие в пустыне монахи.

Несколько особняком среди ученых стоят психологи, они лучше других понимают бессилие науки объяснить психику человека материальными факторами, и в тоже время те из них, кто считает себя верующим, воспринимают религию через призму психологии. Для них религия - определенная программа, в которую человек должен включиться, а молитва - нечто, похожее на аутотренинг, самовнушение; ценности ее они не отрицают, но сущности не понимают, духовного мира как мира иных существ и духовных субстанций для них практически не существует. Религия для них - это оптимальные психические установки, хороший вид самозащиты от стрессов и потрясений, источник терпения, надежды во время болезни, спокойствия в час смерти, а где Живой Бог - неизвестно.

Потому-то некоторые из таких психологов и склонны смотреть на религию в ее заповедях, обрядах и ритуалах как на лечебное средство, особенно необходимое для слабой, расшатанной психики и применяемое в комплексе с такими приемами, как психоанализ, гипноз и медитация.

Некоторые из них идут еще дальше и готовы допустить, что ряд психических заболеваний, наркомания и алкоголизм - это не только субъективные процессы, не только растормаживание подсознания, но и прорыв в демонический мир.

Иногда психологи считают творения аскетов ценным материалом по самоанализу, но в целом религия для них имеет не духовую, а душевную ценность: чем выше идеал, к которому стремится человек, тем более способен он к выживанию в экстремальных условиях современного мира. Яркий пример такой двойственности представляет собой академик Павлов. Нося крест, исполняя религиозные обряды, беря благословение у священника и являясь старостой храма, он в тоже время давал согласие вступить в качестве члена в английское атеистическое общество под названием "Рационалист", с оговоркой, что считает религию нужной для людей определенного психического склада, "слабой конституции". Религиозность своей жены - дочери Менделеева - он наблюдал, по его словам, с "жутким чувством".

Хроническая болезнь интеллигенции - духовная гордость; она обычно прячет себя под лживыми словами о правах и достоинствах человека. На самом деле здесь - выделение себя в некую элиту, кичение своим интеллектом, и никакой интеллигент всерьез не сравнит себя ни с крестьянином, ни с ремесленником, ни с тем, кто имеет более низкий образовательный ценз. Наоборот, под этими словами о достоинстве скрываются соперничество и неутолимое желание превосходства. Нередко приходится слышать от интеллигента: "Как я могу стоять в храме рядом с какими-то старухами и невежественными людьми!". Редко какой художник скажет, что его собрат более талантлив, чем он; редко какой композитор согласится, что не он, а кто-либо другой выразил глубже гамму человеческих чувств; редко какой поэт не считает себя "суперпоэтом" современности; редко какой артист не сетует на то, что его гений остается до сих пор непризнанным миром. Если такой человек не увидит в себе этой страшной болезни реально, не увидит, как и он сам, и прочая "элита", кричащая о достоинстве человека и о служении народу, занимаются из чувства соперничества и ревности самыми подлыми интригами, сплетнями, поносят друг друга, если не произойдет это чудо - видение не блеска, а грязи своих страстей, то его религиозность примет демонический характер. Поэтому-то и не удивительно, что такие люди, как Бодлер, Гюго, Брюсов, Блок, Андрей Белый и Метерлинк, принадлежали к тайным демоническим сектам.

Ересь имеет обычно два начала. Первое - ложный мистический опыт, когда человек, не очистившись от греха, не обуздав своих страстей, не смилив своей гордыни, дерзновенно

стремится к видению духовного мира, и здесь подобное встречает подобное: гордый дух человека входит в контакт с гордым духом злобы. Вторая причина ереси - это гордость рассудка, которую мы назвали бы интеллектуальным хамством.

Если же эти люди, почитающие себя элитой, и выберут даже себе духовного наставника, то редко когда они подчинят ему свою волю; они будут расспрашивать его о духовной жизни, задавать казуистические вопросы, стараться поразить своими знаниями, возражать на его советы и благословения. И, скорее всего, кончится это тем, что их наставник, махнув рукой, скажет: "Делайте, что хотите!", так как чужая воля - непробиваемая стена. Или же они сами решат, что наставник не понимает их, так как он - человек непросвещенный, а послушание - это балласт, мешающий их полету.

Человек считает самого себя критерием истины и на основе своих знаний и представлений, очень ограниченных и искаженных, начинает решать метафизические вопросы, как будто метафизический мир можно охватить человеческой мыслью. Он не понимает, что метафизический мир - это мир иного бытия, иных категорий, что соприкоснуться с тайной можно только через благоговение к тайне. Истинное знание расширяет для человека горизонты его незнания. А здесь - духовная болезнь: человек не знает своего незнания и смелее всего говорит о том, чего он не видел и не постиг.

Среди ересиархов трудно найти действительно интеллигентных людей; но даже и от самого эрудированного ученого и блестящего философа, если он не будет христианином в своей повседневной жизни, если он не станет исполнять евангельские заповеди, а захочет познать духовный мир силой своего ума, истина ускользнет, как луч от руки, которая хочет схватить его.

Рационалистические ереси возникали от того, что конечное и ограниченное пыталось объять и определить безграничное, а на самом деле осталось с грезами своего ума. Гордость ума проявляется в ложном чувстве свободы. Один интеллеktуал говорил, что ему ближе гностическое "евангелие", чем Евангелие, принятое Церковью. Причину этого он сам толком не мог объяснить, но все-таки сказал главное: когда я читаю каноническое Евангелие, то чувствую себя рабом Божиим. Здесь - трагическое непонимание того, что через рабство Богу человек перестает быть рабом греха и в благодати Божией получает свободу, а демон обещает ложную свободу, при том без трудов, без борьбы со страстями, как бы прыжок на небеса, обещает сделать своим братом и завораживает душу одним доводом: "Ты достоин этого".

Все великое совершается в безмолвии. Тайна безмолвия малопонятна для современного интеллигента, он родился и живет в мире слов. Для него безмолвие - это не полнота другой жизни, выразить которую слово бессильно, для него безмолвие - гробовая пустота. Интеллигент всегда шумит, он немного похож на генератор, который хочет дать людям свет, но дает шум. Мысль о том, что ему нечего сказать, звучит для него поражением. Одна из причин, почему интеллигент редко посещает церковь или вовсе не посещает ее, по его же словам, заключается в том, что с "нашими священниками не о чем поговорить культурному человеку". То, что священник - совершитель таинств, а таинство - это жизнь для человеческой души, интеллигенту непонятно, ему хочется, чтобы священник был образованным гидом храма.

Когда известный духовный писатель Е. Поселянин [1] потерял любимую жену и друзья посоветовали ему оставить мир и уйти в монастырь, он ответил: "Я рад бы оставить мир, но в монастыре меня пошлют работать на конюшню". Не знаем, какое послушание дали бы этому человеку, но он верно почувствовал, что в монастыре постараются смирить его дух, чтобы из духовного писателя он превратился в духовного делателя.

Истинная духовная жизнь скрывает себя от мира. Как это трудно для тех, кто пытается поразить мир своими талантами! Мы не говорим, что это невозможно, - мы говорим, что это трудно...

Теперь перейдем к другой части интеллигенции, к той, которая занимается политикой и управлением. Религия основана на бескорыстном служении истине, политика - на прагматизме, умении извлекать выгоду из наличных обстоятельств. Религия способствует

возрождению личности: освобождению личности от рабства коллектива, от террора общества, от того духа мира, который заставляет людей поклоняться вместо Бога золотому тельцу. Религия разрывает липкую паутину общественных отношений как долговых обязательств и ставит своей целью то, что находится за пределами земного бытия. Политика и управленчество убивают личностное начало, там интересы государства, фирмы, корпорации и т.д. - при том интересы вполне земные и утилитарные - они отстаиваются и утверждаются в борьбе, в которой побеждает сильнейший. Честная политика - та, для которой честность выгодна; честное управленчество - то, которому нарушение правил игры грозит банкротством.

Здесь получается странная двойственность: обычно политики выступают с позиций нравственности, они считают нравственность полезной для сохранения государственных структур, они проявляют по отношению к религии лояльность и в тоже время считают ее заповеди необязательными для себя, потому что для них служение государству или корпорации - это цель, захватывающая их силы, цель, которую они считают самой главной. Можно сказать, что они религиозны в том смысле, что пользуются религией. Чаще всего это люди, к вопросам религии в действительности индифферентные; принципы религии - справедливость, бескорыстность, любовь к врагам - несовместимы с принципами борьбы за превосходство. На деле получается, что общечеловеческое всегда приносится в жертву частному. Поэтому религия таких людей, если она вообще существует, носит большей частью декларативный характер. Религия - мы имеем в виду христианство - требует от человека, чтобы он говорил правду, был справедлив даже по отношению к своим противникам, между тем как политика и принцип управленчества разделяют мир на "своих" и "чужих", а этот раздел - конец религии.

Примечание:

[1] Псевдоним замечательного православного прозаика и публициста Е.Н. Погожева (1870-1931 гг.). В декабре 1930 г. Евгений Николаевич был арестован, а в 1931 г. - расстрелян в подвалах ГПУ. Место захоронения неизвестно. - *Ред.*

Почему времени все меньше

Современный человек остро ощущает дефицит времени. Кажется, что время летит все быстрее и быстрее. Ночь сменяет день, как будто утро раскрывает ресницы неба, а вечер через мгновение смыкает их.

В детстве казалось, что день длится необычайно долго, что солнце медленно, почти незаметно, как огромный корабль, плывет в необъятных просторах неба, и наконец, после долгого плавания достигает пристани за горами, окаймляющими горизонт. Настают сумерки, как преддверие ночи, как антракт, во время которого меняются декорации. Но вот открывается полог ночи и зажигается первая мерцающая звезда, как свечка, в глубине синего прозрачно-хрустального неба. Проходит время, зажигается вторая звездочка, а затем небо покрывается звездами, как будто чья-то рука рассыпала по небосводу огненные цветы. Темнеет синева неба, все ярче звезды над землей. И это начало ночи растянуто для ребенка как бы в пространстве нескольких лет. Само время кажется ему мелодичным, как протяжная колыбельная песня.

А как мы воспринимаем то же время теперь? Оно кажется нам сокращенным, как бы свернутым в свиток или сжатым, подобно пружине. Недостаток времени - это хроническая болезнь века. Мы задыхаемся от него, как от недостатка кислорода. Наш технический век, казалось бы, должен дать нам возможность успевать делать больше, нежели прежде, но мы, напротив, чувствуем, что время куда-то пропадает, как бы проваливается в пропасть, и мы не можем выполнить того объема работы, с которым легко справлялись раньше.

Многие говорят: «Я помню то время, когда мы читали литературу, ходили друг к другу в гости, работали иногда в две смены, а теперь некогда даже раскрыть книгу, а со знакомыми общаемся чаще по телефону».

В чем дело? Неужели хронически болен сам хронос? Пожалуй, что наиболее глубокое рассуждение о времени можно найти у блаженного Августина в его бессмертной "Исповеди". Он указывает нам, что существует два отсчета времени: внешний и внутренний. Внешний аспект времени - это календарное время, имеющее определенные объективные ориентиры, которые приняты как эталоны. Это время устойчиво и постоянно. Внутренний аспект времени - это время, переживаемое и фиксируемое нашей душой, ритмами и процессами самого человеческого организма. Это время субъективно, и оно воспринимается человеком как непрерывное сжатие времени, как сокращение самих календарных периодов.

Эта загадка трудно разрешима, поэтому мы входим в область предположений, как бы моделирования. Человек непрерывно получает поток информации извне. Эта информация не исчезает, а откладывается в его памяти, в каких-то неведомых нам кодах. Каждая информация требует своего места в анналах памяти и поэтому можно сказать, что у нас постоянно происходит обработка внешней информации. Если сравнить психику с вращающимся вокруг своей оси шаром, то у ребенка этот шар менее отягощен информацией, двигается быстрее, и поэтому время субъективно кажется ему более продолжительным. Затем этот шар, наполняясь новой информацией, как бы тяжелеет, движение его постепенно замедляется и это субъективно воспринимается человеком как сокращение самого времени. Конечно, это лишь очень грубая схема, но ведь мы не претендуем на математическую формулу времени, которой еще никто не мог извлечь из корня бесконечности. Мы только хотим пояснить нашу мысль.

Знание - это обоюдоострый меч. С одной стороны, мы опираемся на знания, а с другой, поток информации, загружая психику, отнимает у нас само время. Более того, избыточная информация становится поверхностной; она превращается не в знания, а в шлак, мертвый балласт, лежащий в нашем подсознании, как в трюме корабля.

Почему аскеты уходили в пустыню или запирались в своих келиях как в склепах и при этом брали с собой только самые необходимые вещи? - Чтобы отключить себя от внешней информации или, точнее, свести ее к минимуму. Мысль их становилась четкой и пронизательной, а молитва приобретала особую глубину. Даже самая простая вещь, которую имеет человек, занимает определенное пространство в своей душе. Он должен хранить ее, заботиться о ней, образно говоря, делать ее частицей своей души. Да, именно так - вещи загружают не только пространство дома, но и пространство души, то есть мысли и чувства. Они также сокращают время, переживаемое душой, как бы пожирают его. Поэтому, освобождаясь от вещей или как-то меняя обстановку, человек чувствует, как возрастает потенциал его душевной свободы.

Духовная жизнь должна включать в себя борьбу за время. В отношении внешнего времени большое значение имеет последовательность и порядок в делах. При хаосе в делах времени на них уходит гораздо больше, чем необходимо. Также человек должен уменьшить свои потребности - телесные и душевные, - тогда многие заботы отпадут сами собой. Что касается внутреннего времени, то здесь необходим жесткий фильтр, который бы мог как-то регулировать поток поступающей информации. Кроме того, человек должен научиться некоторое время проводить в одиночестве, оставаясь наедине со своей собственной душой. Наши глаза, уши и язык часто превращаются в трещины в сосуде, через которые вытекает его содержимое. Это ведет к внутреннему опустошению. Поэтому христианская аскеза требует контроля над внешними чувствами и тем великим даром, который именуется "слово".

Для обработки, упаковки, сортировки и размещения получаемой информации в огромных складах памяти требуется непрерывный расход психической энергии. Если информация всех видов: образная, словесная и т.д., включая эмоциональную, превышает определенный уровень, то она, как непосильный труд, изматывает психику человека, равновесие между механической и творческой памятью нарушается. Человек, поглощая большое количество пищи, делает свое тело больным и дряблым. У обжоры мышцы постепенно перерождаются в жир и сало. Подобно сему и психическое ожирение, когда память становится как бы раздутым чревом души.

Наибольшим потенциалом энергии обладает человеческий дух - это око души. При потоке информации, походящем уже больше на наводнение, душа отнимает энергию у духа и тем самым как бы поглощает дух. Душа, как агрессор, отвоевывает у духа его внутреннюю область и, как вампир высасывает кровь из своей жертвы, высасывает его силы. Дух становится немощным и больным, а если это состояние продолжается многие годы, то прямо-таки паралитиком, который перестает даже понимать свое состояние и чувствовать боль.

Если попытаться определить настоящее состояние нашего духа, то это - состояние дремоты, перемежающейся с кратким пробуждением и глубоким сном. А во сне ощущение времени теряется.

Время, отключенное от вечности, действительно проходит, как сон. Христианский аскетизм - это реанимация духа. Надо отвоевать пространство души от слепков, отображений и теней внешнего и отдать духу то, что принадлежит ему по праву его царственного рождения, тогда человек почувствует новую емкость времени, ощутит легкость при освобождении от груза того, что ему чуждо, и переживет подобие той радости, которую испытывал не раз в годы детства, а потом потерял и забыл.

Аскетизм включает в себя покаяние, молитву, борьбу со страстями и контроль над пятью чувствами. Преподобный Симеон Новый Богослов писал: "Кто владеет пятью чувствами, тот владеет всем миром". Мы добавим: потому что он в жестокой борьбе покоряет их Тому, Кто создал мир - Творцу времени и вечности.

О покаянии

Мы находимся в состоянии какой-то обреченности, как будто мир приближается к катастрофе, которую невозможно предотвратить. У людей отнят главный жизненный стимул - надежда. Кажется, что тяжелая тьма опускается на землю и окутывает ее черным погребальным покровом. Это не политические потрясения и неожиданные житейские трудности, а какое-то ощущение метафизической трагедии, в которую будет включена вся земля.

Есть ли выход из этого состояния? Есть ли способ духовной реанимации? Можно ли, если не повернуть, то, по крайней мере, приостановить этот процесс эскалации зла?

Нам предлагали и предлагают различные рекомендации и утешения - больного убеждают, что он здоров, часто рисуют утопические картины, похожие на сказания о "блаженных островах", но это мало помогает. После допингов наступает еще больший упадок сил; после иллюзий, возбужденных гордыней, еще большее разочарование. Где же выход, и есть ли он? Ответ мы можем найти только в одном чистом источнике - Священном Писании, которое не лжет, не заблуждается и не вводит в заблуждение других.

В тяжелые времена истории пророки призывали народ к всеобщему покаянию. Они призывали каждого увидеть свои грехи и почувствовать свою ответственность за них. Они призывали народ оставить идолов и вернуться к Богу его отцов. Только через покаяние начинается возрождение, только через боль тяжелобольной возвращается к жизни. Человек, не чувствующий боли, мертв. Душа, не чувствующая своих грехов, превращается в труп. Другого пути нет: или покаяние - как единственный путь к Богу, или потеря Бога и обреченность. Только чаша покаянных слез может перевесить на суде Божиим море человеческого греха.

Нельзя сказать, что в нашем обществе исчезло добро - это было бы неправдой. Еще есть, к счастью, много примеров доброты, сострадания, служения людям, но трагедия в том, что люди как будто забыли о покаянии. Кажется, что какая-то темная сила украла у нас этот великий Божественный дар, это воскресение души еще до смерти телесной. Благодать возвращается тем путем, которым она уходит. Благодать оставляет нас из-за наших грехов. А грехи становятся семенем тех терний и колючек, которыми зарастают наши прежде цветущие поля. Грехи становятся преддверием тех катастроф, приближение которых чувствуют души людей, даже далеких от веры.

Наша ошибка в том, что мы оправдываем себя, ищем причину своих несчастий вовне и потому евангельский призыв к покаянию не находит живого отклика в нашем сердце, а если мы и каемся, то ритуально и формально, как бы забывая о трагических последствиях греха.

Этот вопрос очень важен, это один из кардинальных вопросов христианской нравственности. Мирская мораль основана на гордости - личной и общественной, на том, что превратно называют человеческим достоинством. Иногда даже считается полезным искусственно развивать эту гордость, как бы в расчете на то, что человек захочет стать таким, каким его представляют, расхваливая. Но результаты почти всегда плачевны: человек, уверовавший в свои "добродетели", обычно успокаивается на этом, считает, что у него все в порядке, ему незачем исправляться, а остается только радоваться, что он такой хороший. Но жизнь не балует людей, и тот, кто приобрел комплекс своей правоты, оказывается в затяжном конфликте с теми, кто с ним не согласен и ему перечит. Такому человеку кажется, что он - воплощение добра и непогрешимости, а другие - носители зла. Неумение видеть свои ошибки, нежелание осудить себя приводят к тому, что охладевает дружба, распадаются семьи, люди отчуждаются друг от друга. Комплекс собственной праведности - это самое тяжелое иго, какое может нести человек.

Покаяние - это суд над собой прежде Божиего суда. А такому человеку кажется, что его несправедливо преследуют, унижают и оскорбляют. Он может выступать только в роли обвинителя. Эта позиция всегда проигрышна и бесперспективна. Не осознав глубоко своих грехов, своей вины, своего внутреннего растреления, человек не может перемениться, не может покаяться и принять благодать Божию, не может вступить в новые отношения с людьми и Богом. Он похож на какого-то странного безумца, который по гордости сам себя замуровал в склеп. Между гордыми людьми могут иметь место солидарность и нечто вроде дружбы только в одном случае - когда они выступают вместе против мнимого или действительного противника; но когда этот "фактор единения" исчезает, то от былой солидарности не остается и следа.

Однажды Александрийский архиепископ спросил авву Нитрийской горы, какое делание, согласно многолетнему опыту его, есть высочайшее на подвижническом пути. И тот ответил: "Постоянное самоукорение. То есть всегда и во всем винить лишь себя одного". Архиепископ сказал: "Это не только высшее делание, но и единственный путь ко спасению". Здесь - истоки христианской и мирской морали, здесь - граница, разделяющая эти два русла.

Исповедь - это Таинство и внешняя форма покаяния. Есть люди, которые каются горячо и искренно, но какова исповедь у большинства? Простые люди часто говорят заученные фразы, плохо понимая их смысл. Что касается значительной части представителей интеллигенции, то они говорят или пишут исповедь как психологический самоанализ, но в ней нет главного - отвращения к совершённому греху и желания бороться с грехом в будущем. Поэтому их исповедь похожа на литературный рассказ о своих интимных переживаниях, без чувства трагичности греха, греха - как смерти души.

Только с осуждения самого себя начинается духовное возрождение человека. Гордый не может любить, он не умеет быть благодарным. Только смиренный способен видеть добро и правоту другого. Смирение приобретается покаянием, и само покаяние растет и углубляется по мере смирения. Благодать скрывала от святых их добродетели и духовную высоту, поэтому они до самой смерти считали себя грешниками. Кто любит себя своими добродетелями и рассказывает о них, тот свидетельствует этим, что лишен благодати и духовно наг. Только смирение дает людям способность искренно уважать друг друга. Требовать от себя больше, чем от ближних, быть благодарным за сделанное добро, за оказанное внимание, прощать чужие ошибки - вот фундамент, на котором может утвердаться христианская семья, а значит, и общество.

Человек, умеющий обвинять себя, не будет терять внутреннего мира, не станет проклинать людей и жизненные обстоятельства и бить кулаками воздух. Он будет думать о том, какие он совершил ошибки, как ему надо поступить, чтобы по возможности исправить их, и даже чашу самых тяжелых испытаний он примет как очистительное врачевство для своей души.

Мы говорили о покаянии и смирении как основе христианской нравственности и любви, как принципе человеческих взаимоотношений, как показателе возрождения общества. Но есть ещё другая - метафизическая сторона. Грех, не омытый покаянием, не исчезает: как капли дождя образуют потоки, так грехи людей, соединяясь вместе, образуют разрушительную силу, которая проявляется в физическом плане в виде войн, общественных потрясений, голода, эпидемий и природных катаклизмов. Эта сила, эта темная энергия наших грехов открывает демонам широкое поле деятельности на земле. Поэтому от покаяния зависят судьбы народов, стран и всего человечества. Некоторые скажут: право, какое значение для мира будет иметь мое покаяние или покаяние немногих людей? Вспомним: Господь искал в Содоме десять праведников, но не нашёл их, иначе город был бы пощажён.

В Содоме жил праведный Лот. Святитель Иоанн Златоуст пишет, что Лот был праведен потому, что он, живя в Содоме и мучаясь, видя грехи его жителей, не осуждал никого. Пусть каждый человек зажжёт свою свечу покаяния, а это значит простить всех, молиться за всех и отвечать добром на зло. Пусть кается человек за себя и своих близких, его свеча не будет одинока - около неё зажгутся и другие свечи. Пусть бережет он этот огонь в своем сердце: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго".

Само покаяние - это надежда, а надежда, соединенная с любовью, не может быть отвергнута Богом.

Существует ли "частичная благодать"

В последнее время появилось странное учение о "частичной благодати", пребывающей в инославных конфессиях и сектах, как остаточном явлении первоначально единой Церкви. Это похоже на следующее сравнение: в ручье вода покрывает только стопы, в речушке доходит до колен, в более многоводной реке - до плеч, а в глубокой - покрывает человека с головой; таким образом получается, что разница между Православием и инославием - это разница в степени интенсивности благодати. Такой подсчет количества благодати звучит как насмешка.

Учение о "частичной благодати" похоже на учение об относительной истине в философии, которое в своем логическом завершении приводит человека к агностицизму и скептицизму. "Частичная благодать" - значит, неполная, несовершенная благодать, что является абсурдом. Благодать - это вечная Божественная сила и энергия, истекающая из недр Божественного Существа. Это нетварный Фаворский свет, в котором Христос явил Свое Божество. Православная Церковь, следуя учению святителя Григория Паламы и афонских исихастов, подтвержденному на целом ряде поместных Константинопольских Соборов (созывавшихся по этому поводу в XIV столетии), назвала благодать Божеством. Может ли Божество быть ущербным, ограниченным и частичным? Другое дело, что благодать может проявляться в различных действиях и свойствах, но в своей природной неделимости она абсолютна.

По учению католицизма, благодать сотворена и адекватна Божественному действию, следовательно, является служебной силой, а не обращенной к миру модальностью Божества. Благодать названа Божеством, и если при этом она ограничена и несовершенна, значит, ограниченно и несовершенно само "Божество", а это уже лжебожество. Поэтому признавать за инославными конфессиями благодать, но не Божественную и не абсолютную, а какую-то иную - значит приписывать их культам псевдобожественную силу.

Говорить о действии в различных конфессиях одной и той же благодати - значит уравнивать Православие с ересью и уничтожать само понятие Церкви. Есть еще один вариант либерального богословия - допустить, что в различных конфессиях действует Божественная абсолютная благодать, но ересь препятствует людям усвоению этой благодати, и они приобщаются к ней только частично, в той степени, в какой их конфессия приближена к Православию. Но здесь возникает вопрос: спасительна ли для них в таком случае благодать? Если да, то почему же Церковь так тщательно ограждала себя от ересей? Ведь тогда получается, что слово "ересь" вообще теряет свое злое значение, а становится

просто наименованием некой "истины второго разряда" (как говорят торговцы, "продукта второй свежести", который не очень приятно пахнет, но есть его все же можно).

Однако Церковь учит, что Дух Святой - это Дух Истины, который не может действовать в поле духовной лжи. А ересь - метафизическая ложь. Приведем пример: еретик Аполлинарий учил, что Христос воспринял человеческое тело и душу, за исключением человеческого разума, который заменил Его Божественный ум. Насчет этого учения святитель Григорий Богослов говорит: значит, Христос воспринял не всего человека, а человека без разума; если у Христа нет человеческого ума, то, следовательно, и мой ум не исцелен, если Христос не совершенный человек, то значит, я не спасен (перефраз).

Ересь - интеллектуальный, догматический грех, мысленное тление, ложь рассудка, при которой освящение благодатью ума, а следовательно, и души - невозможно. Ум, верующий в ложь как в истину, противится действию благодати. Само спасение - это синергия благодати и человеческой воли, покорной благодати. Освящение ума возможно при синергии богословской истины, в которую включен ум, и благодати Божией, а эта синергия возможна лишь при наличии всецелой догматической правды, при включении своего малого разума в великий разум Церкви ("Церковь имеет ум Христов" [см.: 1 Кор. 2, 16]). Вера в ложь сочетает ум с ложью, поэтому исключает синергию сознания и благодати. Следовательно, ум еретика остается невозрожденным. На что же тогда действует благодать, что она освящает? Если душу без ума - то такой души не существует. Несколько отвлекаясь от нашего предмета, скажем, что даже безумие и сумасшествие - это не отсутствие ума в душе, а повреждение той пограничной области между душой и материей (телом), где происходит восприятие и усвоение внешней информации и ответная реакция организма на внешние раздражители, где образуется профористическое слово; безумие поражает не ум, а систему сигнальной связи - инструмент души.

Разговор о том, что в ереси существует благодать, а еретик не может воспринять ее, больше похож на сказку о лисе и аисте: еда стоит на столе, а гость остается голодным.

И вообще учение о частичной и неполной благодати вызывает недоумение. В день Пятидесятницы Церковь (в лице апостолов и учеников Христовых) получила ту полноту благодати, которая сделала ее единой с Церковью Небесной и дала право называться Телом Христа Спасителя. Неполным может быть, и в сущности всегда бывает, приобщение человека к благодати из-за его ограниченности, несовершенства и греховности. Но здесь не благодать несовершенна, а человек. Однако сама вечная жизнь является вечным восполнением благодатью несовершенства и ограниченности человека.

Если благодать частична, остаточна и скудна, то она и спасти может только частично, но такого частичного спасения Православная Церковь не знает и третьего состояния по смерти, кроме рая и ада, не признает. Если судить о действии благодати по внешнему фрагментарному сходству инославных конфессий с Православием, то получится представление о благодати как о некой материальной, но тонкой энергии, вроде какого-то эфирного электричества. Соблюдены определенные условия - заработала машина, и по проводам потекло электричество. Чем дальше конфессия и секта от Православия - тем хуже качество проводника и менее интенсивно напряжение тока. Здесь исключается Бог как Глава Церкви, здесь Церковь из живого, единого организма превращается в механизм, может быть, лучший среди других, но не единственный. Признание действительности совершающихся в различных конфессиях таинств по признаку их "сходства" с Церковью превращает мистику в магизм, так как магизм - это подчинение сущности форме.

Теософия говорит о том, что никакая религия не обладает полнотой истины, а только относительной истиной, - следовательно, уравнивает религии в их несовершенстве. И экуменизм, будучи частным случаем теософии, в своей радикальной форме говорит о том, что ни одна религия не совершенна, поэтому конфессии должны учиться друг у друга; а в "либерально-половинчатой" форме он допускает, что определенные конфессии имеют некое преимущество (в том числе православные, участвующие в экуменическом движении, считают, конечно, что Православие - высшая форма христианства).

Если предположить, что это действительно так и различие между Православием и инославием заключается в большей или меньшей степени действия благодати, то вся история Церкви до XX века представляет собой или недоразумение, или вопиющий грех против любви. Разве возможно произносить анафему на еретиков из-за того, что в них меньше действует благодать? Однако допустить такое понимание - значит отказаться от самого понятия Церкви как мистического Тела Иисуса Христа Спасителя и превратить ее в человеческое общество, вроде клуба, партии или ассоциации.

Если возможно спасение в других конфессиях, то анафема, произнесенная Церковью на еретиков и повторяемая ежегодно в неделю Православия, больше походит на братоубийство. Почему древняя Церковь отсекала еретиков от своего тела, как гангренозные члены? Неужели она имела меньше любви, чем современные экуменисты? Апостол любви Иоанн Богослов запрещал христианам вводить в свой дом еретиков и даже приветствовать их (см.: 2 Ин. 10), а ведь он был любимым учеником Христа Спасителя. Значит, христианская любовь есть нечто иное, нежели либеральный индифферентизм к вере, который под видом любви прячет свое безразличие к истине.

Величайший из преподобных - Антоний Великий - вышел из пустыни, чтобы обличить арианскую ересь. Святитель Николай проявил особую ревность о Православии на I Вселенском Соборе. Можете ли вы представить экуменическое собрание, на котором Святитель Николай и Арий, взявшись за руки, скандируют экуменические лозунги и заявляют, что надо больше обращать внимания на то, что соединяет, а не на то, что разъединяет?

Первоверховный апостол Петр поразил насмерть своей молитвой гностика Симона Волхва. Как переносит такой поступок первоверховного апостола "нежная" душа экумениста-либерала, с умилением наблюдающего за ритуальными плясками язычников-шаманов во время экуменических съездов?!

Если в Церкви полнота благодати, а в ереси частичная благодать, то получается, что благодать разделилась и большая благодать предает анафеме меньшую. А ведь церковная анафема - это образ и символ Страшного Суда.

Затем перед нами встает еще один недоуменный вопрос - зачем дана инославным конфессиям "неполная, частичная благодать": если не для спасения, то, значит, для большего осуждения? Тогда она превращается в наказание Божие, тогда язычникам будет лучше, чем инославным, которые гибнут с такой "благодатью". Церковь одинаково почитает мучеников, принявших смерть как за отказ принести жертву идолам, так и за отказ перейти в инославие, скажем, в форме унии. При этом она не учитывает, какую религию примет отступник от Православия, ибо он все равно - отступник; ведь грех самоубийцы одинаково страшен независимо от того, отравился он, повесился или бросился со скалы.

Вопрос можно поставить еще и так: являются ли инославные вообще христианами? Если христианство означает веру в Христа Спасителя, то они христиане. А если под христианством понимать мистическое отображение образа Христа в душе человека и общение с Духом Святым, то это возможно только в Православной Церкви. Некоторые утверждают, что монофизитство - ересь, так как оно было осуждено на IV Вселенском Соборе, а католичество нельзя назвать ересью, так как отпадение Римского патриархата произошло после Вселенских Соборов, и поэтому, дескать, вопрос остается открытым. Этот довод кажется нам ошеломляющим. Ведь протестантизм возник еще позже, значит, согласно такой логике, протестанты не еретики. А такие сектантские организации, как "свидетели Иеговы", "Армия спасения", в метриках которых указан XIX век, а секта "Христос - космонавт" - порождение XX века - значит тоже не ереси, потому что Вселенские Соборы не могли предать их учение анафеме?! Что же касается конкретно католичества, то в соборных постановлениях неоднократно повторялось запрещение изменять Символ Веры как основу догматического единства. Уже в этом католицизм противопоставил себя Вселенской Церкви. На православных Соборах и совещаниях Восточных Патриархов католицизм назван латинской ересью и папизмом. (См., например, «Окружное Послание Единой Святой,

Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам» 1848 года, подписанное Восточными Патриархами и их Синодами.)

Мы считаем, что учение об "относительной благодати" влечет за собой учение об относительном спасении (то есть вариант католического учения о чистилище, осужденного Церковью).

Совершаются ли Таинства в инославных конфессиях? Если да, то это будут странные Таинства, которые не спасают. Неусвоенное человеком Таинство не приближает, а отдаляет его от Бога, может служить, скорее, предвестием будущего наказания.

Что же действует в этих конфессиях, какая сила? Думаем, что там объединяет людей поле душевного вдохновения, похожего на творческое переживание. Там могут быть яркие эмоции, глубокие медитации, доходящие до интеллектуального экстаза и стигмации; может быть душевная любовь, проявляющаяся в подвиге самопожертвования. Но там нет жизни Духа - все поглощено душой. Почему святые отцы запрещали христианам молиться и в языческих капищах, и в еретических собраниях, не делая различия между включением в языческий и еретический ритуалы и налагая одинаковые наказания? Потому что язычество - это отсутствие истины - Христа Спасителя, а еретичество - имитация истины, но всякая имитация - духовная ложь.

Категоричность, с которой Церковь запрещала молиться вместе с язычниками, еретиками, раскольниками и вообще всеми, отлученными от нее, свидетельствует о том, что это не простой "педагогический прием", а реальное видение того, что вне Церкви нет и не может быть спасения. Молитва с еретиками - это добровольное вхождение в ту область душевных страстей и темных сил, которая простирается за царством Логоса, за световой границей Церкви. Молитва с еретиками и язычниками подразумевает сомнения в существовании единой истинной Церкви. Церковь - это мистическое Тело Бога. Только через Церковь истинный образ Христа может отобразиться в душе человека; в других конфессиях этот образ искажен и подменен, хотя и носит то же имя.

Вера в спасительность других конфессий или хотя бы в возможность "частичного" освящения в них представляет собой ексцессиологический политеизм.

Через священника действует благодать, присущая Церкви. Саму благодать можно назвать духовной субстанцией Церкви. Соборными правилами запрещено брать благословение у еретика, так как "благословение еретика - суесловие". (Слово "суетное" означает "пустое, бессильное, бесцельное, ничтожное, обманчивое" и выражает собой самую сущность ересей как метафизической пустоты.) Уже отцы древней Церкви сказали: "Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец".

Вечная жизнь - это вечное приобщение благодати, которое начинается здесь, на земле, и не имеет конца. К Богу Отцу можно прийти только через Иисуса Христа в благодати Духа Святаго.

Трагизм апокалиптического времени

Если спросить человека, чего он хочет и чего ожидает от будущего, то мы получим самые разнообразные ответы: одни скажут, что желают экономического процветания; другие - политических свобод; третьи - твердых законов, которые карали бы нарушение морали; четвертые - отмены нравственных ограничений, то есть возможности реализовать все человеческие страсти. Одни возлагают надежду на демократический образ правления; другие - на возрождение монархии и т.д. и т.п. Но если постараться найти в этом конгломерате взглядов и мнений что-то общее для всех, то это можно сформулировать так: каждый человек хочет счастья, однако не понимает, в чем оно. При этом большинство людей видит гарантии счастья во внешних общественных структурах, видит единственную возможную форму поведения в реализации своих сиюминутных страстей и желаний ("поступай, как хочешь, только не причиняй вреда другим", - как будто можно поступать по импульсам своего подсознания и быть в гармонии с другими).

Большинство наших современников забыло о самом человеке, то есть о внутреннем мире человека. Вся история - это одиссея человеческой души, это искание "острова счастья", но такого острова не существует, его нет ни на картах истории с исчезнувшими государствами, ни на географическом глобусе, в каком-нибудь архипелаге. Его место - в утопиях и фантастических романах. Ну а если сказать, что остров этот все-таки есть, то это - сама человеческая душа, которой дано стремиться познать, что такое счастье.

Большинство наших современников видит счастье в материальном богатстве; для них деньги - эквивалент благополучия. Но могут ли деньги принести человеку действительную радость? Может ли он купить за деньги дружбу, преданность, способность быть любимым и самому любить? Чаще всего, материальное благополучие угашает внутреннюю жизнь, переводит человека во внешнее. Царь Соломон молился: *суету и ложь удали от меня, нищеты и богатства не давай мне* (Притч. 30, 8). Богатство, как и нищета, становится прессом, который давит на человеческую душу, оно наполняет ее постоянной тревогой. Еще никого богатство не сделало лучше, напротив, чаще всего в богатых семьях дети вырастают неблагодарными эгоистами. У людей богатых обычно атрофируется чувство сострадания, сердце их как бы заключается в металлический футляр. Неслучайно у нищих сложилась поговорка: "Не ходи за милостыней в кварталы богатых".

Счастливы ли богатый человек? Нет, у него есть живая душа, а душа не от земли, а от неба, поэтому она не может удовлетвориться ничем на земле. Едва получив то, что хотела, она уже стремится к новому, желает еще большего. Страсть человека - это душевный провал, который не имеет дна. То, что недавно казалось благополучием, сегодня представляется нищетой. Жизнь превращается в безостановочный бег в неизвестное, бег в пустоту.

Такая душа никогда не скажет: "Я получила то, что желала, и теперь счастлива", напротив, она втайне говорит: "Как я могу быть счастливой, если на земле не все мое".

Человек желает внешнего благополучия. Христианство под благополучием понимает необходимое, то, что в молитве названо "хлебом насущным". А для человеческих страстей границ здесь нет, они похожи на морскую воду: чем больше пьешь, тем больше жаждешь. С внешним изобилием приходит деградация внутреннего, то есть самого человека.

Что делает жизнь человека прекрасной, даже в мирском понимании? Наверное, способность бескорыстно любить; и чем глубже любовь, тем более глубокой становится жизнь человека. Здесь богатство становится предателем, оно лишает человека этой драгоценной способности. Церковное Предание сохранило слова Спасителя о богатом юноше, который отошел от Него (см.: Мф. 19, 16-24). Если бы этот человек действительно исполнил заповеди, то он не смог бы оставаться богатым. Господь сказал: *где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). У людей, чье "богатство" лишь здесь, на земле, постоянно грызет сердце скрытый червь - тревога и беспокойство за свое имущество, за свои деньги. Так господин оказывается рабом своего раба. Образно говоря, деньги рассыпаны по земле, и тот, кто хочет собрать их, не может даже взглянуть на небо. Такой человек не имеет свободы и покоя в сердце, часто он теряет то, что собрал, и тогда впадает в тоску и даже в отчаяние. А если он даже сохранил и умножил то, что имел, то все равно рано или поздно расстанется с жизнью самым последним нищим.

Но хуже всего бывает обычно детям таких людей, которые вырастают как бы в теплице: без трудов и испытаний, без борьбы и лишений - того, что необходимо для нравственного развития человека, для созидания его как личности. Обычно такие дети оказываются бездушно холодными к своим родителям. Комфортизм приводит к потребительству как норме отношений, а иногда (к счастью, не часто) к вампиризму. Многие люди, которым завидовал мир, перед смертью говорили, что они были глубоко несчастливы, что через золото льются невидимые миру черные слезы. Один богач сказал: "Как я могу быть счастлив, когда знаю, что любят не меня, а мое!".

То, что мы сказали, конечно, не является общим и абсолютным правилом, из которого бы не было исключений, иначе не было бы и святых среди князей или царей.

Личность действительно может подняться выше среды: можно и в золотой клетке остаться человеком, а не зверем, но это требует чрезвычайно высокой духовной культуры.

Задумаемся: почему в богатых и цивилизованных странах психически больных людей, наркоманов и самоубийц не меньше, а больше? Ведь само по себе самоубийство - это свидетельство человека перед вечностью, что жизнь для него бессмысленность и нелепость.

Некоторые видят счастье в техническом прогрессе и считают технологически развитые страны земным раем, как будто изобилие компьютеров и машин может вернуть на землю "золотой век Сатурна". Но и здесь происходит явная деградация человека - он развивается односторонне. Цивилизация не только разрывает союз с культурой (впрочем, этот союз всегда был мнимым), но и противостоит ей. Цивилизация отрывает человека от среды, от природы, от других существ; то, что издавна кажется сказочным дворцом, внутри оказывается благоустроенной тюрьмой.

Цивилизация разъединяет людей, отделяет их друг от друга, поэтому большие города становятся не только муравейником из стекла и бетона, но и самой настоящей пустыней для души. Человек разлучается с другими подобными ему людьми не расстоянием, а отсутствием внутреннего контакта, ему не нужны живые люди - гораздо удобнее и легче общаться с машиной. Человек пытается вложить в машину программу коллективного разума, но на самом деле машина сообщает ему свои свойства, вкладывает в него свою компьютерную систему. Человек технической цивилизации запрограммирован, как машина. Он превращен в биологический аппарат, подчинен жесткому режиму стандарта, а в качестве альтернативы этому стандарту он может противопоставить только одно - свои собственные невроты. Здесь мы встречаемся со странным явлением: безумие как бунт против машины. Патология в искусстве, патология во всех областях личной жизни. Здесь машина не только побеждает человека, но и убивает, уничтожает его.

В цивилизованных странах семья по сути дела разрушена. Эмоциональное охлаждение современного человека прежде всего сказывается в быте семьи. Супруги становятся партнерами, а от партнера легко отказаться. Города в технологических странах превращаются в какие-то огромные государства. Это поле постоянных стрессов, от которых человек не может защититься и к которым не может приспособиться. Темп этой жизни держит в постоянном напряжении, то есть постоянно обессиливает и изматывает психику и нервную систему человека.

Если зверя посадить в клетку и создать ему самые благоприятные условия, исключив только одно - свободу, то зверь быстро деградирует. Человек в городе - это человек, лишенный свободы, подчиненный механическим ритмам. Это человек, задыхающийся от обилия информации, при том информации искусственной и рафинированной. Жизнь в большом городе, в круговороте движения, постоянной спешке, жизнь под прессом шума, который действует на человека как отравляющее вещество, - это существование в экстремальных условиях. Мы уже не говорим о психическом поле таких городов, об атмосфере, насыщенной страстями и безумием. Мы реально ощущаем его тяжесть, особенно когда выезжаем из города или въезжаем в него.

Техническая цивилизация отняла у человека природу. Она загнала ее в парки и заповедники и показывает современным людям как экспонаты музея. Человек чувствует свою органическую связь с землей, растениями, живыми существами, горным потоком, вековыми деревьями, но он всегда остается чужим громадам-монстрам, возведенным из стекла и бетона. Поэтому цивилизация обездолила человека.

Многие видят благополучие в том или ином политическом строе, общественных структурах, благотворительных организациях и т.д., но политическо-общественные формации приходили и уходили, возникали и рушились, а люди оставались такими же несчастными. Зло и несправедливость не уменьшались на земле. Если мы и можем заметить какие-то изменения в людях на протяжении истории, то это - нарастающая нравственная энтропия, бытовой материализм и душевные заболевания, принявшие в наше время характер эпидемии. Все общественные утопии оканчивались провалом, в частности потому, что не учитывали такого очевидного и универсального факта, как испорченность человеческого естества, как тяготение к греху, как демонический импульс, который живет в глубинах человеческого сердца.

В век технической цивилизации, который называют веком "раскрепощения и освобождения", человек, на самом деле, раскрепощается и освобождается от нравственных принципов, от моральных норм, от голоса собственной совести. Если счастье заключается во внутреннем духовном мире человека, то у современного человека этот мир обеднен и сужен до крайности. Особенно - в технологических странах, где люди даже похожи друг на друга. Они как бы закомплексованы и запрограммированы одним невидимым гипнотизером. Люди получают информацию, огромную по объему, однако в действительности - однотипную и примитивную. Она похожа на повторение одного и того же сценария в малоотличных одна от другой вариациях. Альтернатива этому - мир фантастики с обычными фильмами ужасов, но, в сущности, это завуалированный, закодированный демонический мир.

Говорят, что огромные водопады притягивают к себе людей со слабой психикой; у них появляется необъяснимое желание броситься в водопад, как бы отдаться роковой волне - так взгляд змеи завораживает и притягивает к себе зверьков. И здесь (у экранов телевизоров) мы видим нечто подобное - бегство в болезнь, в хаос, в бездушие. Характерный сюжет фильмов - завоевание земли инопланетянами, груды трупов, взрывающиеся здания. Здесь неосознанное чувство души как бы облекается в символы и образы, это - прозрение того, что земля завоевана демонами, пришельцами из того неведомого мира, из тех темных бездн, которые мы называем адом и преисподней. Это - ощущение того, что некуда бежать, что сверкающие электрическими огнями города - ловушка, в которую загнали людей, огромное кладбище духа. И здесь - трагизм апокалиптического времени.

Высшее служение человечеству

Основа христианской морали - это любовь, соединенная с правдой. Святой Дионисий Ареопагит пишет, что для спасения необходимы правильная цель, достойный предмет и чистые средства, то есть единство цели и средств.

Правда - свойство любви, как бы ее внешняя оболочка. Любовь - содержание правды, ее жизнь. Без правды любовь превращается в слепое влечение; без любви правда становится суровой карой.

Экзегеты, раскрывая символическое значение Креста, говорили, что здесь мы видим соединение правосудия и милосердия.

Нам могут возразить, что евангельские заповеди любви и правды воспринимают все христианские конфессии и секты. Почему Православие считает, что это учение в чистом и неповрежденном виде хранит только оно? Разве католичество и протестантизм не обладают разветвленной сетью благотворительных организаций на всех континентах? Разве они не явили миру самоотверженных миссионеров?

Вопрос этот очень важен, и потому нам необходимо попытаться рассмотреть его - не в плане социального эффекта, а в его мистической глубине.

Начнем с того, что католицизм иначе, нежели Православие, рассматривает трагедию грехопадения человека и ее последствия. По учению католиков, грех лишил человека сверхъестественной благодати и тем самым внес определенный диссонанс в его психическую жизнь, но естественные силы души остались неповрежденными. Таким образом, страсти рассматриваются не как болезнь души, а как излишество и злоупотребление. Такое учение скрывает катастрофические последствия греха, лишает духовную борьбу с грехом и демонической силой той напряженности, постоянных усилий и бдительности, которые характерны для восточных аскетов.

Учение о непрестанной внутренней молитве, об искоренении страстей, о покаянии как основе духовной жизни вытесняется внешним подвигом и общественным служением. Это становится особенно видно через сравнение православного и католического монашества как главного выразителя церковного духа.

Монашество на Востоке прежде всего - внутренняя жизнь, отречение от мира, стремление к непрестанному богообщению. Католическое монашество - это образ общественного служения Церкви, а так как виды его многообразны, то монашество, единое

на Востоке, на Западе образовало множество орденов - монашеских общин с различными уставами. В католической церкви монашеский аскетизм сразу же принял форму порядка и труженичества, то есть организации.

Католицизм считает естественные душевные силы неповрежденными, поэтому он начинает свою проповедь с призыва к любви. Но любовь без предварительного очищения сердца от страстей - это любовь души, а не духа. Она может быть горячей и интенсивной, красочной и эмоциональной, она может нести в себе много заботы, сострадания и ласки, но это любовь земная, основанная на солидарности и долге, она растворена с чувственностью и подвержена аффектации.

Православие начинает проповедь с призыва к покаянию: только через долгий путь очищения души от греха пробуждается человеческий дух и сердце ощущает любовь и сострадание как новую жизнь, как чувство, несравнимое ни с чем, как действие Самого Божества в сердце человека. Эта любовь лишена потрясающих эмоций, она тиха и глубока, ее признак - любить Бога всем сердцем, а людей - как образ и подобие Божие. Духовная любовь - это действие благодати, поэтому она несет в себе Божественный свет преображения и озаряет мир отблесками этого света.

Мы хотим сказать, что под словом "любовь" могут скрываться разные состояния. Любовь зависит от мировоззрения человека, от подвига его веры, от меры очищения его сердца, от пребывания в Церкви - включенности в ее мистику и аскетику. Святой апостол Иоанн Богослов назвал Бога любовью (см.: 1 Ин. 4, 8); Христос сказал, что *Бог есть дух* (Ин. 4, 24). Высшая форма любви - духовная любовь - сохранена в учении и жизни Церкви. Православие учит, что Царство Божие "не от мира сего", а земная жизнь - только путь, поэтому оно свободно от мира, от его представлений и предрассудков, от его стремлений и обычаев.

Католическая церковь хочет построить Царство Божие на земле. Она широко открыла свои двери для светской культуры, для светского искусства; она стремится пользоваться достижениями науки и философии, оказывать влияние на политику, разрабатывать проблемы социологии. Поэтому понятия истины и правды приобретают стратегический характер. Стремясь воцерковить светскую культуру, католичество само попадает под влияние этой культуры, где вместо правды - правдоподобие, где истина связана с эволюцией Церкви, то есть носит относительный характер поступательного процесса.

Для Православия истина - это Христос и Церковь, как живое мистическое Тело Христа. По православному учению, Церковь всегда обладала и обладает полнотой Духа Святого, поэтому критерии истины в Православии тверды и неизменны.

Что же касается протестантского мира, то он отказался от аскетизма древней Церкви и поэтому любовь, истина и другие понятия стали для него субъективными психологическими переживаниями и личными представлениями. Отдалившись от единой Церкви еще дальше, чем католицизм, он потерял какие бы то ни было объективные критерии. Его мистика замкнулась в кругу индивидуальных переживаний. А надо отметить, что мистика без аскезы легко переходит в визионерство или магизм.

Католичество и протестантизм дали миру то, что они имели. Они пытались и пытаются добиться того, чтобы страданий и несчастий на земле было меньше. Но нищих, голодных и больных меньше не стало, а если говорить о душевных страданиях, то их стало больше - страдают и богатые, и бедные. Весь мир похож на обнаженный нерв, судорожно сжимающийся от боли. Прекрасное дело утешить человека, потерявшего надежду, накормить голодного, оказать помощь больному, но это не поможет вывести человечество из тупика, в который оно зашло - остановить процесс нравственной и духовной энтропии, отдалить ту катастрофу, к которой ведет, кажется, весь ход земной истории.

Православие несет в себе единственную силу, которая может противостоять мировому злу, - свет, который не понял и отверг западный мир, заклеив его названием "ересь паламитов". Этот свет аскезы и созерцания делает человека счастливым среди всех страданий, подобно тому, как сошествие Христа во ад наполнило радостью души усопших.

Древние христианские писатели, в том числе и те, которые принадлежали западному миру, говорили, что единственное добро - это Бог, единственное зло - это грех, все остальное - промежуточные состояния и ситуации. Поэтому Православие с его созерцательным характером, учением о внутренней молитве и безмолвии совершает высшее служение человечеству: оно хранит Фаворский свет, оно открывает путь для стяжания этого света.

Как говорить о вере

На что должен обратить внимание православный в беседе с неверующим?

Атеизм не является следствием научных изысканий по следующим причинам:

1) Мы имеем дело не с универсальной наукой, а с научными отраслями, которые имеют тенденцию к дроблению и усложнению. Ни одна из этих отраслей не может говорить от имени всей науки.

2) В каждой научной отрасли существуют различные гипотезы и теории, пытающиеся систематизировать и объяснить фактический материал. Эти теории противоречивы и нередко одна является полной противоположностью другой, опровергает ее. Какая из этих взаимоисключающих теорий истинная, а какая ложная, человек определяет на основе собственных представлений. Если бы даже все ученые мира создали единую универсальную научную теорию, то и она не могла бы быть прочной, так как гипотезы и теории опираются на наличный фактический материал, а он беспрерывно пополняется, поэтому история науки есть история рождения и умирания идей и представлений. Эксперимент никогда не может быть полностью закончен, а последнее слово науки - стать ее окончательным словом.

3) Наука имеет дело с процессом, а мировоззрение - с областью причин и целей, которые находятся за гранью эксперимента и для науки всегда остаются тайной. Наука обнаруживает и фиксирует причинно-следственную закономерность между явлениями, но само понятие законов для нее недоступно, она не может объяснить превращение хаоса в закон и целесообразность. Наука имеет дело с материальным миром, поэтому не может ни подтвердить, ни опровергнуть существование другого, духовного бытия. Наука изучает предмет в его проявлениях (феноменах); каждый предмет имеет множество свойств и атрибутов, поэтому каждый предмет остается для науки познаваемым, но не познанным объектом.

Мировоззрение не вытекает из научной информации, а зависит от духовного состояния, воли и нравственности человека. Великие ученые, обладавшие одинаковым научным кругозором, придерживались различных религиозных и философских мировоззрений. Мировоззрение не может основываться на философии; философские системы сами основываются на недоказуемых постулатах. Логика как метод философии не имеет единой системы, в ней, как и в других областях науки, существуют различные школы и воззрения. Если философия называет себя научной, то она должна обобщать научные теории своего времени, а так как научные представления постоянно меняются, то и выводы из них не могут быть неизменными. Если же философия не имеет отношения к науке, то она являет собой не более чем субъективные представления человека, ограниченного во времени, пространстве, опыте и потенциале творческих сил. Чистого мышления в природе вообще не существует. Человеческий рассудок находится под мощными импульсами представлений, желаний и страстей. Отношение сознания к подсознанию можно представить как айсберг, лишь вершина которого поднимается над поверхностью моря, а основная масса ледяной горы находится под водой и остается невидимой. Субъективизма в философии еще больше, чем в науке: каждый выдающийся философ стремится создать свою собственную школу.

На что должен обратить внимание православный в беседе с агностиком и скептиком?

Агностицизм и скептицизм есть уход от проблемы. Силы человеческой души, ее врожденные способности к познанию нельзя свести одному голому логицизирующему рассудку. Нам известны такие виды гносиса (познания), как инстинкт и интуиция; нам известен эмоциональный гносис, являющийся основой искусства.

Если одними лишь усилиями рассудка невозможно познать истину и он в этой попытке терпит поражение, то надо обратиться к другим возможностям души. Если для скептика и агностика одинаково недостоверно существование и несуществование Бога, то можно посоветовать ему обратиться к условной форме молитвы, хотя бы к такой: "Господи, я не знаю, существуешь Ты или нет, но я хочу знать истину. Если Ты существуешь, то открой мне это". Если он будет искренен в такой молитве и будет вести жизнь, сообразную заповедям Евангелия (высоту которых большинство агностиков признает), то ему будет дан ответ, по слову Божию: *просите, и дано будет вам* (Мф. 7, 7).

Надо посоветовать скептику и агностику обратиться к собственному сердцу, начать развивать мистическое чувство, которое хотя бы в самой слабой степени, но присуще и его душе, - почти так же, как реанимируют, возвращают к жизни человека, чье дыхание уже едва слышно.

Сомнение может быть этапом незаконченного поиска, но сомнение может быть и догматизировано в своеобразное мировоззрение; тогда оно становится бегством от истины: человек, еще не окончив битвы за свою собственную душу, спешит выбросить белый флаг капитуляции.

Слова "не знаю" могут иметь два продолжения: "не знаю, но хочу знать" и "не знаю и не хочу знать".

На что должен обратить внимание православный в беседе с индуистом?

Высшая форма бытия - это бытие личностное. В брахманизме Бог как Живая Личность, с Которой можно входить в общение, отсутствует. Гималайский пантеон - это персонификация и олицетворение космических сил. Индуистский Абсолют - Брахман - безлик и бескачественен. Индуистское тримурти - это три ритма бытия: создание, сохранение и разрушение. Человеческой личности здесь не существует, теория о перевоплощении расчленяет личность на дхармы - психические элементы, которые, вновь соединяясь, образуют новый индивидуум. В конечном итоге все индивидуальные формы бытия растворяются в космическом бытии, а космическое бытие исчезает в сознании Брахмана. Вечность мыслится как два сменяющих друг друга состояния Абсолюта: Абсолют в себе и Абсолют в космосе. Творение заканчивается разрушением, которое ничего не прибавляет к бытию Абсолюта. Таким образом, мироздание представляется как бесцельный круговорот. Всякое множественное бытие - иллюзия. Существует лишь один Брахман, который непрестанно творит и разрушает миры. Человеческий дух - Атман - единосущен абсолютному духу - Брахману; внешнее представление о множественности бытия является плодом иллюзии, миража и невежества. "Я есть ты, ты есть он (Брахман)", - то есть существует лишь один Абсолют, а история мира - космическая трагикомедия, автором, актером и зрителем которой, выступает сам Брахман, под множеством масок и личин.

Это мировоззрение подрывает самые основы морали: этика проявляется в человеческих взаимоотношениях, а в индуизме само понятие о множественности, о том, что существуют реально "я" и "ты", отличные друг от друга, считается иллюзорным. Будем ли мы любить свою иллюзию, будем ли мы ненавидеть представший перед нашими глазами мираж? Поэтому мудрец любит только свой собственный атман, мир для него вообще не существует. Это теория крайнего эгоцентризма, и только непоследовательность самих индуистов дает им возможность говорить о таких общественных категориях, как справедливость, и таких нравственных категориях, как любовь. Какая может быть справедливость и любовь у теней, возникших в сновидениях, которые исчезнут с пробуждением без следа и остатка? Индуизм подчиняет "божество" каким-то надбожественным законам ритма, который заставляет Абсолют повторять работу паука: то выпускать из себя нить миров, то снова вбирать ее в себя. Индуизм превратил человека в фикцию. Человек воображает, что он есть, но на самом деле его нет - существует только один Брахман. Индуист лишен высшей радости - личной любви к личному Богу, своему Спасителю, - и богообщения, которое начинается здесь, на земле, и продолжается в вечности.

На что должен обратить внимание православный в беседе с буддистом?

Буддизм представляет собой не религию, а скорее нравственно-прикладную философию. Религия - это союз человеческой души с Высшим духовным Существом. Буддизм игнорирует все кардинальные вопросы и принципы религии: существование Бога, бессмертие души, средства общения души с духовным миром и т. д. Религия - это союз между человеком и Божеством. В буддизме Божество отсутствует, а человеческая индивидуальность подлежит уничтожению в нирване. Если для христианина мир в наличном существовании представляет собой арену борьбы добра и зла, то для буддиста само существование является злом, ловушкой, из которой нет выхода, кроме самоуничтожения, погружения в нирвану, где гаснут чувства, мысли, желания, где ум, отвлекаясь от внешнего и внутреннего, погружается в бездонную пустоту, как труп погружается в могилу.

Учение Будды дало беспощадный и глубокий анализ противоречий и трагизма земного бытия. Но оно не нашло выхода, так как обратилось не к Богу, а к заблудившемуся в лабиринте противоречий человеку. Буддизм дошел в своем абсолютизировании зла до края бездны, перейти которую он не смог. Он как бы анатомировал психическую жизнь человека и увидел перед собой труп, от которого с отвращением отвернулся. Единственным спасением от страданий для буддизма представляется самоуничтожение. Но это не физическое самоубийство, так как буддизм унаследовал от брахманизма метемпсихоз - теорию перевоплощения, согласно которой элементы души образуют новую душу и она приходит на землю в новом теле. Буддизм хочет уничтожить жизнь через уничтожение самого желаний жизни, через отрешение себя от всех психических переживаний, через небытие нирваны. Поэтому буддизм представляет собой наиболее последовательно и беспощадно выраженную философию смерти.

Цель христианской жизни - богообщение. Цель буддизма - покой смерти. Буддист не понимает, зачем пришел в этот мир, кто бросил его в море зла и страданий, что это: насмешка или трагическая ошибка? И поэтому буддист с гордым презрением уходит из жизни еще живым.

На что должен обратить внимание православный в беседе с мусульманином?

Ислам проповедует фатализм, при котором свободное самоопределение личности превращается в фикцию. Всё обусловлено и предрешиено. Божество поглощает человека, не оставляя места для его свободной воли. Промысл Божий в исламе превращается в непреодолимый рок, а жизненный путь человека - в осуществление заранее намеченного плана: всё, случающееся с человеком, воспринимается как неизбежность. Такой взгляд в его логическом завершении должен привести к мысли о том, что возможности для нравственного выбора человек не имеет. Но ислам не доходит до этого. Его теологи разработали концепцию параллелизма, который допускает нравственную свободу, но не нравственную автономию. Этот взгляд похож на концепцию блаженного Августина, отвергнутую Церковью, и на учение кальвинистов. Противоречие между нравственной ответственностью и ограниченной свободой воли исламские теологи пытаются снять учением о спасении всех мусульман. По их закону справедливости, согрешающие мусульмане должны понести соответствующее наказание в загробном мире, но по молитвам Магомета и имамов ислама и всего исламского мира, даже самые грешные из мусульман в конце концов будут прощены. Следует обратить внимание на то, что в исламской религии нет посредника между Богом и человеком, а Магомет - только посланник, так что между трансцендентным Божеством и миром лежит непроходимая пропасть. Если Евангелие монолитно, то в сурах Корана, особенно между сурами меккийского (раннего) и мединского (позднего) периода, имеются противоречия. Мусульмане объясняют это тем, что Магомет имел право изменять или отменять свои постановления, а также заменять их другими. Вообще для мусульманина одним из характерных свойств истины является ее внутренняя противоречивость.

Следует указать и на своеобразную "двойственность" мусульманской религии, которая предписывает своим последователям разные правила и обязанности в отношении к мусульманам и к немусульманам.

Следует особо отметить заповеданные исламом религиозные войны с иноверцами. Можно сказать, что мусульмане находятся в состоянии перманентной войны с немусульманскими народами, войны, в которой могут быть временные перемирия, но не мир. Следует также отметить рекомендуемые Кораном принудительные, насильственные меры по отношению к побежденным народам для обращения их в ислам. Мы считаем, что всякое насилие во имя религии является прежде всего оскорблением для самой религии.

Мы не можем согласиться с допускаемым в исламе многоженством, так как считаем брак союзом любви двух личностей и их единством.

Мусульманская мистика наиболее ярко выражена в суфизме, который оказал глубокое влияние на литературу и искусство Средней Азии и Ближнего Востока. Это учение вобрало в себя многие представления и идеи индуистских мистических школ и сект и потому колеблется между монотеизмом и пантеизмом. Суфистская поэзия широко использует аллегории и эротические образы для выражения мистических переживаний. К исламской мистике относятся многочисленные дервишские ордена; они основаны на заповедях, отчасти напоминающих монашеские обеты, но глубоко отличных от них внутренне. Выход из дервишского ордена свободен и никем не порицается. Большинство уставов дервишских орденов содержат в себе указания на такие аскетические методы, как пост, ночные бдения, послушание наставнику - имаму и т. д. Но обычно высшим духовным состоянием считается здесь экстаз, который достигается ритмическими движениями, пляской, а в некоторых случаях - приемом наркотиков. У шиитов религиозные праздники сопровождаются театрализованными представлениями и уличными процессиями.

Впрочем, надо сказать, что несмотря на принципиальное различие между православной мистикой Божественного света и искусственной экзальтацией мусульманских дервишей в целом ислам сохранил больше элементов аскетизма, чем современное нам католичество, а тем более протестантизм.

На что должен обратить внимание православный в беседе с католиком?

Апостольская Церковь по своей структуре и самовыражению является Церковью Соборной. Собор как высшее представительство всех членов Церкви осуществляет принцип ее единства. Уже в апостольские времена разномыслие в некоторых вопросах, касающихся миссионерства среди язычников, было решено не единоличным голосом апостола Петра, которого католики считают "князем апостолов", а Собором. Характерно, что на первом Апостольском Соборе в Иерусалиме председательствовал не апостол Петр, а местный епископ Иаков, который в заключительной речи подвел итоги Собора.

Сам факт и характер Апостольского Собора свидетельствуют о том, что в древней Церкви соборное решение стояло выше авторитета любого из апостолов. Если бы в древней Церкви существовал принцип еkkлезиологического монархизма - примат безгрешного в делах веры вождя, то идея Собора, как таковая, была бы ненужной и бессмысленной: со всеми вопросами догматического и нравственного характера достаточно было бы обратиться к римскому папе - "епископу епископов, наместнику Христа на земле". Наделяя римского папу сверхчеловеческими свойствами безгрешности в делах веры и нравственности, католики не могут объяснить противоречий в буллах пап и таких явлений, как отречение от Христа одного из пап (впоследствии он покаялся и стал мучеником) и как принятие папой Гонорием ереси монофелитов (за что он и был осужден на VI Вселенском Соборе как еретик). Церковь не знает "интеллектуальной безгрешности", которая зависела бы от сана и географического расположения. Дух Святой устами пророка Давида свидетельствует, что *всякий человек ложь* (Пс. 115, 2). В полноте истина дана Вселенской Церкви, выражаемой через соборное единство. Другими словами, чистота веры - в единстве любви.

Филиокве, с догматической точки зрения, - ересь (двуначалие Духа Святаго); с еkkлезиологической - нарушение соборного единства; с нравственной - проявление духа

гордыни. Символ веры был утвержден на I и II Соборах как незыблемое основание христианского вероучения. Вселенские Соборы запретили изменять, сокращать Символ веры или вносить в него добавления. Римская Церковь совершила грех против вселенского единства, изменив Символ веры, и тем самым противопоставила себя Соборной Церкви. Провинциализм заключается в том, что часть ставит себя над целым, например, провинция выступает от имени всего государства. Римский патриархат односторонним актом догматического диктата поставил свои решения выше решений Вселенских Соборов и от принципа любви перешел к принципу вождизма.

В своем историческом бытии католицизм производит непрерывную модернизацию самой католической церкви, приспособление ее к изменяющемуся миру, его культуре и идеологиям, представлениям и вкусам. Оттого католическая церковь все более и более принимает характер утилитарной организации. Мистика здесь вырождается в эстетизм, а аскетизм заменяется благотворительностью и социологией.

На что должен обратить внимание православный в беседе с иудеем?

Центральным вопросом должен быть вопрос о Мессии. Здесь общим источником служат книги Ветхого Завета как богооткровенная истина. Следует на основании библейских текстов указать, что пророчество о Мессии исполнилось в лице Иисуса из Назарета. Следует также указать, что у пророков Мессия являлся Спасителем всего человечества - как иудеев, так и народов, пребывающих в язычестве, и только постепенно образ Мессии принял в синагогиальном мышлении образ национального вождя и основателя хилиастического царства на земле. Следует указать, что после Иисуса из Назарета в Израиле появлялся целый ряд лиц, объявлявших себя мессией, которые ничего не принесли своему народу, кроме страданий и разочарований (например, Бар-Кохба, которого один из авторитетнейших раввинов - Акиба - признал за Спасителя Израиля).

Следует опровергнуть ложное и тенденциозное мнение, бытующее среди иудеев, что антисемитизм - это явление, возникшее в христианском мире и характерное для христианских народов. На самом деле, антисемитизм существовал еще в древнем мире, о чем свидетельствуют античные историки и поэты. Антисемитизм существует среди мусульман и среди представителей других религий; многие идеологи атеизма были антисемитами; фашистская партия, враждебная по своей идеологии христианству, приняла антисемитизм как свою политическую программу. Мы воздерживаемся от анализа этого явления и только указываем на факты.

Следует обратить внимание на то, что идея построения на земле хилиастического царства во главе с вождем - Мессией - и столицей в Иерусалиме послужила причиной материализации духа народа. Если древний Израиль, сплоченный около Иерусалимского храма, видел свою главную миссию в сохранении единобожия среди языческого мира и царство Мессии воспринимал как царство всех народов, познавших истинного Бога, то теперь положение изменилось: народ, приняв оземленную идею теократического государства, развил бурную деятельность в этом плане.

Если древний Израиль не дал миру великих философов и ученых, не оставил практически никакого следа в светской литературе, то современный Израиль проявил себя во всех видах науки, искусства и литературы. Но является ли это духовным возрождением или же это лишь трансформация прежнего духовного потенциала на более низком, душевном уровне? Мы склонны думать, что, изменив понятия и представления о Мессии, иудейский народ вырвал из себя главный стержень Библии и стал мыслить материализовано, в земных категориях.

Антисемитизм как историческое явление был неизвестен во времена израильских царей и вавилонского плена. Иудеи занимали значительные посты в ассиро-вавилонской империи и египетском царстве Птолемея. Но со времен раввинизма нарастает антисемитизм. Что это - совпадение или психологический фактор?

Следует отметить двойственность в морали талмуда, которая рекомендует одни нормы взаимоотношений между иудеями и другие - между иудеями и остальными народами.

Следует сравнить это с требованием Евангелия не только быть справедливым и милостивым к людям, независимо от их нации и вероисповедания, но и любить своих врагов. Евангелие дает общенравственное основание для жизни человека и при этом старается пробудить его внутреннее моральное чувство - голос его совести. Иудаизм регламентирует жизнь человека целой системой предписаний, поэтому этику и нравственность из внутреннего чувства, из потребности самого сердца он делает схоластической системой, основанной на казуальном принципе (ответы на всевозможные случайности). Но, пожалуй, самой главной, мы бы сказали, трагической ошибкой раввинизма является талмудо-каббалистическое представление о том, что Бог создал иудеев, а 72 низших духа - остальные народы мира. Это позднее предание, противоречащее духу и букве Библии, ведет к догматизированию национализма. Человек, принявший идею превосходства и избранничества, теряет самую большую ценность своей жизни - способность любить всех людей как детей единого Отца и видеть в каждом человеке образ Божий. Любовь, замкнувшаяся в своей семье, своей нации, приобретает эгоцентрический характер, теряет мистическую глубину.

О культуре общения

Одним из важных аспектов религиозной нравственности является культура общения. Это умение спокойно выслушать другого, хотя бы его мнение не совпадало с твоим или даже противоречило ему. Присутствие благодати Божией в душе человека делает для него невозможным оскорбить или унижить ближнего. Этика проявляется в уважении друг к другу. Слово "культура" происходит от слова "культ", что значит "уважаю" и "почитаю". В данном случае высота культуры, в том числе духовной культуры, заключается в умении видеть в каждом человеке образ и подобие Божие - личность, которая обладает своим мировоззрением, своими нравственными критериями, своим духовным миром.

Когда два собеседника говорят о религии и мировоззрение их не совпадает, разговор должен принять форму совместного поиска истины: сначала выяснить, в чем они соглашаются во взглядах и в чем расходятся. Затем должен быть найден общий критерий истины и спокойно рассмотрены недоумения, вопросы, проблемы, пункт за пунктом, не сходя с этой платформы. Такой платформой могут быть все учение Церкви, текст Библии или только Новый Завет. Если религиозные убеждения основываются на разных книгах Библии, ведах, Коране, то следует выявить основные признаки истинности, каковыми, очевидно, должны служить: внутренняя непротиворечивость текста, высокое учение о Божестве и соответствующая этому учению мораль; следует рассмотреть историю создания этих книг и т.д.

Чтобы ответить своему собеседнику должным образом, надо уметь выслушать его спокойно, понять, что он хочет, выявить главное положение его мировоззрения. Затем спросить, правильно ли он понял, не приписываем ли мы ему того, чего он не думал и вовсе не хотел говорить. А если он подтвердит, что мы поняли его правильно, то должны вначале отметить, в чем мы согласны с ним, что мы одобряем в его позиции.

Пожалуй, нет человека, который был бы во всем не прав (преподобный Макарий Египетский похвалил за трудолюбие идольского жреца, когда увидел, что тот куда-то несет на своих плечах тяжелое бревно). Отметив точки сближения, то есть создав определенную психологическую связь, когда собеседник воспринимает нас не как противника, а как дружественное лицо, стремящееся понять его, надо очень корректно коснуться пунктов расхождения и предложить вместе рассмотреть первоисточники.

Большой этической и психологической ошибкой является вывод априори, прежде доказательств, когда место доказательств занимает собственный авторитет, вовсе не обязательный для других. Затем сам собеседник должен сделать вывод, а если он затрудняется, то не следует настаивать: человек сам вернется впоследствии к тем же проблемам. Если даже под действием неопровержимых фактов оппонент будет вынужден согласиться, как бы выбитый на турнире из седла, то это согласие обычно бывает непрочным, и он захочет взять реванш за поражение и найти (после беседы) новые доводы и факты,

опровергающие ваше мнение. Сила Сократа была не только в его уме, но и в методе. Он не говорил за собеседника, а, предоставляя ему свободу делать собственные выводы, задавал наводящие вопросы и приводил соответствующие примеры.

Критические замечания собеседника надо принимать спокойно, и если они справедливы, тотчас соглашаться.

Беседа становится бессмысленной, если мы позволяем ей превратиться в спор, в своеобразный словесный поединок, в котором мы наносим и получаем удары, не приобретая ничего. Тогда диалог превращается в два монолога - каждый говорит, не слушая собеседника, а если слушает, то с одной установкой: во что бы то ни стало опровергнуть его. Свидетельством духовной и нравственной неразвитости человека служит его неправильная позиция, или, проще, "поза" в беседе.

1) Поза "учителя" - человек говорит с другими с чувством превосходства. Он не сомневается в том, что знает больше своих собеседников, что умнее их, что лучше знает то, что нужно человеку. Ему кажется, что его обязанность учить, а других - учиться. Такие люди говорят со странной самоуверенностью, даже не понимая, что апломб, который звучит в их словах, отталкивает от них сердце собеседника.

2) Поза "прокурора" - человек считает себя высшей инстанцией в судьбе другого. Он постоянно указывает на недостатки собеседника, ловит его на противоречиях, как вора, который залез в чужой карман, обличает, негодует и выносит "приговор", совершенно не сознавая, что тот ему не подвластен. Думает, что приносит благо человеку, открывая ему глаза на самого себя. Он считает, что бедный грешник должен только благодарить его за нравоучение. Желание исправлять других часто принимает характер устойчивого зуда, как при мучительной кожной болезни.

3) Поза "всезнайки" и "советчика" - человек готов дать совет и "рецепт" на все случаи жизни. Обычно это очень недалекие люди, которые много говорят потому, что мало знают и еще меньше думают. Они готовы давать советы, так как не чувствуют ответственности за свои слова. Эти люди вмешиваются в чужие дела, мешают другим в полной уверенности, что оказывают им большую помощь. Сами они чужих советов не воспринимают. Когда их собственные дела заканчиваются неудачей (а это бывает часто), то они обвиняют всех, кроме самих себя.

4) Поза "начальника" - человек говорит так, как будто дает приказы своим подчиненным. Он хочет быть маленьким "царьком" в своей семье, среди друзей или просто с собеседником. Такие люди не терпят противоречий. Этим людей характеризует уважение к своей собственной персоне и неуважение ко всем остальным. Они бесстыдно хвалят самих себя, рассказывают о своих собственных добродетелях, чаще всего несуществующих. Одну и ту же фразу повторяют несколько раз для того, чтобы запечатлеть ее в памяти собеседника. В отношении к другим они проявляют черствость и неблагодарность. Они, кажется, искренне считают, что для прочих людей дышать с ними одним воздухом - великое счастье. Собеседника они не слушают и могут перебить его вопросом, совершенно не относящимся к делу.

Я остановился на этих нескольких психологических типах только потому, что мы сами нередко, не контролируя себя, проделываем то же самое. Поэтому в беседе необходимо помнить, каким не надо быть и чего не надо делать. Гордыня способна разрушить все психологические мосты между беседующими и разбить их как бы на враждебные лагеря.

Человек должен быть корректным, тем более - при беседах на религиозную тему. Наша ревность о Божественной славе должна выражаться в нашей жизни посредством исполнения воли Божией, то есть заповедей, а не через нетерпимость к инакомыслящим и инаковерующим. Грубость часто скрывает под собой слабость или отсутствие аргументов, а гордость и высокомерие - низкий интеллектуальный уровень. Есть английская пословица, в которой говорится о том, что пустоты, образовавшиеся в черепной коробке, заполняет гордость.

Если беседа принимает некорректные формы по вине собеседника, надо сделать замечание, что о серьезных предметах необходимо говорить серьезно, а если оно не будет

принято, то отказаться от беседы, потому что некорректность в таких случаях часто переходит в непристойность и может кончиться взаимной обидой и разрывом.

Больше думать и меньше говорить

Премудрый Соломон в одной из своих притч сказал: *При многословии не миновать греха* (Притч. 10, 19). Здесь дело не только в том, что неуправляемый язык обязательно допускает ошибки и ляпсусы, но еще и в другом: многословие - это порождение гордости и незнания.

Человек гордый умственно ограничен. Для него вся мудрость мира заключается в его собственной черепной коробке. Поэтому он считает своим долгом одарить и осчастливить окружающих его людей щедрой россыпью, разумеется, не золота, а слов. Гордый человек не представляет, что за пределами его малого и кичливого рассудка простирается необъятная область невидимого и непознанного, как за пределами островка - простор океана. Высокая культура мысли доходит до границ самоотрицания, не как скепсис и агностицизм, а как реальное видение своих возможностей. Поэтому чем более культурен человек, тем осторожнее обращается он со словом, тем яснее видит всю шаткость и условность наших обобщений и заключений, всю ограниченность и неточность получаемой нами информации. Поэтому он сначала думает и уже потом - говорит. А так как думать тяжелее, чем говорить, то для обдумывания и предварительной мысленной проверки своих суждений необходимо время. Поэтому в разговоре такой человек делает паузу, прежде чем ответить, и вообще в беседе более старается узнать что-то новое, нежели переубедить другого.

Человеку гордому кажется, что узнавать ему нечего, он уверен в непогрешимости своих мнений, он негодует в душе, что ему смеют возражать, и обычно продолжает развивать свою мысль, даже не стараясь понять оппонента, поминутно перебивая его.

Обычно у таких людей твердая логика отсутствует. Они не стремятся к ней, и им кажется, что их личное превосходство над другими дает им право говорить автократически. Здесь место логики занимает уверенность в своей правоте, которая выражается эмоционально в некоем театральном тоне. Так что кажется, что человек декламирует стихотворение Брюсова "Ассаргадон": "Я - вожьд земных царей и царь, Ассаргадон. Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне? И вот стою один, величьем упоен, я, вожьд земных царей и царь - Ассаргадон".

Для обдумывания, как мы сказали, необходимо время, то есть молчание. Слово, сказанное прежде времени, подобно кислому винограду, который не дает ничего, кроме оскомины. Поэтому наблюдается парадокс: кто много думает - мало говорит, кто мало думает - говорит много. Один обрабатывает слово, как металл. Другой пускает слова, как мыльные пузыри, никакого труда - была бы трубка и мыльная пена. Слово обобщает. Чем большей информацией обладает человек, тем больше времени нужно для ее обобщения. А чем меньше он знает, тем меньше у него тормозящих моментов. Человек, который много и постоянно говорит, постепенно разучивается думать. У Крылова есть басня "Две бочки". Одна катится по мостовой тихо, потому что наполнена до краев вином; другая громыхает, ударяясь о камни, потому что пустая. Эту басню болтуны считают личным оскорблением и вообще не особенно жалуют Крылова.

Уже Кант с иронией говорил: "Самое большое изобретение XIX века - это умение рассуждать о книгах, не читая их". Болтун может не только рассуждать о чем угодно, но и спорить и доказывать, вполне полагаясь на свою проницательность. Если факты противоречат ему, то тем хуже для фактов... Говорят, что граф Хвостов не только издавал на свои средства обширные сборники своих же стихов, но и сам же их покупал.

Все великое совершается в молчании. Молчание - это благоговение перед тайной. Религия как внутренняя жизнь - область безмолвия. Но даже в науке великим открытиям предшествовало молчание. Ньютон и Кеплер проводили отшельнический образ жизни. Менделеев на целые недели запирался в своей квартире и никого не принимал. Эйнштейн говорил, что создавал свою теорию, плавая в одиночестве на лодке по озеру.

Люди, которые проводили свою жизнь в дебатах и спорах, по сути дела не совершали ничего. В лучшем случае они могли стать эпигонами и популяризаторами чужих мыслей и идей. Нам могут указать на пример античных философов, которые встречались для бесед у афинского Акрополя или устраивали публичные диспуты. Однако пифагорейцы и платоники учились не только говорить, но и молчать. Более того, у пифагорейцев трехлетнее молчание служило обязательным условием для вступления в их союз.

Умный человек избегает споров. Он понимает, что идеи аксиоматичны, и человек должен быть внутренне подготовлен, чтобы воспринять их. Мудрый обдумывает слова, а говорливый сыпет их, как песок из мешка. Уже древний поэт сказал: "Бой барабана заглушает звуки флейты, а крики петухов - песни соловья". Не будем уточнять, из чего сделан барабан и из чего флейта...

Многословие отнимает силы у молитвы, лишает мышление сосредоточенности и концентрации, надмевает душу человека. Часто необдуманные слова и насмешки лишают его друзей. Многословие опустошает душу, и, по выражению святых отцов, благодать покидает такого человека, как голубь улетает от жилища, где топится печь, чтобы не запачкать свои крылья в копоти и саже. А потеря благодати - самая большая из всех потерь. Святые отцы говорят: "Молчание собирает, а слова расточают". Молчание - тайна будущего века. В молчании происходит встреча души с Богом.

Господь сказал: *за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ* (Мф. 12, 36), то есть за каждое лишнее и пустое слово, а в многословии сколько злых и лживых слов! Поэтому обличением человека на Страшном Суде станут его собственные слова. Святые отцы говорят: "Молчи о том, чего не знаешь. Не утверждай того, в чем не уверен. А о том, что знаешь, говори кратко. Даже мед вкусен в малом количестве, а в большом вызывает тошноту".

Если бы мы знали, что слова возвращаются к нам, образно говоря, как пущенный бумеранг, то мы бы помнили, что человеку дан не только язык, чтобы говорить, но также и губы, чтобы сдерживать словесный поток. Молчать не легко. Один из святых говорит: "Несколько лет надобно человеку, чтобы научиться говорить. Но несколько десятилетий я учусь молчать. И еще не до конца освоил это искусство".

Что хуже - шутка или брань

Два греха, внешне как будто противоположные друг другу, - смехотворство и сквернословие - имеют много общего. Святитель Иоанн Златоуст, говоря о пагубности этих грехов, оскверняющих душу человека, сравнивает язык шута и сквернословца, когда они становятся на молитву, с рукой, обмазанной навозом, которой человек хочет коснуться хитона Господня.

Шутки и брань представляют собой карикатуру на человека. В каждой шутке - надругательство над человеческой личностью, унижение ее, освинаячивание человека, стремление заменить его лицо уродливой рожей, как в кривых зеркалах, которые показывали в балаганах. В шутке исчезает уважение к человеку как образу и подобию Божию. А вместе с уважением пропадает любовь. Если во время плача сердце человека смягчается, то во время шуток оно становится жестким, как камень.

Во время шуток и смеха ум человека помрачается, он не может мыслить о чем-либо высоком и святом, он ищет в других уродства. Насмешка - это радость о том, что человек, образ Божий, одет в одежду, вывернутую наизнанку. Первым шутником был Хам, который надсмехался над наготой отца, а еще раньше - демон, посмеявшийся доверчивости первозданных людей. Недаром демона называют шутком и нередко изображают в одежде скомороха. Шутка - это короткий приступ истерики, при котором человек освобождается от какой-то накопившейся в его душе энергии. Он как бы выбрасывает ее вон, в лицо другого, как плевок. Этим он будто бы снимает противоречия, накопившиеся в его душе. Этот выброс энергии, связанный с помрачением сознания, приносит видимое облегчение, но по сути дела

это облегчение той же природы, что и сквернословие, то есть благодаря унижению другого у человека возникает иллюзия своего собственного достоинства.

Говорят, что от шуток бывает хорошее настроение, - это неправда. После продолжительных шуток и смеха человек чувствует опустошение. Отмечено, что карикатуристы и клоуны в своей личной жизни отличаются угрюмым и раздражительным характером, а нередко и приступами черной меланхолии, как будто шутки и смех - это темные провалы души, в которых гаснет свет ума и исчезают духовные силы. Если человек, выслушав дюжину анекдотов и вдоволь посмеявшись над ними, станет на молитву, то он воочию увидит безобразие своей души. Есть психический комплекс шутника, который везде и всегда ищет несоответствия и уродства; для него вся жизнь - постоянный парадокс. Если он не шутит в течение одного часа, то чувствует какой-то внутренний дискомфорт, как пьяница, лишенный алкоголя, или наркоман, оставшийся без наркотиков, словно какие-то силы распирают изнутри его душу. Ему в полном смысле этого слова становится плохо. Он начинает шутить с такой жадностью, с какой голодные набрасываются на пищу. Человек настолько привыкает шутить, что шутит почти машинально. В его подсознании происходит постоянный поиск и обработка шуток. Он шутит даже неожиданно для самого себя. Когда такой человек начинает молиться, молитва у него порой превращается в кощунство. Привычка заставляет его искать уродливые ассоциативные образы, как бы некое передразнивание молитвенных слов.

Диавол - любитель и ценитель шуток. Это - невидимый режиссер той клоунады, которая происходит в уме человека. Самое страшное последствие греха в том, что он удаляет от души благодать Духа Святаго. Нигде на иконах не изображены смеющиеся или улыбающиеся святые, ибо смех лишает человека самопознания, а шутки - покаяния. Зато диавол нередко изображается с оскаленными в улыбке зубами. Во времена языческих гонений на Церковь скоморохи и клоуны представляли собой антихристианскую силу; для толпы они имели такое же значение в своих уличных пародиях на христианство, как языческие философы - для античной интеллигенции. Даже больше: лишить человека чувства благоговения - значит отнять у него Бога. Иногда языческие правители нанимали скоморохов и артистов, чтобы те пародировали и осмеивали мучения христиан во время казни. Подлость всегда старается великое превратить в смешное. Господь сказал: *Горе смеющимся* (ср.: Лк. 6, 25), *горе*, потому что они изгоняют Духа Святаго из своей души; *горе*, потому что они насмеются над человеком - образом и подобием Божиим, а через творение - над Творцом; *горе*, потому что они теряют драгоценное время жизни; *горе*, потому что лишают себя глубины покаяния и чистоты молитвы.

Мы назвали демона шутком, вернее, вспомнили его старое прозвище. Трагедия мировой истории представляется для демона мировой комедией. Толкая людей на грех и преступление, он затем смеется их легковерию и глупости. Для демона история - это постоянное одурачивание людей. Замечено, что тираны и революционные вожди - большие шутники.

Слово человека несет в себе определенную энергию. Оно соединяет человека с космическими силами добра или зла, с ангелами или демонами. Высшее проявление человеческого слова - это молитва. Даже место, где совершается молитва, имеет свою особенную духовную атмосферу. Именно поэтому, входя в ограду монастыря, люди ощущают какую-то особую чистоту, ощущают ее почти физически, им хочется дышать этим воздухом всей грудью. Как-то к одной больной инокине пришла врач. Войдя в комнату, она сначала боязливо посмотрела на иконы, затем, послушав больную, села около нее на табуретку и через несколько минут сказала: "Какая умиротворяющая квартира! Я приду к вам еще".

Есть слова, но есть другие, черные слова, которые несут в себе невидимую, мы бы сказали, метафизическую грязь - это миазмы брани, которые оседают на стенах жилища, въедаются в вещи, пропитывают своим зловонием одежду. Мы полагаем, что брань в метафизическом плане это нередко отказ от Бога и молитва к сатане. Попытаемся понять

мистический смысл бранных слов и мы увидим, что они далеко не так безобидны, как принято считать.

Возьмем слово "сволочь". Оно означает мусор, который собирают, сволакивают в кучу и затем выбрасывают за порог жилища. Для христианина духовный дом - это храм, а вечное жилище - Царство Небесное. Поэтому слово "сволочь" - пожелание, чтобы человек был лишен своего дома, выкинут из вечного жилища, как мусор и отрепье, подобно тому, как в евангельской притче хозяин приказывает своим рабам выбросить недостойного гостя за порог дома в ночную тьму. Итак, в мистическом значении "сволочь" означает недостойный спасения, осужденный, выброшенный, изгнанный.

Возьмем следующее слово, которое мы слышим очень часто, - "мерзавец". Это слово означает мерзлый, замерзший, холодный, безжизненный. Святые отцы говорили, что Бог есть огонь, который согревает сердце, а сатана - вечный холод, ледяющий душу. "Мерзавец" - это человек, в котором нет Бога, который потерял любовь. В теле змеи нет теплоты, поэтому "мерзавец" - то же самое что и потерявший любовь демон и гад, ползающий по земле. Здесь пожелание, чтобы человек потерял Бога и любовь и уподобился демону, который холоден, безжалостен и жесток.

Слово "стерва" означает падаль, гниющее мясо. Христианство - это учение о воскресении мертвых. Слово "стерва" в мистическом смысле означает: "останься гнилью, не воскресни".

Слово "негодяй", которое прочно вошло в человеческий лексикон, означает негодный, непригодный, не соответствующий своему назначению, испорченный. Назначение человека - вечная жизнь. Святитель Василий Великий сказал: "Человек - это тварь, которая получила повеление стать Богом". Духовная жизнь, в том числе аскеза, - это работа над собой, чтобы стать годным для Небесного Царства. Слово "негодяй" в мистическом плане означает: "пусть не исполнится цель его жизни, пусть он будет неспособен воспринять то, для чего сотворен человек - Божественную благодать". Здесь слово "негодяй" выступает синонимом слова "отверженный".

Слово "дурак" означает бурный, беспокойный, бушующий. Слово "мир" было приветствием Ветхого и Нового Заветов: *Мир оставляю вам* (Ин. 14, 27), - говорит Господь; присутствие Божества приносит душе мир, даже почившим мы желаем вечного покоя. Демон - мятежный дух, он в непрестанном волнении и смятении; будучи духом зла, он не испытывает покоя ни на мгновение. Поэтому слово "дурак" означает: "будь лишенным мира в этой и будущей жизни".

Слово "подлец" означает низкий, ползающий, находящийся под ногами; это образ демона, который в преисподней, под всеми, и образ змея, который "подлез" к нашим праотцам. Здесь - мистическое обращение к диаволу и проклятие "будь подобен змею, будь под ногами у демона, упавши в глубину преисподней, которая под всеми".

Слово "паршивый" означает человека, заболевшего болезнью, от которой выпадают волосы на голове и появляются струпы на теле. Паршивую овцу отделяют от других овец, чтобы она не заражала их. Парша - это грех, который, как заразу, легко распространяет вокруг себя развращенный и потерявший совесть человек. Паршивую овцу нельзя вылечить, мясо ее противно есть, ее просто выгоняют палкой из стада. А ведь Господь Своим стадом назвал христиан (см.: Лк. 12, 32)...

В мистическом смысле слово "паршивый" означает пожелание, чтобы человек был покинут своими друзьями, отлучен от своих близких, а самое главное - умер нераскаянным в грехах, как бы не излеченным от духовной парши, и был изгнан навеки из стада Христова.

Таким образом, сквернослов призывает демона усердно губить его братьев, то есть становится одним духом с сатаной.

Из бранного лексикона мы выбрали лишь наиболее "безобидные" слова, которые не особенно режут слух, а для некоторых людей стали уже совершенно привычными. Но и они, эти слова, представляют собой скрытое обращение к сатане. Потому-то и чувствует сквернослов после брани какое-то облегчение. Это тоже приманка сатаны, который шепчет

грешнику на ухо: "выругайся еще раз и получишь силу от моей силы, и глотнешь напиток из той чаши, которую я держу в своих руках".

Здесь мы не касались самых грязных слов - их демонизм еще более явствен. В сатанинских оргиях богохульство и самое изощренное сквернословие входят в ритуал: чтобы диавол явился к своим приверженцам, им необходимо осквернить место, где они собраны, наряду с другими соделанными ими грехами и сквернословием. Сквернослов похож на одержимого, кажется, что у такого человека прямая кишка, потеряв свое направление, подведена к горлу со всеми вытекающими из этого последствиями. Припадки раздражения, которые сквернослов совершенно не может сдерживать, похожи на повторяющиеся приступы словесной дизентерии...

Слова не исчезают бесследно, поэтому квартира, где постоянно слышится брань и сквернословие, в духовном отношении становится похожей на общественный туалет, который никогда не убирается. Но самое страшное то, что адаптация к зловонию делает свое дело, и для сквернослова брань звучит как бодрящая музыка.

Чем отличается сострадание от сентиментальности

Сострадание основано на любви к человеку - любовь делает другого единым с собой, как бы своим вторым "я". Сентиментальность же основана на любви к самому себе; ее огорчают не страдания другого человека, а собственное испорченное настроение; она стремится не уничтожить страдания в мире, а убрать картины страдания из поля своего зрения.

Искусство и литература делают душу человека склонной к подражанию и к эмоциональной включенности в ситуацию. Человек, привыкая переживать душевное состояние персонажей пьес, телесериалов и романов, в результате сам начинает "играть в жизнь", как артист на сцене. Искусство развивает высокую пластичность психики, нередко доходящую до патологии, и эмоциональную отдачу представшему перед сознанием образу. Любовь болеет за другого; ей больно, потому что больно человеку. Сентиментальность болеет за себя; ей больно, потому что негативный образ страдания вторгся в сознание и вызвал отрицательные эмоции.

Любовь основана на желании блага другим людям. Сентиментальность - на желании собственного душевного комфорта; страдания других она воспринимает как неприятный диссонанс в своем душевном покое. Сентиментальный человек не может любить, он может влюбляться, создавать себе идолов, служить им и этими идолами заполнять свою душу.

Обратная сторона сентиментальности - это жестокость. То, что лежит за пределами непосредственных ощущений, сентиментальному человеку чуждо и безразлично. В сказке Экзюпери "Маленький принц" автор проговаривается: "Если потухнет моя звездочка, то какое мне дело до всей Вселенной", другими словами, - звездочка, в которую я влюблен, мне дороже всей Вселенной.

Сентиментальный человек готов плакать при виде больной собаки и в тоже время останется глух и равнодушен к страданиям миллионов людей, лишь бы он не видел этих страданий. Сентиментальность - это не любовь, а болезненная впечатлительность, это хроническая, заглушенная истерика, заменяющая любовь. Сентиментализм создал либерализм с его люциферианской вседозволенностью. Уже в прошлом веке один писатель сказал: нет зверя более лютого, чем либерал [1]. Мы бы добавили, что из всех зверей наиболее похож на либерала крокодил, который, пожирая свою жертву, горько плачет.

Примечание:

[1] М. Салтыков-Щедрин. – *Авт.*

О церковной поэзии

Литургические гимны нельзя отнести к какому-либо известному нам виду искусства. Это особая поэзия, которая отличается от поэзии мирской - лирики, эпоса и драм - не только содержанием, но и формой, и языком. В священной поэзии отсутствуют яркие, как бы кричащие краски. Там нет эмоциональных взрывов, лирической грусти или натурализма в изображении человеческих страданий и царящего в мире демонического зла. Круг ее изобразительных средств сознательно ограничен, в ней нет того, что мы назвали бы эстетизмом. Эта поэзия не дает человеку душевного наслаждения. В ней отсутствует, из нее как бы вычеркнуто и выброшено все то, что делает привлекательной и чарующей поэзию мирскую: отсутствуют душевно-ассоциативные связи, неожиданные сравнения и метафоры, которые являются скрытыми парадоксами поэзии, страстные и яркие образы, от которых душа напрягается, как струны скрипки, во внезапном порыве чувств. Здесь нет эмоциональной горячности и поэтических восторгов, которые на самом деле представляют собой голос плоти и крови. Здесь душа не отдается безвольно, как убаюканный ребенок, музыке ритмов и созвучия рифм.

Неверующему человеку эта поэзия чужда, она не вызывает отголосков в его душе, он, и слушая, не слышит ее. Для него она сливается, как звуки прибора, в монотонный гул. Человек, недавно пришедший в Церковь, тоже вначале не понимает, а вернее, не может включиться в церковные гимны; только отдельные фразы, образы и сравнения остаются в его сознании, но он чувствует силу, заключенную в них. Ему часто кажется, что непонимание происходит от архаичности богослужебного языка, на самом же деле здесь другое: для молитвы требуется созерцание, концентрация, то, к чему современный человек не привык. Но проходит время, и эти песнопения становятся для его души все более родными, как будто все чаще пробивается свет через разводе облаков. Хотя он еще не включился в литургические песнопения на уровне сознания, но его душа чувствует новую жизнь в этих пока не совсем понятных словах, и по временам он наполняется особым чувством умиления и радости, той чистой радости, которую мы испытывали когда-то в далеком детстве. Слова песнопений кажутся ему нежными лепестками цветов, запаха которых он пока еще не может ощутить, тихими струями прозрачной воды, омывающими его душу, или снежинками, которые, как белые звездочки, падают с неба и покрывают грязь земли и грязь человеческих грехов своим сверкающим одеянием.

Красоту духовной поэзии может увидеть лишь тот, у кого открылось таинственное око сердца, у кого пробужден дух и укрощены, как дикие звери, страсти; скажем по-другому: у кого глаза души омыты слезами покаяния. Это поэзия молитвы, она - достояние духа, она познается в безмолвии и созерцании. Душа, которая ищет разнообразия внешних впечатлений, которая ищет театральных эффектов для удовлетворения своих страстей, не может почувствовать и понять красоту церковных песнопений, услышать в них тихий голос благодати. Для нее они так и останутся закрытой книгой.

Люди, погруженные в страсти, не найдут в богослужебных текстах того, что могло бы возбудить их эмоции, дать пищу аналитическому уму. Сравнивая церковные гимны с поэзией Шекспира и Данте, они увидят здесь лаконизм языка, который покажется им эмоциональной сухостью, и строгое ограничение выразительных средств, которое воспримут как бедность воображения и однообразие. Догматы веры, которыми насыщены богослужебные тексты, кажутся мирским людям повторением уже известного, почти тафталогией. Гимнограф как бы стоит над земными событиями, рисует их не сочными, яркими красками, а тонкими и точными линиями пера, он как бы только касается их, чтобы показать скрытую под ними метафизическую сущность. Трагизм песнопений, посвященных подвигам мучеников, лишен каких-либо внешних эффектов или душевного надрыва, в них главное - сама идея мученичества как свидетельства об истине.

В канонах и акафистах Божией Матери использованы многие прообразовательные символы и метафоры, но эти символы в своей мистической глубине остаются непонятными для ума и чуждыми сердцу душевного человека. Они не воспринимаются в едином ассоциативном поле с именем Девы Марии, а звучат обособленно и отчужденно. Такие люди могут говорить о Божией Матери земным, душевным языком. Для них стихи о Деве Марии

Метерлинка, Бунина, Пастернака роднее и ближе, чем каноны преподобных Космы Маиумского и Феофана Начертанного.

Церковные гимны - прежде всего молитва, которая требует сосредоточения мысли. Здесь многочисленность образов, обилие информации, оригинальность сравнений, как ковер, вышитый яркими цветами, только оземлили, отяготили, рассредоточили бы молитву, перевели бы ее в другой, низший план - театрального монолога. Духовная красота - это не эстетизм и космофилия, а видение, как бы прозрение духовного мира через прозрение человека. Молитвенное слово, теряя внешнюю экспрессию, приобретает духовную глубину. Видимое внешнее однообразие священных канонов, которое представляется плотскому уму вариантами одной и той же мелодии, открывается духовному взору как небо - единое и вечно новое, неисчерпаемое в своих глубинах.

Через слова гимнов душа верующего человека соприкасается с духовным миром и познает то, что выше слова и глубже чувств. Область душевного разума - воображение и анализ, духовного - созерцание и непосредственное проникновение в сущность явлений. Лаконичность языка и частые повторения в гимнах держат ум в едином поле созерцания. В мирской поэзии звучат все краски палитры, в духовной - нет ярких цветов, там прозрачность: цвета воспринимались бы как пестрота. Данте, Шекспир, Мильтон создают огромные полотна для своих картин, их поэмы и драмы похожи на замки, построенные искусными архитекторами. Кажется, что эпохи и народы поместились бы в них. Исихасты сжимают свою мысль до нескольких слов молитвы, но эти слова низводят само небо в сердце человека, небо, заключенное в одном луче благодати, необъятное небо, в котором земля и звезды - только кружащиеся в вихре пылинки. В церковных песнопениях - высшая красота, но не в сочетании слов, а в отблеске Божества, красота, в свете которой сама душа человека раскрывается как тайна вечности.

Пришедшим из оккультизма

В настоящее время мы наблюдаем обращение к Церкви не только вчерашних атеистов, но и тех, кто занимался оккультизмом.

В конце XIX века христианские регионы подверглись духовной экспансии различных оккультных и магических учений, преимущественно восточного происхождения, как будто грязевой поток, обрушившись с гор Индостана, стал превращать в какие-то зыбкие топи землю стран Запада.

Оккультные учения нашли себе почву прежде всего в среде интеллигенции, в той ее части, которая, убедившись в ограниченности и беспомощности позитивизма, искала других путей познания. О Церкви эти люди имели преимущественно предвзятое и тенденциозное представление. Универсализм Церкви они считали заниженными религиозными запросами, и включение в Церковь казалось им растворением в простом народе, в толпе, на которую они привыкли смотреть сверху вниз. Они чувствовали, что Церковь и привычный интеллигенции элитаризм плохо уживаются друг с другом.

Другая причина этого антагонизма, или отчуждения, в том, что Церковь требует послушания, подчинения иерарху, дисциплины жизни: исполнения молитв, ритуалов, постов - и, прежде всего, дисциплины мысли: подчинения своего ума Откровению. А интеллигенция особенно дорожит своей "интеллектуальной свободой" - свободой эмпирического, страстного человека, свободой творчества как самовыражения.

Затем Церковь требует от человека борьбы со страстями, поскольку без этого невозможно внутреннее очищение, а страсти, особенно гордость, - та стихия, в которой привыкла жить интеллигенция. (Мы говорим здесь о характерных общих тенденциях, а не личностях, представляющих собой православное "меньшинство" современной интеллигенции.)

Оккультные же учения в противоположность Церкви представляют творческой фантазии полную свободу и не только не ограничивают страсти человека, но и считают их источником душевной энергии, который надо лишь уметь правильно использовать. В

системах розенкрейцеров, Раджиша, буддийского тантризма поощряется самый низменный эротизм - как путь к демоническому познанию добра и зла, и даже к трансцендентному экстазу. Здесь ничто не тревожит темные страсти, свившие свое гнездо в человеческом сердце. Они мирно уживаются с декларативным, оккультным "аскетизмом", ограничивающимся медитациями и ритуальными плясками, а также с эффектным по форме и поверхностным по содержанию интеллектуализмом. Прочитав несколько книжек Штайнера и Раджиша, человек, так сказать, не вставая с кресла, чувствует себя посвященным в "тайную мудрость", овладев которой он может делать все, что хочет. В чем заключается эта "мудрость" - он не понимает. Глава и вождь оккультистов - демон - прячет себя под именами "космической иерархии", "земного бога" и т.п. Иногда он не прочь выступить на страницах оккультных книг как резонер, с нравственными сентенциями и критикой догматизма "во имя любви". Но в оккультизме существует тайный догмат, который открывают не сразу, а именно: "Добро есть зло, зло есть добро; Бог - это демон, а демон - это Бог". Недаром сатанист Бодлер назвал свой сборник стихов, ставший настольной книгой декадентов, "Цветами зла". Однако оккультизм сравнительно редко выступает в своем собственном облики, так сказать, в обнаженном виде, как демон на горе Брокен. Чаще всего он, как волк в сказке "Красная Шапочка", говорит вкрадчивым и ласковым голосом. О чем он говорит? О новом рафинированном христианстве, об "элитарной" духовности, о синтезе религий и о том, что белая магия - это сила добра, которая противостоит черной магии.

Надо сказать, что немало людей, попавших сначала в сети оккультизма, увидев его сатанинское лицо и мертвый люциферианский свет, ведущий к гибели, отошли от него, порвали с ним и стали искать спасения и исцеления в Православной Церкви. Но занятия оккультизмом, особенно если они были соединены с практической магией, не могут пройти бесследно. Нельзя выйти из ада, не опалившись его огнем.

Нет греха, который превозмог бы милосердие Божее, нет демонической силы, которая победила бы силу благодати, силу поднимать падшее, исцелять больное, возрождать умирающее, восстанавливать разбитое, исправлять искривленное, возвращать потерянное, восполнять оскудевшее, воссоздавать переломанное и изуродованное. Включившись в церковную жизнь, прежний оккультист может стать подвижником, но мы хотели бы предостеречь этих людей от особых искушений, которые могут встретиться на их пути, от последствий оккультизма, от предрасположений, которые человек вынес из этого душевного ада и которые могут долго еще мучить душу как старые раны.

Первая опасность - это тонкая духовная гордость, которая незаметна для самого человека. Она может скрываться под внешним смирением, по пословице: змея под кустом ежевики. Нужны продолжительные усилия, а главное - духовный руководитель, чтобы в душе вскрылся этот гнойник и не заражал бы постоянно кровь. Но, к сожалению, такой человек мало способен к искреннему послушанию. Имея руководителя и даже внешне подчиняясь ему, он в душе не расстается с постоянным чувством своего мнимого превосходства и считает свое собственное мнение истиной в последней инстанции, поэтому между ним и его духовным отцом стоит некая тонкая непроницаемая стена. Читая духовную литературу, он выбирает из святоотеческих творений те, где описаны самые высокие духовные состояния, как бы "взлеты на небо", а книги по практической духовной жизни кажутся ему детской пищей или азбукой, которую незачем повторять.

Этих людей привлекают апокрифические Евангелия, созданные в среде гностиков. Они оправдывают себя тем, что эти книги, отвергнутые Церковью, содержат, дескать, в себе крупинцы истины и помогают им лучше понять канонические Евангелия, из которых они выделяют Евангелие от Иоанна, даже противопоставляя его другим Евангелиям.

Читая духовную литературу, они стремятся к схематизации духовных явлений, к интеллектуальному моделированию этих явлений, забывая, что человеческая душа и духовный мир глубже любой системы. Некоторые из них увлекаются Владимиром Соловьевым и отцом Павлом Флоренским. Здесь также внутренняя провокация - желание увидеть духовный мир в философской схеме, заменить знания, основанные на опыте, абстракцией, жизнь духа - интеллектуализмом. Они не прочь поговорить на основе

прочитанных книг о мистическом опыте и религиозных интуициях, но их словесный "интуитивизм" представляет собой тот же рационализм.

Ужас демонообобщения в оккультизме, который они испытали, делает вначале их покаяние горячим, а исповедь подробной, но горячность, основанная на страхе, не долговременна, она похожа на бегство от дьявола, но бегство еще не к Богу, а только за "стену", куда дьявол не может пройти. Затем покаяние остывает и в дальнейшем нередко заключается лишь в том, что человек фиксирует свои душевные состояния и при этом втайне гордится глубиной своей исповеди.

В оккультизме дьявол поражает прежде всего человеческое сердце, поэтому оккультист похож на человека с ампутированным сердцем, вместо которого вставлен какой-то механизм. От него веет необъяснимым холодом, что может сочетаться с эмоциями и даже с эффектом, основанным на страстях, потому что сами по себе страсти - это не духовное тепло, а огарки души. Можно сказать, что обращение оккультиста - это процесс реанимации его сердца, который происходит медленно. Это какое-то проклятие оккультизма - искание Бога в рассудке, а не в сердце. Тем, кто занимался оккультизмом, бывает трудно молиться в храме во время богослужения, особенно в начале их обращения к Церкви. Им кажется, что какая-то сила мучает и гонит их из храма, тяжесть наваливается на плечи, начинает кружиться голова, они плохо понимают, что происходит вокруг и чувствуют, что еще немного и упадут в обморок. Когда служба кончается, они как будто оживают.

Одно из самых тяжелых искушений, преследующих человека, занимавшегося оккультизмом, это превращение молитвы в медитацию. Здесь диалог души с Божеством заменяется монологом, где Божество только моделируется, а субъектом и объектом молитвы остается сам человек. Здесь молитва рассматривается как некая самостоятельная и автономная сила, направленная на осуществление цели, сформулированной в прошениях молитвы. Действующим и совершающим фактором представляется не благодать Божия как дар Божественной любви, а энергия самого человеческого духа, воплощенная в словах молитвы.

Такая травма излечивается с трудом: по сути, человек не обращается в молитве к Живому Богу, но лишь фиксирует свои состояния - самого себя. А если даже и обращается с молитвой к Божеству, то Бог остается для него некой космической или метафизической энергией, а не Личностным Богом. Таким людям обычно чужд Христос как Богочеловеческая Личность, они больше говорят о Духе Святом, при том не как о Личности, а опять-таки как о некой силе. Часто они бывают расположены к софиологии, имяславству, парапсихологии, то есть к материализации религии. (В принципе, сама каббала, несмотря на мистическое содержание, представляет собой довольно рационалистическую систему, которая содержит в себе генеалогию имен.) Эти люди внутренне стремятся составлять системы и сухие схемы, как будто задались целью загнать земной шар в глобус, чтобы затем держать его в своих руках.

По нашему мнению, одно из самых страшных последствий оккультизма - это потеря надолго чувства Живого Христа. Надо сказать, что не только люди, занимавшиеся практической магией, но даже и лишь интересовавшиеся оккультизмом и индокитайской мистикой, при обращении к Церкви подвергаются особым искушениям, иногда странным и неожиданным, как будто демон наказывает их, как господин своих беглых рабов. Эти искушения могут носить, в частности, и чисто физический характер, внешне походя на болезни. Так иногда такие люди испытывают какое-то непонятное расслабление тела, похожее на невероятную усталость, душевное томление, когда хочется умереть, состояние, граничащее с безумием, как будто посторонняя сила ворвалась в их душу и хозяйничает там, иногда - физическую боль, как будто чьи-то острые когти царапают их изнутри, или получают удары от каких-то невидимок. Порой они оказываются в непонятных, странных ситуациях, которые грозят их жизни; чувствуют напор страстей демонической интенсивности; нередко их преследуют богохульные мысли - как будто сам дьявол шепчет им на ухо всякие непотребства, часто они испытывают какое-то патологическое стремление к грязи - физической и душевной. Все это надо вытерпеть. Единственное средство - смирять

свой дух и прятаться за рясу духовного отца, образно говоря, как беспомощный кенгуренок хватается за шерсть своей матери и повисает на ней.

Здесь совершенно необходимо делать противоположное тому, чему учили оккультные книги: не полагаться на свой разум и книжные знания, не подтвержденные личным опытом (подвигом), а находиться в послушании у духовного отца. Нужно помнить, что действительная мудрость основана на опыте, опыт - на подвиге самоотречения, а самоотречение - на послушании. С сатаной надо бороться не тем оружием, которое он имеет, а тем, которое потерял; а потерял он смирение, покаяние и послушание. Подвижничество, а тем более интеллектуализм без смирения как основы - это предложение сатане биться с ним оружием, которым он владеет в совершенстве, и проигрыш в таком случае неизбежен.

Опять вернемся к вопросу об общественной молитве в храме. Человек, пришедший из оккультизма, часто оправдывает свою холодность к богослужению тем, что он более спокойно и сосредоточенно молится дома. Но это самообман. На самом деле он дает высокую оценку своей индивидуальной полумолитве-полумедитации, между тем, как посещение церковных служб это проявление духовного единства с прочими членами Церкви, любви и смирения. Когда человек надеется на молитвы своих братьев по духу больше, чем на свои, тогда молитва Церкви - земной и небесной - обращается в молитву за него. Как раз этого боится и не хочет демон.

Вначале демон мучает обратившегося к Церкви из оккультизма какими-то дикими страстями, в которых тот даже стыдится исповедоваться своему духовному отцу и ищет других, незнакомых священников. Затем - озлобляет против него людей. И всегда держит наготове, как полководец в засаде воинов, следующее искушение: влагает в ум человеку блестящие, остроумные мысли о религии или о философии. И тот, восхищаясь этим "фейерверком", начинает считать себя проповедником и апологетом христианства. Происходит это преимущественно, когда человек начинает заниматься внутренней молитвой, - как искушение снова перейти к привычному для него интеллектуализму, только с новым содержанием. Из-за этого мнимого "учительства" он отключается от молитвы, теряет чувство своего недостойнства, то есть покаяния. У него начинает проявляться любовь к спорам о вере. Здесь отличительными признаками патологии служит многословие и бесконечное повторение одного и того же, словно человек боится, что его "блестящие" мысли не запечатлеются в памяти слушателей. Если с ним не соглашаются или не проявляют к его словам внимания, то он приходит в состояние раздражения и гнева, который иногда прячет в себе, но все равно смотрит на возражающих ему как на своих несправедливых обидчиков.

Иногда люди, пришедшие в Церковь из оккультизма, говорят с позиции внешнего Православия как убежденные ортодоксы, но в их речи нет внутреннего Православия - любви; кажется, что для них не существует живых душ, а только правила и законы. Поэтому от их слов веет какой-то холодностью и даже жестокостью. Это не крепость стали, а негибимость чугуна. Если человек поддается такому искушению, он начинает чувствовать себя принадлежащим к несуществующей "элите" христианства, у него снова появляется все то же основанное на гордыне характерное для оккультизма ощущение своего избранничества.

Среди искушений, встречающих таких людей на их духовном пути, надо отметить и следующее: диавол убеждает их, что в борьбе с ними он потерпел поражение и теперь не смеет уже приблизиться к ним, как демон к святому Киприану. Диавол отступает от них на время и обманывает их ложным бесстрашием. Иногда они, будучи уверенными в своей силе, берутся отчитывать бесноватых, а диавол делает вид, что такая молитва жжет его, точно огнем, как молитва святых, и, втихомолку смеясь, кричит через уста бесноватого, что покидает свою жертву. Человек, поверив демону, приходит в состояние духовного ослепления и затем неожиданно впадает в грязную яму, которую вырыл для него враг, или же сам становится бесноватым.

Есть также искушение, которому подвергаются преимущественно художественные натуры, - это ложная мистика. Человек не желает идти путем, указанным Церковью, путем,

который кажется ему долгим и скучным, он хочет быстро, как на крыльях, достигнуть духовных высот. Здесь та же старая закваска оккультизма: "Я не такой, как окружающие меня люди. Что недоступно для других, то возможно для меня". Здесь демон притворяется ангелом света и дает ему необычайные душевные ощущения: вспышки безотчетной радости, ложные мистические переживания, к которым он привязывается, как к наркотикам, и не представляет себе жизнь без них. Эти состояния кажутся ему действием благодати, и если чудо Божие и молитва Церкви не спасут его, он оказывается в духовном обольщении, которое святые отцы называют прелестью.

Поэтому мы горячо советуем нашим братьям, пришедшим в Церковь из оккультных кругов, прежде всего найти духовного наставника и открывать перед ним свою душу. Это - первый акт смирения, за которое Господь Сам даст наставнику сказать нужное человеку слово.

Да, возвращаясь к уже сказанному, благодать действительно может самого последнего, отчаянного грешника при его искреннем покаянии поднять, исцелить, дать ему прощение грехов. Но последствия оккультизма - этого демонического греха - все-таки остаются, как предрасположение, как склонность к рецидивам. Поэтому таким людям необходима постоянная осторожность. И прежде всего должны они расстаться со всякими мыслями об "интеллектуальной элитарности". Платон был величайшим философом, апостол Иоанн Богослов - простым рыбаком, но "Диалоги" Платона кажутся горстью пепла перед светом и пламенем Евангелия от Иоанна.

Помните, что диавола может победить не разум и не сила человека, но только лишь благодать Божия.

"Нехорошо взять хлеб у детей..."

Господь сказал слова, которые кажутся нам только суровым испытанием веры: *нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам* (Мф. 15, 26).

Хананейка выдержала это испытание, и мольба ее была исполнена. Но не можем ли мы найти в этих словах еще другой смысл, который должна понять и принять с покорностью хананейки наша душа?

Хлеб, предназначенный для детей, - это время земной жизни. Богорожденное дитя - это дух человека, а псы - наши внешние дела, или вообще душевная жизнь, то, что обращено к земле и принадлежит ей. И мы непрестанно отнимаем хлеб у нашего ребенка - у духа, оставляя его едва не умирающим от голода, и бросаем эту пищу ненасытным псам - оземленным чувствам и страстям. Заботы и тревоги, как псы, окружают нас, то ласкаются к нам, то вонзают в нас свои клыки; мы всегда в сопровождении этой ненасытной стаи и всегда - в проигрыше, в состоянии какого-то духовного банкротства. У нас постоянно не хватает времени, а мы пытаемся усыпить свою душу словами: "Вот я только немного приведу в порядок свои дела и затем начну свою духовную жизнь". Но эти дела никогда не кончаются, а только нарастают. Одному подвижнику было видение: человек не мог поднять на плечи вязанку дров, тогда он добавлял еще дров и снова пытался поднять. Говорят, что, если человек, сидящий на ослике, держит перед его мордой пучок травы, то ослик, чтобы схватить пищу, бежит вперед, не понимая, почему трава с такой же скоростью удаляется от него.

Чаще всего бег в колесе продолжается всю жизнь, и человек только перед смертью понимает, что мир обманул его, вернее, что он сам помог обмануть и ограбить себя...

Из слов Спасителя мы можем извлечь урок огромной важности. Нехорошо отдавать силы и время целиком лишь внешнему, забывая о главном, о том, что основа самой человеческой личности - его бессмертный дух. Надо чаще вспоминать эти слова: *Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам*.

Что же делать нам, как выбраться из этой липкой паутины мира, в которой беспомощно бьется человек?

Обычно нас учат, составляя план дня, определить, что нам **надо сделать**. Но мы должны научиться задавать другой вопрос: а что нам надо **не сделать**? Ведь б!ольшую часть нашего времени и сил поглощают второстепенные дела, без которых мы при желании вполне могли бы обойтись, к тому же одно ненужное дело влечет за собой два других, и заботы увеличиваются, как снежный ком, катящийся по склону. Поэтому тот, кто хочет начать духовную жизнь, должен твердо и беспощадно определить: без чего я могу обойтись, что мне необходимо и сколько времени я могу дать этому необходимому.

Хананеянка ответила Господу, что *и псы едят крохи, которые падают со стола* (Мф. 15, 27). Живя на земле, мы не можем игнорировать реалий земной жизни, это была бы какая-то гордая спиритуалистическая иллюзия. Но пусть псы - земные заботы - кормятся крошками, падающими с трапезы духа, а не дух подбирает объедки от псов - те минуты, которые человек оставляет свободными от дел для молитвы и при этом по какой-то инерции на молитве продолжает думать о земном. Надо отвоевывать время у своих страстей и мира, как отвоевывают у врага захваченную территорию.

Господь сказал: *Блаженны нищие духом* (Мф. 5, 3). Это нищета от того, что считает богатством мир, нищета, которая дает человеку возможность приобрести вечное сокровище. Есть пословица: "Кто дает вовремя, тот дает вдвойне". Такое время, когда мы можем дать, то есть обратить сердце к Богу - это время, когда Господь призывает нас через благодать. Духовную жизнь надо начать сразу же, иначе, когда отойдет благодать - этот призыв Бога, это новое состояние сердца, - то душа снова остынет и ей будет трудно, как и остывшему воску, придать другую форму. Поэтому апостол Павел писал: *Духа не угашайте* (1 Фес. 5, 19).

Есть притча о том, как один юноша хотел пойти в лес жить с пустынниками. Ему было видение: он увидел листья на деревьях золотыми, а над лесом - облако света. Но он решил сначала вернуться в мир попрощаться со своими родителями и потом снова прийти сюда. И вторично приближаясь к лесу, где жили отшельники, он увидел на ветвях листья уже серебряные и то поредевшие. И вновь стали мучить его помыслы: возвращусь, окончу все мирские дела, распоряжусь всем своим имуществом, а потом начну подвижническую жизнь. Снова он отправился в мир, а затем, возвратившись, увидел лес темным и угрюмым, и листья на деревьях - как будто из железа и свинца. И остановился он в недоумении и спросил самого себя: "Куда иду я и зачем, что я буду делать в этом мрачном месте? Лучше возвращусь скорее в мир, в круг моих друзей".

Если мы не последуем голосу благодати сразу - хотя бы в том, чтобы, оставив все внешние заботы и внутренние помыслы, начать молитву, пока горит наше сердце, - то когда благодать отойдет, мы потеряем самую радость духовной жизни, и она покажется нам тяжелым грузом и жестким ярмом.

Наше духовное состояние можно выразить словами святого первомученика и архидиакона Стефана: *вы всегда противитесь Духу Святому* (Деян. 7, 51). И мы противимся Богу, прячась от Него, как Адам в кустах, в земных делах и заботах, отвечая на Его призывы: "Потом, потом..."

О силе безмолвия

Из гавани, как из морских ворот, огромного портового города, похожего на кузницу, где день и ночь слышится грохот и стоны металла, заглушающие шум моря, где протяжные звуки гудков и сирен, как острые клинки, пронзают воздух, где дым, как туман, окутывает город днем, а ночью он светится огнем, будто горит не сгорая в холодном электрическом пламени - из этой гавани выплывает корабль, перед ним необъятное море. Уже не слышно звуков города, его огромные здания кажутся детскими кубиками, которые оставил ребенок после игры, или как будто каменный и железный лес, выросший из земли, снова врастает в землю. Постепенно гавань вместе с городом приближается к горизонту, словно земля уплывает от корабля за океан, и вот уже нет ничего, кроме двух бездн - моря и неба. И кажется человеку, что он вырвался из какого-то огненного вращающегося круга, где вокруг

него молоты били по наковальне, что он в первый раз увидел звездное небо, будто вымытое в океане, небо, которое скрывала черная мгла пыли и дыма. Вокруг тишина. Даже шум волн не нарушает этой тишины, а только оттеняет ее. И чувствует человек, что он освобождается от какой-то невидимой тяжести, гнетущей его душу, как будто тяжелые цепи спадают с его плеч.

Монах, удаляющийся в пустыню из мира - из этого огненного котла, - чувствует себя, как узник, которому открыли железные двери подземелья и даровали свободу. Пустыня - не только место, пустыня - это тишина и безмолвие. Пустыней может быть келья монаха, пустыней должно стать его сердце, пустыней, в которой нет места привязанности ни к чему мирскому. Безмолвие - это сокровище и радость монаха. Безмолвие - это пребывание души с Богом. Душа возвращается из внешнего и чуждого ей мира к себе самой. Человек ощущает, как бы видит свою душу - это первый дар безмолвия.

В миру видение души пропадает. Человек ощущает вместо души поток мыслей и чувств, а саму душу созерцать не может.

Второе движение души - от себя к Богу. Без первого едва ли возможно второе. Бога нельзя найти ни в безднах земли, ни в космических пространствах, Он является и открывает Себя человеку лишь в глубинах его сердца. Поэтому религию, как тайну, можно постигнуть только в безмолвии.

Святые отцы говорили, что ум человека похож на постоянно вращающиеся жернова, то, что попадает под жернова, они мелют в своем вращении: если зерна пшеницы - превращают их в муку, если плевелы - в ядовитый сор. Через пять органов наших чувств проходят в ум впечатления - картины, как бы слепки мира. Через них, особенно через зрение и слух, мир, раздираемый ненавистью и враждой, опьяненный своими страстями, оскверненный грязью греха, вторгается в человеческую душу, отравляет ее своим ядом, помрачает ум помыслами, грезами и мечтами. День и ночь жернова нашего ума растирают и перемешивают эту грязь.

Конечно, мир еще не ад. В нем есть и добро, и зло, свет и тьма, остатки красоты и благородства, смешанные с нравственным безобразием и подлостью. Но дело в том, что мы сами греховны и глубоко больны. Грех живет в нас, проявляясь уже с первыми проблесками жизни. В нас вкоренилась тайная любовь к греху и потому впечатления мира - это отравы, которая льется на открытые раны. Страстные картины запечатлеваются в нашей памяти, как письмена на мягком воске, а добро трудно усваивается душой, как будто о нем хотят написать на твердом камне, на котором не остается следа.

Первородный грех глубоко извратил природу нашей души, и она, как губка, впитывает грех и грязь мира. Живущий в миру может противостоять греху на уровне действий - конкретных дел и поступков, но побеждать грех своего сердца, очищать от него свою память, видеть прилог страсти, зарождающейся в сердце, для него почти невозможно.

В безмолвии же и удалении от мира иссякает поток внешних впечатлений. Здесь у человека остается борьба со своей памятью и с демонами, он постепенно входит в свое сердце с Иисусовой молитвой и вычерпывает из него грязные воды. Когда усмиряются, как дикие звери, страсти и рассеиваются жужжащие рои помыслов, то ум получает возможность войти в слова молитвы. Апостол Петр сравнивает имя Божие с утренней звездой, которая восходит в душе человека (см.: 2 Пет. 1, 19). В миру свет этой звезды едва различим сквозь густой туман. В безмолвии она сверкает как алмаз в глубинах сердца.

Человеческая речь требует огромной психической энергии. Происходит обработка огромного количества информации, содержащейся в памяти, затем она облекается в форму мыслей и передается через слова, как систему символов и код человеческой души. Здесь включаются эмоции и воображение.

А если человек злоупотребляет словом, например, целенаправленно лжет, то он строит свой собственный иллюзорный мир, который должен держать в памяти и выдавать за реальность. Каждый может наблюдать на себе самом, как изматывает человека многословие: он чувствует себя опустошенным и утомленным. После "пира" пустых слов он пробуждается, как пьяница после попойки, с отвращением к самому себе. Мышление у

человека, который много говорит, становится поверхностным и, если допустимо это слово, пошлым.

Молчание сохраняет огромные душевные силы. Эта энергия, которую расточали попусту, вливается в слова молитвы, она водворяется в человеческой душе, как вернувшийся издалека странник под кровлей отеческого дома.

В безмолвии страсти меньше тревожат душу, и поэтому благодать ощутительнее действует в сердце человека, и безмолвник начинает понимать таинственные слова апостола Павла о том, что "Дух Святой молится в нас безгласными глаголами" (см.: Гал. 4, 6 и Рим. 8, 26). Ум безмолвника предстоит Богу. В этом самая главная цель безмолвия - непрестанно быть с Божеством, сочетать с Ним свое сердце. По мысли преподобного Исаака Сирина, царь распределяет звания и должности между своими вельможами, но есть задушевные друзья царя, которые не носят званий, не управляют городами, но они всегда с царем, с ними он беседует, им открывает свои думы. Такие "друзья царя", которые всегда с ним и потому отрешены от внешних дел - безмолвники, их ходатайство о мире принимает Царь Небесный, их голос Он слышит всегда.

В миру можно спастись. Дела милосердия, проповедь веры, подвиги любви - это дары, приносимые Богу. Но самое драгоценное, что есть в мире, - человеческое сердце, и его приносит Богу безмолвник. Приносит в дар не только за себя, но и за этот грешный мир. В безмолвии постигает человек, что благ единственно Господь, поэтому все радости мира кажутся ему мертвыми бумажными делами, а страсти, которыми живет мир, горькими как полынь.

Дело монаха - это молчание и безмолвие. Монах в миру это "униат", который хочет совместить в себе две веры, и чаще всего в его душе побеждает мир.

В безмолвии и молчании, в отрыве от внешней информации, душе открываются новые источники знаний. Это врожденные знания, которые были даны ей с самого начала, как образу и подобию Божию, и которые она хранила как бы похороненными под горами внешних впечатлений, как в могиле, хранила в глубинах своей памяти, неведомо для собственного сознания. Теперь в безмолвии эти знания открываются душе, как обретенное сокровище, как найденный клад. В безмолвии обостряется духовная интуиция человека. Как струны в арфе Эола звучат от дуновения ветра, так внутренним слухом душа слышит голос невидимых сил, которые становятся близкими ей, от них она получает просвещение и помощь. Поэтому безмолвие учит человека неземной мудрости. Благодаря своему духовному опыту он начинает видеть души других людей.

В тоже время душа безмолвника подвергается особым демоническим искушениям; здесь человеку необходимо крайнее смирение, к которому не может привиться внушение сатаны, а это смирение приобретается только послушанием своим духовным отцам. Если человек борется со страстями и, что самое главное, находится в послушании, он постепенно приобретает дар различения духов. Безмолвие без смирения и послушания превращается в яд, так как начинает питать гордость человека. Были исключения, как преподобные Павел Фивейский, Мария Египетская, подвижники, которые получили великую мудрость через непосредственное озарение Духом Святым, не пройдя обычного пути обуздания страстей в миру и послушания. Для нас их недоступный и неповторимый подвиг заменяется другим: постепенностью, осторожностью и постоянным отсечением своей воли.

Безмолвие - это непрестанная молитва. Святые отцы сказали: молитва всему учит, даже самой молитве. Безмолвие - это не только пустыня, это уединение от людей и мира, это пребывание с самим собой, а вернее, духа с Богом. За молчание и безмолвие человек должен бороться, вырывать его, как добычу в бою, из пасти мира, который, как чудовище, хочет поглотить без остатка все время человеческой жизни и все силы его души. Большинство людей, даже христиан, не понимают подвига безмолвия. Они говорят, что необходимо помогать миру во имя любви, но видят только внешние телесные и душевные страдания. А ведь самая страшная трагедия мира - продолжающееся отпадение его от Бога, превращение его в поле темных сил, жуткое демонизирование, совершающееся на наших глазах, царство ада на земле, власть сатаны, которая превращает кровь людей в золото, а самих людей - в

нравственные трупы, в загнанных в клетку похотливых обезьян. Трагедия мира как перспектива вечности вне Бога, вечности как демоноуподобления - это самое большое зло остается для людей почти незамеченным, как будто скрытым в тумане. Демонические силы нельзя отогнать одним телесным милосердием. В борьбу с невидимой силой "стратегов зла" - падших духов - может вступить только невидимая сила молитвы, способная низвести благодать на землю. Поэтому диавол так восстает против подвига безмолвия. Он противопоставляет ему заботу о бедных, проповедь веры, занятие богословскими трудами - все, что угодно, лишь бы человек стал неспособен к внутренней благодатной молитве, чего действительно страшится демон.

Молитва за мир - самый трудный подвиг. Преподобный Арсений Великий, избравший подвиг безмолвия и молчания, оказался выше, чем его духовный друг преподобный Моисей Мурин, который ухаживал за больными, принимал странников и окончил жизнь мученичеством. Господь принимает все виды милосердия. Святитель Иоанн Златоуст сказал: "Дай жаждущему чашу воды и прими за это Царство". Но безмолвие и молчание - это подвиг иных измерений, мы бы сказали, космического значения. Перед ним дела душевного и телесного милосердия - это свет светильника в сравнении с сиянием звезды.

Что такое монашество

В духовной жизни есть феномен, понять который без внутреннего опыта трудно, а определить словом - почти невозможно. Чем бытийно глубже явление, тем труднее оно поддается внешней словесной интерпретации.

Монашество охватывает всю духовную жизнь человека, поэтому понять его можно, лишь пережив и прочувствовав его, как невозможно понять, что такое любовь, не испытав ее в своем сердце. Поэтому мы укажем лишь на некоторые характерные свойства и признаки монашества, так как вокруг него образовался целый клубок недоумений, лжи и различных спекуляций. Мир или отвергает монашество, или видит его через призму собственных страстей и представлений, то есть требует от монашества своего - быть частью этого мира или экзотическим цветком, который можно рассматривать как некую интересную достопримечательность ботанического сада, либо ждет от монашества служения человеческому обществу, рассматривая его, как благотворительную организацию. В лучшем случае, в молитвах монаха мир видит еще один гарант своей комфортности.

Если мы обратимся к этимологии слова "монах", то сможем убедиться, что в основе его лежит не понятие "один" или "одинокий", как обычно переводят это слово, а нечто большее - "единое". В этом смысле можно сказать, что монах ощущает себя единым в мире, не в смысле горделивого эгоцентризма или пантеистического солипсизма, а в смысле свободы от мира. Он единый как личность, свободная от оков мира, от плена его понятий и представлений. Монах, осознавая себя единым в мире, ищет Единого Бога - как центр и смысл своего бытия, как единую любовь своего сердца. Желание находиться в постоянном богообщении становится главным содержанием его жизни, к нему устремляются все силы его души и духа, слитые воедино. Ему, этому желанию, этому внутреннему порыву, охватившему всю его жизнь, он подчиняет все остальные желания и стремления. В мистическом значении, единение - это не обращенность, не исследование, даже не контакт. Единение - это жизнь в другом, но без потери своей собственной личности. Это обладание любимым через любовь.

Единение с Единым - это та полнота жизни, в которой гаснет, меркнет и исчезает влечение ко всему прочему, внешнему, а обращенность сердца к чему-либо, кроме Единого, воспринимается как измена и привязанность к чему-либо иному - как блуд. Монах, живущий внешней жизнью, хотя бы эта жизнь, по мирским представлениям была самоотверженной и даже героической, в духовном плане становится блудницей, изменившей своей первой любви. Монашество - это безраздельная любовь человеческой души к Божеству, это непрестанное искание Божественного света, который псалмопевец Давид назвал "лицом Бога" (см.: Пс. 26, 8-9). Святые отцы в своих творениях прикровенно указали нам, что

Божественный свет открывается душе как полнота бытия, покой вечности и как совершенная, не имеющая аналога в видимом мире мистическая красота. Бог открывается душе как новая, неведомая, таинственная жизнь, и тогда душа чувствует, что существование вне этой жизни - смерть. Бог является душе как незримый свет, как внутреннее озарение, и тогда душа чувствует, что вне этого света она наполнена непроницаемой, тяжелой тьмой, о которой она раньше даже не подозревала.

Бог открывается душе как некий непостижимый покой, и тогда душа осознает, что вне этого покоя она постоянно находится в мучительной тревоге, с которой как бы свыклась. Бог открывается душе как бесконечная радость, похожая на прозрачные воды глубокого водоема. И в этой радости мир кажется душе жестким, как раскаленный песок в пустыне, и горьким, как желчь. Бог открывается душе как неизреченная любовь, и в этой любви душа плачет от жалости к миру, который не знает Бога, и о себе - потому, что она не может быть всегда с Богом, а прельщенная демоном и миром, как бы в опьянении, забывает о тех обетованиях, которые получила.

Монашество - это поиск непрерывного богообщения. Любовь нетерпелива, поэтому душа ищет общения с Богом не только в будущей жизни как награду за исполнение заповедей, но и здесь, на земле, как отклик на свою мольбу. Поэтому центром монашеской жизни является молитва. Монах убегает от мира, как бегут из горящего здания. Он видит мир, охваченный пламенем. Это черное пламя грехов и страстей, проникая через образы мира в его сердце, опаляет его покой дымом и черной копотью. Монах видит не только грех, живущий в его душе, но и скрытый в ней ад, поэтому монашеская жизнь - это борьба за пробуждение духа, подавленного душой, это укрощение души, не только с ее низменными страстями, но и с ее иллюзорным богатством, которое мир воспринимает как духовность.

Если дух не будет пробужден молитвой и покаянием и с помощью благодати не восторгается над душой, то человек не вырвется из круга душевных переживаний и представлений и эмоциональный накал души будет принимать за духовное состояние. Поэтому монашеская жизнь должна быть чужда восторгов и вдохновений, которые связаны с картинами, образами и фейерверками мысли, возникающими в душе. Сердечная молитва безвидна и безобразна, духовный мир не открывается человеку ни в визуальных картинах, ни в блеске тонких мыслей - все это внешнее. Он безмолвно являет себя в тишине души, хранимой в молитве. Внутренняя Иисусова молитва - это вращающийся огненный меч Херувима, который хранит врата Эдема - человеческого сердца.

Истинная жизнь - это Божия благодать. Земная жизнь с ее постоянной текучестью и временностью - это странный синтез жизни и смерти, это полужизнь. По отношению к вечности - это эмбриональное состояние души, это не бытие, а бывание или пребывание, отсрочка смерти; поэтому земная жизнь как самоцель может быть принята лишь как навязанная должность, как процесс, в который мы включены, как необъяснимый факт. А если в земной жизни, в невечности, человек будет искать смысл и ценность, то она представится как чудовищная трагикомедия.

Если бы даже жизнь могла дать человеку то, чего она никогда не давала и не даст, - счастье - все равно трагизм земного бытия не исчез бы, а может быть, стал бы и еще более мрачным: разве не ужасно, когда человека во время пира неожиданно хватают и ведут к виселице? Поэтому один из уроков монашеской аскезы - память о смерти. Мирские люди обычно стараются не думать о смерти, они гонят память о ней из своей души, вытесняют из сознания так, как будто ее не существует; они видят вокруг картины смерти, но внутренне лгут себе, что смерть минует их, поэтому смерть всегда оказывается для них неожиданным гостем.

Благодать - это источник всякой жизни и всякого бытия, это сила освящения и будущего преображения, то есть бесконечная цель сотворенного мира, а оскудение благодати - это умирание мира и апокалиптические катастрофы как видимые признаки его агонии. Именно здесь открывается другой аспект монашества - как особого, ни с чем не сравнимого служения миру. Монах через очищение сердца, молитву и аскезу стремится стяжать Божественный свет в своей душе, но этот свет является в то же время и стержнем

мироздания; и потому свет, который стяжал монах в своем сердце, преображает весь мир. Он вдыхает в него жизнь, можно даже сказать, что этот свет реанимирует умирающее человечество, он противостоит разрушительной, центробежной силе греха, и если бы не молитвенники за мир, если бы не носители духовного света, то, может быть, мир уже изжил бы себя.

Почему творят чудеса не только молитвы святых, но даже вещи, принадлежавшие им? Почему обладает цельбоносной силой вода из вырытых их руками источников? Почему христиане стремятся посетить те места, где жили святые, хотя бы от их келий не осталось уже и следа? Потому что Дух Святой не только освящает душу, но и само вещество делает иным. Поэтому благословение и молитвы святых изводят из земли источники, пустыни превращают в цветущие сады. И также напротив - любой грех не только убивает человеческие души, но даже и землю иссушает и как бы опалает проклятием. *Убиена бысть земля их кровью* (Пс. 105, 38), - говорил псалмопевец Давид о человеческих жертвоприношениях язычников. Поэтому борьба благодати с грехом является движущей силой бытия человечества и солью земли. Поэтому монах, стремящийся стяжать Божественный свет в своей душе, является самым большим благодетелем для того самого мира, который он отверг и покинул. Древние отцы называли монашество ангельским образом, потому что преимущественно монашество является носителем на земле незримого Божественного света. Первый свет - Святая Троица, второй - ангелы, третий - монахи, молитвенники за мир. Мистическое учение о Божественном свете, являющееся сердцем Православия, чуждо миру. Мир знает только внешнюю добродетель и внешний подвиг.

Монашеская жизнь - искание Фаворского света. Мир не может вместить в себя этот свет. Религиозный рационализм стремится к стяжанию добрых дел, а не благодати, и этим самым превращает христианство из религии сердца в поведенческую систему с арифметической таблицей заслуг и воздаяний, грехов и наказаний, то есть в плоскую морализацию. Характерно, что учение о Фаворском свете, пронизывающее всю патристику, рационалистический Запад называет ересью паламизма и суеверием исихастов. Черта разделения между восточным и западным христианством прошла не только через образ догматов и церковной структуры, но и через область мистики. Отрицая Фаворский свет как предвечную энергию Божества, католические богословы рассматривают его как временный, сотворенный образ, как манифестацию Божественной силы. Католики и рационалисты в Православии потеряли видение различия между свойствами духа и души, подменили одно другим, запутали их в гордиев узел и тем самым узаконили господство низшего над высшим. Для развития душевных сил и способностей не нужно ни безмолвия, ни поста, ни внутренней молитвы, ни борьбы с помыслами, ни искоренения страстей. Там предлагается другое - обогащение ума внешними знаниями через науку, философию и т. д., утончение сублимаций эмоций через искусство. Там нужно изящество, блеск и вдохновение, поэтому душевному развитию соответствует не пустыня, а театр, не внутренняя молитва и безмолвие духа, а яркие образы и эвристические мысли.

Душевные взлеты вызывают рукоплескание мира, к истинной духовности как включению в вечность он остается глухим и слепым. Это относится не только к тем, кто живет на уровне низменных инстинктов, но также и к изысканным эстетам. Примером может послужить Байрон, который отзывался о монашестве весьма скептически, но в то же время одобрял монахов мхитаристов за их широкую издательскую деятельность и любил отдыхать в их венецианском монастыре. Байрон, сумевший воплотить в своих творениях самые тонкие нюансы человеческих чувств и переживаний, оказался неспособным увидеть другую - надмирную, духовную красоту, как глаз и слух не могут уловить вибрацию волн за пределами диапазона их восприятия. С постепенным падением духовности рационализм в виде схоластики и затем религиозного материализма постепенно вытесняет мистику, он стремится превратить саму религию в утилитарную систему общественных отношений, превратить ее в мирской институт с программой "всё для счастья человека". Разумеется, заменив вечное временным, небесное земным, религиозные рационалисты стремятся

ассимилировать монашество с миром, включив его в свою глобальную, гуманистическую программу.

Когда-то монахи были тайноводителями мирян. Монашество было подобно Марии, которая в безмолвии духа сидела у ног Иисуса, внимая Ему и слагая в сердце Его слова. Мир хочет превратить Марию во вторую Марфу, которая заботится и хлопочет о многом, может быть, и нужном, но не самом главном. Марфа служит Иисусу, и ее служение тоже благословенно, пока она не упрекает сестру.

Ответ Господа Марфе мир не расслышал до сих пор. Апостол Павел сравнивает Церковь с телом, составленным из многих членов, где глаз не может быть рукой, а рука - сердцем (см.: 1 Кор. 12, 12-27). Святитель Василий Великий говорит: "Служение Церкви разнообразно". Каждый должен делать то, к чему он призван.

В этом мистическом Теле Христа монах должен нести служение, свойственное ему - быть сердцем этого тела. Хотя Господь, открывая картину будущего Страшного Суда, говорит о телесной милости, но это потому, что Он берет общие добродетели, доступные для всех, а монашество дает миру то, что не может дать никакой мирской подвиг. Несмотря на все бедствия и лишения, которые испытывает человечество, самый страшный голод - духовный, и потому самая высокая милость не телесная и не душевная, а так же - духовная. К телесной милости способны не только христиане, но и иноверцы, и атеисты: здесь - сострадание к человеку как к живому существу. К душевной милости - христиане, живущие в миру, а к духовной - преимущественно аскеты.

Монашество хранит учение о внутренней молитве, об очищении сердца от страстей в борьбе с демонами, о том, как достигается боговидение. Оно учит, как стяжать Фаворский свет. Молитва и борьба со страстями необходимы и для мирян. Но только аскеты, которые со светильником - Иисусовой молитвой - вошли в свое сердце, смогли увидеть его сокровенные глубины, темные лабиринты человеческой души, через свой мистический опыт воспринять и почувствовать состояние души другого человека и стать путеводителями для других на их духовном пути. Поэтому и духовных отцов выбирали преимущественно из монахов.

Монастырь - это сторожевая башня Церкви. Существовал и существует подвиг старчества, когда монах после многолетних трудов достигнув состояния, близкого к бесстрастию, открывает дверь своей келии для тех, кто нуждается в духовном наставлении и утешении. При этом он должен не оставлять внутренней молитвы и среди людей чувствовать себя как в пустыне. Поэтому старчество - это подвиг, требующий особой благодати Божией.

Обычно бывает по-другому: когда монах покидает келью, расстаётся с безмолвием и идет в мир, то свет молитвы, окружавший его, меркнет и гаснет. Тогда мир видит в таком монахе не свет, а человеческие немощи, и не спасается через него, а, скорее, соблазняется им. Мы знаем святых, которые покидали затворы по любви к людям, но это было не началом, а венцом их подвигов и совершалось по особому откровению Божию. Апостол Петр говорит Христу: *вот, мы оставили все и последовали за Тобою* (Мф. 19, 27). Экзегеты видят в этих словах самую высокую степень отречения от мира, большую, чем готовность жертвовать собой. *Оставить все* - значит, оставить свои помыслы, отвергнуть свои суждения, отказаться от своих чувств и желаний, очистить свой ум не только от греховного, но и от всего преходящего. Отвергнуть все - это больше, чем жить и трудиться ради Христа. Это жить одним Христом. Мы уже говорили, что монашество неразрывно связано с учением о Фаворском свете как вечной Божественной силе, которая животворит и освящает мир. Господь назвал благодать живой водой и сказал, что испившие ее сами становятся источником для жаждущего мира (см.: Ин. 4, 10, 14; 7, 37-39). Поэтому сердца молитвенников обращаются в те уста, которыми земля пьет небесную благодать.

В XIV веке богословы-рационалисты клонящейся к закату Византии, ядром которых была прокатолическая партия Григория Акиндина, пытались представить учение о Фаворском свете ересью, а афонских исихастов - невежественными фанатиками. Главным защитником святоотеческой традиции выступил афонский монах и затворник Григорий Палама, впоследствии архиепископ Фессалоникийский, прославленный святитель. Этот спор

получил такой широкий резонанс, что для его разрешения царь и патриарх были вынуждены созвать несколько соборов.

Рационалисты, отвергая учение о предвечном Божественном свете, отвергали и значение православного аскетизма для мира и Церкви и рассматривали внутреннюю Иисусову молитву как субъективный, психологический феномен. (Характерно, что некоторые из противников святителя Григория эмигрировали впоследствии в Италию и приняли католицизм.)

Рационалисты апеллировали к философии, то есть к непросвещенному благодатью человеческому рассудку, привыкшему вращаться в кругу временного и конечного. Они желали определить явление сверхлогического духовного мира через аристотелевские силлогизмы, комментировать Евангелие диалогами Платона. Другая, православная сторона являлась носителем патристической традиции и монашеского предания. Хотя среди афонских монахов было немало людей, имеющих блестящее философское образование и владеющих всеми приемами диалектики, но они в качестве главного критерия истины принимали опыт святых отцов, восточных мистиков и аскетов. О Фаворском свете может знать только тот, кто стяжал его сам. Представители афонских монастырей писали в своем "Томосе", что существует три вида света. Первый - физический, материальный, чувственный свет, в котором человек видит предметы мира. Этот свет доступен не только человеку, но и остальным живым существам. Здесь человек не имеет преимуществ перед зверем или муравьем, это – свет телесный.

Второй вид света присущ только человеку. Это интеллектуальный свет - свет ума. В этом свете человек может представлять отдаленное, вспоминать прошлое, предполагать будущее; это свет науки, философии и искусства. Он может быть ярким и интенсивным, но он так же принадлежит земле - этой временной жизни. Он представляет собой естественную психическую способность человека. Этот свет не может озарять метафизических глубин бытия. Это душевный свет.

Но есть еще третий вид света – свет духовный, предвечный и несотворенный, который открывается подвижникам через очищение сердца молитвой и созерцанием. Это свет веры, свет духовных прозрений и интуиций, свет Фаворского Преображения; это свет невещественный, но он может видимо сиять в святых, преображая их души и тела и делая их подобными Христу. Монашество - это искание Фаворского света и созерцания мистической красоты Божества. Поэтому монашество - внутренняя, сокровенная жизнь, неведомая миру. Западная Церковь отвергла учение о трех видах света, отвергла сущность самого монашества, оставив лишь его форму. Рационалисты хотят превратить монашество из тайны любви человеческой души к Богу в видимое служение человечеству, хотят переложить "Песнь песней" на язык прозы. Западная Церковь разделила монашество на специальности с определенными заданными программами. Монашеские обеты рассматриваются как целесообразные и удобные формы для совершения добрых дел, каждый монашеский орден (то есть отрасль деятельности) имеет свой общий устав, причем характерно, что уставы эти постоянно корректируются и изменяются - в соответствии с изменяющимися требованиями современности.

Надо отметить, впрочем, что существуют у католиков монастыри с очень строгим уставом, вплоть до пожизненного запрещения выходить из монастырской ограды. Это говорит о том, что монашество как потребность человеческого духа в глубине своей неискоренимо. Однако такие монастыри не характерны для западного мира, они представляют собой исключение. В то же время даже такие ордена, как иезуиты и доминиканцы, явили немало примеров самоотверженного служения своей идее, вплоть до мученичества; но еще более явили они примеров ошибок и соблазнов как диковинный симбиоз гибридов, которые деформируются и ломаются в своем противоречии.

Монашество - это внутреннее и внешнее удаление от мира. В этом смысле монах похож на оранжерейный цветок. Когда холод мира пробирается в щели оранжереи, цветы погибают, а на их месте вырастает более живучая трава. Несоответствие между монашескими обетами и постоянным пребыванием в миру вызывает глубокую внутреннюю неудовлетворенность.

Эта неудовлетворенность может быть подавлена силой воли, загнана внутрь, но не искоренена. Она может периодически проявляться в бурных вспышках страстей или в гордом самомнении.

Мы говорили о рационализме как о характерном явлении в западном монашестве, однако теория добрых дел может породить душевный мир мистики, где рационализм вытесняется культом эмоций. Это мистика яркого выражения поэтических вдохновений, экстатических состояний. Человек становится гурманом своих собственных переживаний. Эта чувственная мистика может достигать такого напряжения, что у ее последователя появляются стигматы-раны на руках и ногах от визуального представления Иисуса, распятого на Кресте, и от горделивого отождествления себя с Ним.

Да, и православная мистика говорит об уподоблении Христу, но через внутренний подвиг очищения сердца, через стяжание Духа Святаго. В католической мистике этого уподобления стремятся достичь посредством внешнего подражания и ярких образных медитаций. Православный аскет никогда не сопоставляет себя со Христом, напротив, чем ближе он к Богу, тем больше открывает ему благодать глубины его сердца. Он видит себя как бы прокаженным - в язвах и гнойниках греха. Чем выше его духовность, тем яснее он видит, как в темных безднах его души гнездятся все человеческие пороки, как змеи, свившиеся клубком в своей норе. Он видит в себе самом падение всего человечества. Православный монах сравнивает себя не со Христом, а скорее с демоном и надеется не на свои добрые дела, а единственно на любовь и милосердие Божие.

Благодать скрывает от православного подвижника меру его совершенства: где горделивое самолюбование, там нет благодати. Восторженное, эмоциональное состояние или иссушает покаяние, или делает его внешним и театральным. Пример - секта самобичевателей, которые собирались толпами, ходили по городам и селам и на площадях секли себя бичами до крови, громко выкрикивая свои грехи. Один из выдающихся представителей католического аскетизма Франциск Ассизский сказал: "Я акробат Божий". Иезуиты организовывали представления, торжественные шествия с зажженными факелами, похожие на маскарады, и на папертях церковей устраивали театральные зрелища на церковные темы.

Православным монахам была чужда подобная показность, их подвиг проходил втайне от мира, они не привлекали народ искусственными методами. Сама благодать Божия притягивала к ним человеческие сердца. Поэтому-то люди и шли в пустыню для встречи с подвижником, днями стояли у монастырских врат, чтобы лишь увидеть его и взять у него благословение. Они интуитивно стремились войти в то поле незримого духовного света, в котором находится подвижник, стяжавший благодать и внутреннюю молитву. В этом свете, как в лучах Божественной любви, согревались и оттаивали их сердца, с души спадала темная, жесткая чешуя греха. Они соприкасались с другой жизнью, чувствовали дыхание вечности.

Такая встреча с аскетом и общение с ним оставались самым большим событием в жизни человека, событием, которое не забывается никогда. Этот свет больше, чем все книги, открывал человеку смысл его жизни, страданий и борьбы. Встреча со святыней - прикосновение к тайне будущего века. Святые отцы говорили: "Истинное добро может творить только благодать". Можно добавить: высшее добро - это сама благодать. В общении со святыми люди получали неизъяснимую силу, внутренне преображались. Если сказать образно, то свет, сияющий в сердце святого, отражался в душах людей, как отражается отблеск солнца в обращенных к нему зеркалах.

Жизнь, посвященная безмолвию и молитве, труднее, чем подвиги милосердия. Творить молитву в глубине сердца - значит вступить в битву с силами ада, которые стремятся потушить огонь молитвы, разбросать и рассеять слова, как песок. В патериках рассказывается много случаев, когда демон уговаривал монахов выйти из уединения, чтобы творить добрые дела в миру. По тому, с какой силой противостоит демон молитве, можно судить, насколько она ненавистна ему. Кажется, что весь ад обрушивается на молитвенника, как волны реки - на преграду, ставшую на их пути. Иногда эта духовная борьба бывает настолько мучительной и требует такого напряжения сил, что человек готов, кажется,

предпочесть молитве любую, самую тяжелую работу. Потому святые отцы и говорили: "Дай кровь и прими Дух". Монашеская жизнь - это восхождение ввысь по ступеням, залитым собственной кровью. Этого не видит и не понимает мир.

Святые отцы указали на три непрестанных делания монахов. Первое - трезвение, очищение ума от помыслов, образов и пристрастий, от всего внешнего, наносного и преходящего. Пять чувств называются дверями души. Для монаха они должны быть закрыты. Ум должен осуществлять контроль над потоками информации, которую непрерывно получает человек из непосредственных впечатлений, книг, бесед и тому подобного. Трезвение - это пост души. Обилие информации, как и обилие пищи, делает душу ленивой, бессильной. Трезвение - слово, противоположное опьянению. Привязанность к земному приводит ум в состояние опьянения. Часто пьянство кончается блудом, а для монаха пристрастие к чему-либо земному уже есть измена Богу и душевный блуд, хотя бы это земное казалось чистым и прекрасным.

Второе делание - бдение. Оно тесно связано с трезвением. Если трезвение - состояние ума, то бдение - это волевое усилие, это внимание к своему сердцу – истоку наших мыслей и чувств. Не только греховные, но и посторонние помыслы ум обнаруживает через бдение и изгоняет молитвой.

Третье делание монаха - непрестанная сердечная молитва. Через слова молитвы дух обращается к Богу. Молитва - самое главное в монашеской жизни. Поэтому святитель Иоанн Златоуст назвал ее царицей всех добродетелей. Православное учение о Фаворском свете открывает тайну молитвы как высшего служения миру. Молитва противостоит огромной силе зла и греха, накопленной человечеством. Нераскаянные грехи незримыми тучами нависают над миром, и придет время, когда они разразятся грозой и бурей - апокалиптическими катастрофами, перед которыми окажется бессильной гордая и преступная часть человечества. Но силам зла противостоят силы добра, царству тьмы - Царство света, и потому молитва одного подвижника может спасти тысячи и тысячи жизней.

Апостол Павел в Послании к Солуньянам говорит об удерживающей силе (см.: 2 Фес. 2, 7). Не в столицах мира, сверкающих огнями небоскребов, а в монашеских кельях решается судьба истории. Пока еще есть носители Фаворского света на земле, мир будет существовать. Господь обещал пощадить Содом ради десяти праведников. Но когда погаснут последние лучи этого света, мир подпишет себе смертный приговор.

Почему монашество приходит в упадок

В чем причина упадка современного монашества?

Еще недавно монастыри разрушали, монахов ссылали и убивали. Теперь монастыри открывают, но монашество стало похоже на больного, умирающего на мягкой перине.

Раньше были монахи - хорошие или плохие, но монахи. Теперь же - сколько появилось людей, которые сами хорошо не понимают, чего они ищут в монашестве, чего хотят. Какой хаос творится в их сердцах и головах под шелковыми рясами и выглаженными клобуками! Святитель Григорий Богослов выразил саму суть монашества в словах: "Пусть все возьмет у меня мир и оставит только одно - Христа". Эта духовная нищета, которая имеет только одно - любовь ко Христу - стала для современного монашества непонятной. Оно боится всесозидающей любви и не хочет оставить мир, и мир продолжает жить в глубине его души под видом служения людям, проповеди христианства, помощи нуждающимся и больным, строительства новых монастырей и корпусов и т. п. Монахи как будто боятся выйти из суеты бесчисленных дел на простор сердечного безмолвия, где дух человека ощущает дыхание вечности и присутствие Божества.

Мы не говорим здесь о сознательных лицемерах, которые служат своим страстям. Речь не о них, а о более важном. Почему катастрофически падает монашеский дух? Почему иноки стали отличаться от мирских людей только безбрачием, молитвенным правилом, а также иной одеждой? Мы встречаем монахов-строителей, проповедников, богословов, врачей, воспитателей и т. д. именно потому, что эти занятия заполняют духовный вакуум, который

образовался в сердце современного монашества. Говорят, что теперь другие времена, но ведь мир и раньше не понимал монашества, и, однако, оно не требовало понимания и признания мира, оно отделяло себя от него не столько монастырской стеной и песками пустыни, сколько главным - устремлением своего духа, самоотречением. "Я распялся миру, и мир распялся мне" (см.: Гал. 6, 14), - сказал об этом самоотречении апостол Павел. Монашество - это подвиг непрестанного обращения ума и сердца к Богу и очищения души от мирских образов и помыслов, под которыми скрываются страсти. Монах - тот, чье освобожденное от теней и призраков мира сердце живет и дышит именем Иисуса Христа.

Один из древних христианских писателей, может быть, не вполне точно, но образно сказал: "Когда дух отвращает око ума от Бога, то душа становится жестокой и холодной". И когда ум монаха обращается к земному и образы мира наполняют его сердце, он становится мертвым для Бога и негодным для людей, свет его духа гаснет.

Монашество - это искусство непрестанной Иисусовой молитвы, которое святые отцы называли художеством из художеств и наукой из наук. Только эта внутренняя сердечная, неведомая миру молитва может сделать инока иным существом. Древние отцы учили Иисусовой молитве своих учеников; они считали ее самым главным делом монаха, а все остальное - только приготовлением к ней.

Мирские дела, как бы ни были сами по себе полезны и достойны, являются областью, чуждой монаху, страной, которую он покинул. Эти дела отворяют дверь души для целой толпы помыслов, воспоминаний, планов, картин, мысленных бесед, за которыми вторгаются в душу гнев, боязнь, тщеславие, похоть и другие страсти. Молитва становится внешней и поверхностной, человек вспоминает о ней между мирскими делами как о чем-то второстепенном. Если даже он будет прилагать усилия, чтобы не потерять молитву в суете этих дел, то молитва из яркого пламени превратится в мерцающий копящийся ночник.

Только умерев для мира, закрыв от него свои чувства, монах может заниматься Иисусовой молитвой как духовным художеством; только занимаясь Иисусовой молитвой, он может хранить свое сердце от помыслов, видеть помыслы при самом их зарождении, разбивать их о камень имени Иисуса и хранить душу в безвидении картин и образов, в безмыслии от помыслов, в тишине от чувств. В безмолвии и молитве пробуждается его дух, и душа становится горячей и мягкой, как расплавленный воск; тогда он видит свои грехи и плачет от скорби, что прогневляет Бога, и от радости, что Бог не покинул его; тогда благодать приходит в душу, сначала как тепло сердца, затем как свет ума, и человек начинает видеть себя и мир преображенным; тогда он постигает тайну монашества как тайну любви и радуется больше, чем если бы его венчали на царство.

В сравнении с благодатью все, к чему стремится и чем гордится мир, кажется прахом и пеплом. Господь не лишает монахов страданий, более того, нередко они переживают испытания и искушения куда более страшные, чем мирские люди; но в самих страданиях они имеют великое утешение и неоскудевающую радость сердца. Монашество дает человеку полноту жизни как полноту любви. Весь мир не может наполнить бездну человеческого сердца, но имя Иисуса Христа, необъятное, как небесная глубина, объемлет и наполняет ее. Поэтому монах сидит безмолвно в своей келие с именем Иисуса Христа, и келия эта кажется ему преддверием рая.

Великий наставник монашествующих – преподобный Исаак Сирийский пишет, что если монах будет заниматься своим делом и пребывать в безмолвии, то Бог Сам попечется о нем. И преподобный Исаия отшельник говорит: "Не выходи из своей кельи, твори молитву, делай поклоны, не спрашивай, кто пропитает тебя - Бог знает об этом и пошлет то, что тебе нужно". И преподобный авва Дорофей учит: "Если Бог захочет успокоить человека, то положит на сердце и сарацину сотворить с ним милость". Пророк и псалмопевец Давид сказал: *Я <...> не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба* (Пс. 36, 25). Здесь *праведник* тот, кто занимается своим делом: молитвой, безмолвием и рукоделием, то есть необходимым трудом; он не будет голодать ни духовно, ни телесно, а *потомки* его, то есть его ученики, постигшие искусство молитвы и сущие одного с ним духа, не будут искать мирских покровителей.

Как говорит преподобный Исаак: "Если ты будешь истинным монахом и будешь служить только Богу, то мир придет к тебе, как раб, и ляжет у твоих ног". И если монах - ради сохранения своих обетов и отречения от мира - подвергнется испытаниям и лишениям, гонениям и клевете, изгнанию и оставлению всеми и вытерпит это до конца, то Господь даст ему сугубую награду: здесь, на земле, среди страданий, - особое духовное утешение, а в вечности - венец мученика за Христа.

Угроза модернизации

Если человек не верит в Бога, то духовный мир для его непосредственного внутреннего опыта закрыт. Когда он говорит о религии, то похож на глухого, рассуждающего о музыке, и на слепого, который спорит о цветах и красках. Конечно, для неверующего такой реалии духовной жизни, как благодать, не существует. Переживание благодати ему недоступно. Сказать "не знаю" ему препятствует гордость, поэтому он судит о духовном мире по своим собственным представлениям. Он - как червь, который воспринимает мир через ощущения.

Каким потенциалом религиозных знаний о вере обладает неверующий? Воспринять и оценить мистический опыт, изложенный в патристике хотя бы и в малом своем личном опыте, он не хочет и не может. Для этого ему потребовалось бы изменить всю жизнь. Поэтому святоотеческие творения, если он даже и возьмется их читать, не найдут правильного отклика в его сердце, не вызовут ответного мистического переживания. Скорее всего, он закроет книгу, прочитав несколько страниц и ничего из прочитанного не поняв, а затем будет фантазировать, приписывая святым отцам свои собственные эмоции и страсти. Даже серьезные исследователи, недостаточно включенные в духовную жизнь, пытались объяснить мистику через психологию, запутывались в лабиринте возникающих противоречий.

Люди религиозные, но не церковные, чаще всего подменяли благодатный духовный опыт богообщения, пантеистическим опытом - демоническим опытом самообожествления, где, разумеется, нет никакой благодати, а только душевные эмоции и экстазы. Но если мы обратимся и к православному миру, то увидим странный парадокс: люди, принимающие православное вероучение, в то же время не ищут в религии самого главного - ее основы, ее жизни - благодати. Суть религии видится им в исполнении ритуала или совершении добрых дел, а внутренняя жизнь, хранение души от греховных впечатлений, очищение ума от помыслов и сердца от страстей, стремление к непрестанной молитве, внутреннее безмолвие - все это для большинства православных как бы забытая страница прошедшей истории Церкви. Они не отвергают внутренней жизни, но сердце их принадлежит внешнему.

Как стяжать благодать — это сокровище Православной Церкви, которого лишены другие вероисповедания? Благодать приобретается через смирение, смирение - через послушание. Самый верный и краткий путь стяжания благодати - быть в послушании у того, кто ее имеет. Человека, прошедшего путь стяжания благодати, очистившего от греха свое сердце, насколько это возможно людям, утончившего свой ум благодатью и способного в свете ее видеть души других людей и руководить ими, называют старцем, то есть приобретшим духовную мудрость, так как старость - символ мудрости. Духовные дары старцев передаются их ученикам через послушание, делающее наставника и учеников как бы одной душой или единым стволом с привитыми к нему молодыми ветвями. Впоследствии ученики сами становятся старцами. Старец, не имея учеников, послушных ему, не может никому передать свои знания и умирает, как одинокий богач. А не пройдя ступени послушания, невозможно самому стать старцем.

Некоторые недоумевают: разве в мире невозможно угодить Богу и очистить от грехов свое сердце? На это святые отцы категорически отвечают: "Спасение в мире возможно - оно достигается исполнением заповедей, но иметь непрестанную молитву, глубокое самопознание и проникать глубины собственной души, как бы до ее дна, возможно только при определенных условиях: в удалении от мира, безмолвии и послушании".

Преподобный Макарий Великий пишет, что хотя душа человека по природе проста, но она имеет разные глубины, как бы множество обителей. Иногда человеку кажется, что он очистил свою душу, но это самообман: под одним этажом находится другой, и человек не знает, какие звери и гады таятся там. Это ложное бесстрашие губило многих подвижников, которые, не познав тайников своей собственной души, а только отразив немногие искушения, преждевременно праздновали победу. Если можно продолжить это сравнение, то люди, занятые лишь внешними добродетелями, заняты тем, что убирают балконы и прихожие своего дома, а внутренние комнаты остаются покрытыми пылью и грязью. Православные подвижники борются с грехом в глубине своего сердца, там, где зарождается грех, где помыслы принимают формы слов и образов. Они открывают двери внутренних тайников, запертые для тех, кто живет в миру, в безудержном потоке сменяющихся впечатлений. Эти внешние впечатления непрестанно тревожат нашу память, возбуждают страсти, и наша душа в миру, как волнующееся озеро, не может своей поверхностью отразить небо. В безмолвии человек видит бездну своих грехов; в миру он обычно замечает только поступки; поэтому у живущих в миру и в пустыне покаяние по своей силе и глубине очень различно.

В миру можно спастись, но очистить сокровенные обители сердца от греховных помыслов и чувственных движений нельзя; бывают лишь редкие исключения, но исключение - это чудо, а не правило.

Если мы верим в силу благодати, если мы считаем великим счастьем хотя бы соприкоснуться с ней, как бы вдохнуть ее благоухание, если мы верим, что благодать, обитающая в сердцах святых, освящает и преображает материальный мир, то подвиг безмолвия и жизнь монахов должны предстать перед нами как высшее служение Богу и высшее благодеяние людям. Недаром святитель Иоанн Златоуст считал, что преподобный Антоний равен апостолам.

Учение о благодати, освящающей мир, и о молитве, как о реальной духовной силе, которая может исцелять больных, будить совесть грешников, низводить благословение Божие на землю, сжигать, как пламя, грехи людей и даже изменять ход истории - это учение святых отцов, это основа всей православной аскетики.

Для мира нужны внешние действия: видимые, осязаемые и эффектные. Его герой - это человек, погруженный в мирские заботы, живущий для людей, но не для их душ, а для их земного благополучия, что-то вроде религиозного Стаханова. Забыв о благодати, этот мир не понимает монашества. Оно кажется ему ненужным и давно отжившим институтом, который, если и нельзя уничтожить, то надо, по крайней мере, приземлить и обмирщить, навязать несвойственные ему мирские дела.

Мы стоим перед реальной опасностью - модернизацией монашества, которое будет делать все, что угодно, но только не заниматься безмолвием, молчанием и молитвой; это будет монашество не как сокровенная, внутренняя жизнь, не как проводник благодати на земле, а монашество как условие, подобное армейской службе, для совершения добрых дел, монашество, которым может манипулировать мир, которое само остается частью мира.

Грузинская Фиваида

Колыбель православного монашества - это горы Синая и Фиваиды, Скита и Ливана.

Горы похожи на иероглифы, которые раскрываются в сердце, как слова "ввысь и ввысь". Горы похожи на звенья таинственной цепи, которой земля прикована к небу. Горы - это книга, которая учит безмолвию. Монахи уходили в горы не только для того, чтобы скрыться в их дебрях от мира подобно тому, как во время бури спасаются у пустынных берегов корабли. Горы словно открывают перед человеком полог, простертый над вечностью, здесь он чувствует, как скоротечна и ничтожна вся муравьиная земная суета; камни, выжженные солнцем, напоминают ему о смерти, сама тишина гор кажется песней о вечности, которая без слов и без звуков отзывается в его сердце. Тишина гор кажется эхом вечности.

В горах другие цвета, другие краски. Небо здесь ярко и прозрачно, в нем - лазурь, слитая с расплавленным золотом. В долине небо похоже на шатер, а в горах оно открывается как бездна, опрокинута над землей. Снежные вершины похожи на нависшие над землей облака, а облака - на тающие ледники, которые спустились с пологих скатов гор и поплыли по небу, как по простору моря. Облака как бы говорят душе монаха: "Очисти свою душу от всего земного, освободись от воспоминаний, от привязанностей и забот, того, что влечет тебя к земле, и тогда душа твоя, сбросив тяжкое иго страстей, будет подобна нам, ее родиной станет небо, и ты увидишь, что в твоей воле ползать, точно червь, по земле или летать на невидимых крыльях над этим видимым миром".

Ночью горы словно пробуждаются от сна и ведут беседу с далекими звездами, рассказывая им историю земли, а звезды повествуют им о духовном небе, распростертом выше них. Контуры звезд на рассвете похожи на зубчатые стены крепости с боевыми башнями, на ущелья, рвы между стенами, преграждающие путь врагу в царство молчания и безмолвия, в царство, где покоятся духовные сокровища, скрытые от мира, в царство девственной красоты, незапятнанной дыханием человека. Утесы и скалы в этот час похожи на замки и башни, наглухо закрытые железными воротами и медными засовами. В горах время как будто замедлило свой бег: здесь никто не спешит, даже солнце величественно, как царь, обходит свои владения. В горах опущен бич времени, который гонит народ, живущий на равнинах.

Горы похожи на священные города, в которых преследуемый врагами невольный убийца или преступник мог найти убежище и чувствовать себя в безопасности. В горы устремлялись монахи от мстителей - демонов. В горах приносили покаяние Богу, с высоты гор видели мир Содомом, объятый пламенем, и умоляли Бога пощадить его ради немногих праведников, еще уцелевших в нем.

Источник в горах похож на сердце, в котором течет непрестанная молитва. Он утоляет жажду изнемогающей души, он укрепляет тело, истощенное постом, он поет таинственную песнь о будущем веке. В сумерках шепот ручья говорит душе о непостижимости Божества, о том, что имя Бога - это тайна. Днем блеск бегущих струй, переливы света в текучем потоке, сверканье брызг, когда поток, падая с крутой скалы, разбивается о камни, говорят о радости и ликовании сердца человека, когда в нем светится небесными лучами и искрится духовными алмазами имя Иисуса Христа. Реки гор - это хрустально-прозрачный сок земли, который жадно пьет путник, прильнув к ним иссохшими устами. При виде горной реки монах вспоминает о благодати Божией, наполняющей землю.

Ночью звезды кажутся золотыми крупичками, отмытыми от руды в горном потоке. Ночью горы наполняются благоуханием, как будто ветер несет с ледников дыхание льда и снега, а скалы, как огромные каменные цветы, раскрывающие раскрывают свои лепестки навстречу лунному свету.

Горы Синая, похожие на огромные столпы храма, поддерживающие хрустальный купол небосвода, представляют собой величественнейшую картину, сравнить которую по воздействию на душу человека можно только с картиной звездного неба. Ветер пустыни, словно резец скульптора, придавал скалам причудливые и неповторимые формы, и эти каменные изваяния кажутся неразгаданными письменами, как будто само необъятное время воплотилось в них.

Вид пустынных гор всегда вызывал у человека размышление о том, что лежит за гранью мира, и благоговение перед Божеством, а безмолвное уединение рождало пламенную молитву.

Кавказ - это второй Синай. Его ослепительно белые, до голубизны, ледники похожи на корабли с поднятыми парусами. Кажется, что Кавказ - это огромный драгоценный камень, который упал с небес и разбился на части, образовав хребты и отроги гор, скалы и утесы, гранитные глыбы и валуны, лежащие в долинах рек. В ущельях Кавказских гор путник чувствует себя, как внутри старинной башни, от которой остались лишь одни стены из огромных выточенных плит. Над этой башней без кровли даже в полуденный зной небо темно-синего цвета, лучи солнца только на короткое время достигают ее дна. Ручей, текущий

в ущелье, кажется протяжной песней о давно минувших веках. Стены и камни ущелий покрыты мхом, они похожи на старинные медные доспехи воина. Днем горы погружены в дремоту или глубокое раздумье, а ночью они словно оживают.

Сама природа Грузии как будто предназначена для монашеской жизни. Пустыни, дебри лесов на горах, куда не ступала нога человека, сохранившиеся в своей нетронутой, первозданной красоте, - все это, кажется, создано именно для тех, кто будет петь день и ночь гимны Богу, словно Господь спрятал от мира красоту гор и пустынь, чтобы дать ее во владение тем, кто ищет неба.

Пустыня - это царство монахов; Господь и создал пустыни ради Своих рабов - отшельников и анахоретов. Монах в пустыне - как царь в своих владениях. Рубище отшельника - драгоценнее царского одеяния. Одежды царей нередко носят следы человеческой крови, а одежда монахов, освященная благодатью, хранящая благоухание их непрестанной молитвы, хранилась как благословение в домах христиан, передавалась как наследство из рода в род.

Сердце царей редко знает минуты мира и покоя. Опасности, враги, измена, как черные призраки, наполняют комнаты дворцов. Сам трон часто кажется маленьким уступом над пропастью. Одно неверное движение - и гибель неизбежна. Пощады упавшему не будет. Заботы, как цепи, давят плечи царя, а корона часто сжимает лоб, как раскаленный обруч. А монах - свободен и счастлив. Пустыня - это дивное и прекрасное царство, но то царство, которое никто не хочет у него отнять. Там он чувствует присутствие небожителей. Молитва, которую обычно заглушает шум и грохот мирских забот, шум и грохот площадей и улиц, подобные реву водопада, - эта молитва в пустыне распускает свои лепестки как дивный цветок. Псалмы и Иисусова молитва превращаются в таинственную песнь, которую поет сердце. Это непрестанное священнодействие монаха. Безмолвие - сокровище и счастье, напоющее его неизреченной радостью. В своем одиночестве он чувствует близость к небу. Но это одиночество не пустота, а непонятная для мира полнота бытия - так в луче скрыты все цвета и краски.

Монах далек от мира, но и близок всем своей молитвой, как путеводная звезда, сияющая высоко над землей.

Давидо-Гареджийскую Лавру называют Грузинской Фиваидой, как будто гористая пустыня Египта - колыбель восточного монашества, осененная духом преподобных Антония и Макария - первых пустынножителей, - как огромный каменный ковчег перенесена была в Грузию. Природа Кахетии похожа на Египет и Палестину. Гареджи - значит пустыня, уединенное место. И это место словно создано для монахов. Чеканные линии гор кажутся каменными стенами огромной Лавры. Здесь весной пустыня покрывается зеленым ковром травы, как поля Палестины после молитвы пророка Илии. Но вскоре наступает жаркое засушливое лето. Земля погружается в сон. Лето в южной пустыне похоже на зиму в тундре: все живое прячется и замирает. Царит безмолвие и сосущая сердце глубокая тишина. Только одинокие орлы парят в небе, словно скользят по поверхности лазурного моря. Изредка бесшумно как тени проходят лани в поисках травы между камней и, услышав какой-нибудь шорох, исчезают. Только змеи выползают из нор и дремлют, греясь на камне, как будто стерегут хранимое здесь сокровище.

Сюда пришел из Тбилиси преподобный Давид, один из сирийских отцов, со своим учеником Лукианом. Здесь он встретил другого подвижника - преподобного Додо, из древнего рода кахетинских князей, который вел свое начало от римских императоров. Жизнь монахов в Гареджи была тяжелой и суровой. Жилищем для отшельников служили пещеры в скалах. Пищей - съедобные травы и ягоды, которыми они запасались на год, и молоко ланей, приходивших к отшельникам, как овцы к своим пастухам. Обычно дикие звери и змеи не трогают монахов, они как будто чувствуют их незлобие, ощущают их благоухание и видят окружающий их свет.

Кажется, монах, погруженный в молитву, понимает язык зверей и птиц, а те внимают его голосу, как голосу своего хозяина. Но ученика преподобного Давида Лукиана вид выжженной солнцем пустыни, похожей на город после пожарища, повергал иногда в

уныние, а встречи с ядовитыми змеями и огромными ящерами, которых называют драконами, - пугали. Но он находил успокоение возле преподобного Давида, как ребенок в объятиях своей матери.

Монах - искатель Божественной красоты, но чтобы увидеть Божественную красоту, надо сердце свое сделать чистым зеркалом, в котором бы отразился духовный свет. Поэтому главная заповедь монаха - *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим* (Мф. 22, 37). И другая: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8). Бога можно увидеть только при восстановлении истинного образа Божиего в человеке через жизнь по евангельскому учению и просвещению через непрестанную молитву. Созерцая красоту Божию, человек сам становится прекрасным по мере своих сил, подвигов и восприимчивости своей души. Бог любит каждого человека так же, как и все человечество. Святой апостол Иоанн Богослов назван любимым учеником Христа, потому что его чистая девственная душа могла воспринять Божественный свет в большей мере, нежели души прочих апостолов, также любящих своего Учителя и любимых Им. В Божественном свете гаснет багрово-черный огонь страстей, фосфорический огонь души с ее сказочными фантазиями и мертвым интеллектуализмом, и сам дух человека становится подобным свету.

Монах - мертвец для мира, поскольку перестает жить мирскими понятиями, чувствами, желаниями, поэтому монашеский постриг похож на обряд погребения. Но из мрака интеллектуальной и чувственно-эмоциональной могилы он воскресает в таинственную область Божественного света, в которой находит истинную жизнь. И прежняя жизнь в миру кажется ему уже скитанием Одиссея в царстве призраков и мертвых теней.

Радость монаха - это пустыня, его келия или пещера. Радость монаха - его одиночество.

Цель монашеской жизни - непрестанная чистая молитва, которая рождается в безмолвии пустыни. Как в тишине далеко и четко слышен каждый звук, каждое слово, произнесенное шепотом, так сердце монаха ощущает глубину и силу каждого молитвенного слова. А в миру оно тонет, как в потоке, в шуме городов, в круговороте внешних впечатлений. Сердце монаха в пустыне похоже на ровную зеркальную поверхность озера, которая отражает небо. В миру эта поверхность колеблется рябью волн, и отражение становится неясным и бесформенным, как бы разделенным на части.

Непрестанная молитва вводит монаха в иной мир, в мир небесной красоты и Божественного света. Она делает его лицо одухотворенным и озаренным этим внутренним светом. Встреча с пустынником похожа на встречу с Ангелом. В присутствии аввы (духовного наставника, отца) преобразуются его ученики. Авва учит не только словом, но и примером своей жизни. Его духовный облик запечатлевается в сердце ученика, как неизгладимая печать. Ученик становится похожим на своего учителя, но не во внешнем подражании ему, а в чем-то более глубоком, существенном, онтологическом. Ученик питается духовным светом своего аввы, как младенец молоком своей матери. Между учеником и учителем образуется невидимая связь, одна душа чувствует другую душу. Авва как бы видит состояние своего ученика, слышит мысленное обращение к нему, особенно ярко это проявляется в минуты физической и духовной опасности, переживаемой послушником. Ученик может мысленно беседовать со своим учителем и получать от него ответ. Но для этого требуется святость аввы и безусловное доверие к нему ученика.

Ученик воспринимает встречу со своим учителем, как обновление и воскрешение своей души. Он чувствует свое сердце воскресшим Лазарем, пребывавшим во тьме могилы, а теперь вновь видящим свет. Ученик видит в учителе своего Ангела-хранителя, а в глазах его - небо. Когда авва говорит со своим учеником, то он как будто на камне резцом вырезывает каждое слово. Как луна заимствует свой свет от солнца, так Лукиан заимствовал духовную мудрость и силу от своего учителя. Даже смерть не разлучила Давида и Лукиана. Их могилы находятся рядом в пещерном храме, как два родника, бьющие из скалы, потоки которых соединяются воедино и орошают Гареджийскую пустыню.

Когда преподобный Давид вступил в Гареджи как в свое новое владение, он встретил подвижника, который прожил там долгие годы - преподобного Додо. Так некогда, на заре

монашества, преподобный Антоний встретил в дебрях Египетской пустыни преподобного Павла Фивейского. С тех пор Додо стал духовным другом преподобного Давида. У пустынников особая любовь друг к другу. Это тень и образ той любви, которую будут иметь святые в Небесном Царстве. Один пустынный для другого - как бы живая икона, явление в человеке Божественного света на земле. Они видят красоту этого Божественного света и потому смотрят друг на друга с великим благоговением.

О чем беседуют пустынники между собой? Редко о богословских вопросах. Они говорят о борьбе со страстями, ибо в свете молитвы пустыннокам особенно глубоко видна бездна человеческого сердца; о демонических видениях, которые встречают монаха в пустыне, как миражи - путников в Сахаре; о том, как различать духов света от духов тьмы; и главное, о сокровище монаха - Иисусовой молитве, которая звучит в сердце пустытника как эхо среди гор. Иисусова молитва похожа на четки из драгоценных камней: так каждое слово ее, повторяемое раз за разом, озаряется новым сиянием, сверкает новыми цветами, открывается в новой глубине и красоте; на чистый ручей, тихо струящийся из самого сердца; на таинственную песнь, которую поет душа. Отшельник как бы ощущает слова Иисусовой молитвы, звучащие в сердце другого, и радуется им, как царской короне, венчающей чело его друга. Но чаще всего отшельники сидят друг от друга поодаль и беседуют между собой молча, как ангелы, о том, что выше слов. Они похожи на две свечи, свет которых сливается в одно сияние.

Каждый понимает другого без слов, как бы видит его душу насквозь, так что отпадает надобность в посреднике между людьми - в человеческой речи. Затем, насытившись, как после роскошной трапезы, отшельники встают со своих мест, кланяются друг другу и каждый идет в свою сторону. Иногда они вместе идут по пустыне: один вслух читает Иисусову молитву, а другой внимает ей.

Когда в пустыне собрались монахи, то Давид, отлучаясь из Гареджи, поручал их преподобному Додо, который не выходил из Гареджи, как будто она была островом среди океана, — он любил молчание и безмолвие.

Преподобный Додо был похоронен в монастыре Иоанна Крестителя - величайшего из пустынников. Этот монастырь, отдаленный от Лавры, отличался особенно строгим уставом. К концу XIX столетия последние монахи покинули его и перешли в Лавру. Они захотели перенести туда мощи преподобного Додо, но святой и по смерти своей желал безвестности и уединения: со временем место его погребения оказалось забытым. Как и при жизни, духом своим он был близок преподобному Давиду, но своего уединения не покидал.

В 20-х годах XX века монахи были изгнаны из Лавры. Храмы - разрушены. Пещеры - перерыты в поисках золота, некоторые - взорваны, но монастырь хранит то сокровище, которое невозможно похитить и уничтожить, - это благодать подвижников, которые жили здесь. Монастырь открыт снова. Зажжена пока одна малая свеча, но эту свечу держит в своих руках преподобный Давид Гареджийский.

Травинки, пробившиеся сквозь асфальт

Одна из картин моего детства, запечатлевшаяся в памяти, - это густая трава и кусты, которые росли у забора нашего дома, выходившего в тихий, безлюдный переулок. Теперь он похож на русло высохшей реки; земля покрыта слоем асфальта, как будто замурована в огромном склепе. Ни дожди, ни лучи солнца не проникают через этот мертвый панцирь. Здесь ни на чем не задерживается взгляд, он безразлично скользит по поверхности кирпича и асфальта. Но как-то случайно я вдруг увидел траву, пробившуюся сквозь щели в асфальте; это были несколько чахлах пожелтевших стеблей, но они самым видом своим, казалось, говорили, что жизнь здесь все-таки не полностью убита. Эти травинки, не задавленные тяжестью асфальта, не погребенные под ним, как под могильным камнем, показались мне героями, которые бросили вызов монстру, именуемому "прогресс". Когда я встречаю людей, сохранивших в этом мире, лживом и развратном, чистоту души и веру, я вспоминаю эти росточки, пробившие плотный панцирь асфальта.

Весь уклад современной жизни напоминает план всемирного масштаба: как усыпить и уничтожить дух человека - внутреннее око, устремленное к вечности, как приковать человека к земле, точно каторжника к галере.

Как проходит жизнь человека? Его ум занят непрерывным решением насущных проблем, его даже нельзя сравнить с рабочим муравьем, это скорее пешка, попавшая в цейтнот. Человеку не на что опереться. Почва, на которой он стоит, кажется постоянно уходящей из-под его ног. Если можно выразить душевное состояние человека одним словом, то этим словом будет "тревога" - непрерывное беспокойство, которое подтачивает и разъедает силу души, как кислота металл.

Выживание - это приспособление, а приспособление - это уподобление, поэтому перед христианином всегда стоит выбор: или приспособиться к лжи и жестокости этого мира, то есть играть в человека, а не быть им, или вступить в борьбу с миром, встать против этого чугунного катка, который рушит все на своем пути.

Уже древние мыслители сказали, что истинная философия - это наука о смерти.

Христианство - это жизнь, которая приобретает тем, что мир называет смертью, - самоотречением. Христианство - это религия сердца. Христос сказал, что чистые сердцем увидят Бога. Мир, как обольститель и насильник, стремится растлить душу каждого человека, употребляя то подкуп в виде наслаждений, то принуждая ее психическим террором.

В Апокалипсисе есть образ: женщина в муках рождает младенца и кричит от боли (см.: Откр. 12, 1-2). По толкованию святых отцов, это Церковь, которая в муках рождает человеческую душу в жизнь вечную. Но позволительно сделать еще одно сравнение: это душа христианина, которая хранит дух, как своего беззащитного младенца; она должна совершить подвиг, граничащий с мученичеством, чтобы сохранить дух от грехов и соблазнов, которые могут умертвить его.

Многие из нас опытно испытали это угашение духа. Человек пребывает в молитве, в сердце у него понемногу водворяется покой, он испытывает духовную радость, но вот он замедлил умом на одной нечистой мысли - и все пропало. Как будто свет погас в его душе; мрак, пустота и холод заполнили ее.

Дух человека нежен как цветок. От грубого прикосновения страсти он уходит в себя, подобно тому, как цветок сжимает свои лепестки, и только после покаяния дух оживает вновь. А этот мир стал похож на поток грязи, который, кажется, вот-вот и совершенно захлестнет собой, утопит все человечество. Эта грязь старается проникнуть в каждый дом. Куда ни бросит свой взгляд человек - посмотрит ли на уличную рекламу, включит ли телевизор, развернет ли газету - везде его встречает одна и та же зловонная грязь, как будто демон говорит человеку: я здесь, от меня не уйдешь никуда. Душа человека обычно адаптируется к атмосфере, которой он дышит, он перестает чувствовать отвращение к этой грязи и принимает ее как нечто привычное и естественное. Здесь происходит умерщвление духа. Человек стоит в храме, но дух его парализован. Он не ощущает духовной радости, ее сменили другие душевные эмоции, другие переживания, религия стала для него чем-то внешним. Когда человек не хранит душевной чистоты, когда не приносит истинного и глубокого покаяния, тогда он стоит в храме как бы с закрытыми глазами, не видя истинного, духовного храма и того, что в нем происходит.

Религия, прежде всего, - дело воли, особенно в настоящее время. Поэтому христианин не должен делать того, что хочет его противник, а противник, демон, хочет лишить его внутренней жизни, лишить богообщения (ведь где Бог встречается с человеком? - в сердце), хочет отвлечь ум от непрерывной внутренней молитвы. В страстном состоянии можно жить внешней жизнью христианина, делать добрые дела, в том числе и дела милосердия, оказывать помощь нуждающимся, говорить проповеди, даже строить храмы, но без жестокой борьбы со страстями, без готовности умереть, но не быть оскверненным этим насильником - миром - невозможно главное - мистика христианства как стяжание благодати и внутреннее видение Бога.

Трудно спастись в наше время, трудно услышать тихий голос духа в шуме этого мира, но все-таки христианская жизнь возможна. Если мы сохраним свое сердце от врагов, штурмующих его через внешние чувства: зрение и слух, то увидим таинство храма, в котором присутствует духовный мир, и небесную красоту Православия, свидетельство этому - те слабые стебельки травы, которые пробились сквозь асфальт.

Из воспоминаний

Отец Георгий

В селе Илори, недалеко от церкви святого великомученика Георгия Победоносца, жил старый монах по имени Георгий (Булискерия), который в этой церкви прислуживал и пел. Происходил он из бывшего Мурзаканского округа, села Окуми, и был любимым сыном своей матери. Уже в детских годах в нем проявился талант художника. В то время фотография в Мурзаканской области была новшеством и воспринималась людьми как техническое чудо. Каждый снимок стоил больших трудов и ценился дорого. Человек должен был сидеть перед аппаратом в течение нескольких минут, застыв, как статуя. Любое движение в это время размывало линии и делало фотографию негодной. Фотографу предъявлялись такие требования, что он должен был обладать большим художественным даром, чтобы сделать каждую фотографию картиной. Это дело было тогда не ремеслом, а искусством. Поэтому мать монаха Георгия, в миру Андрея, видя способности своего сына, решила сделать его фотографом, и он уже в юности вполне овладел этой профессией и стал пользоваться известностью не только среди своих односельчан, но и среди жителей окрестных деревень. Надо сказать, что он до глубокой старости сохранил красоту лица и какое-то изящество манер, чуждое всякой искусственности, но невольно заставлявшее людей относиться к нему с почтительным уважением. В его походке, умении держать себя с людьми, разными по профессии и образованию, посещавшими Илорский храм, несмотря на его непосредственность и простоту, было что-то величественное, как у царя, который переоделся в одежду странника. Можно было предположить, что в молодости этот человек отличался исключительной красотой. Мать желала женить его, но, не находя достойной невесты, медлила.

А между тем Промысл Божий открыл ему другой путь. Однажды по своим делам он был в Сенаки и остановился у родственников. За вечерней трапезой зашел разговор об известном подвижнике - отце Алексии (Шушания) (ныне причисленном к лику святых), основавшем в Сенаки монастырь. Рассказывали, что отец Алексий перед тем, как принять монашество, решил исполнить те добродетели, о которых говорил Христос в Своей беседе о Страшном Суде (см.: Мф. 25, 31-46), чтобы подготовить себя к иноческой жизни и к высшему виду милости - терпению и молитве за мир.

Чтобы научиться терпению, он взялся ухаживать за больным, кормил его из своих рук, мыл ему ноги, а затем пил эту воду. Этот добровольный подвиг продолжался три года. Затем он стал посещать тюрьму, просил милостыню и покупал по праздникам пищу и подарки для заключенных. Затем он совершил паломничество пешком в Иерусалим и вернулся обратно с решимостью принять монашество. Он не хотел, чтобы монастырь, в котором он будет жить, был построен или, по крайней мере, начал строиться на пожертвования богатых людей, и потому решил сам как-нибудь заработать нужную сумму, чтобы положить основание первым кельям.

Сенаки был железнодорожным узлом. Водопроводная система работала очень плохо, и во время долгих стоянок поездов у единственного крана образовывалась огромная очередь. И вот подвижник решил набирать из ближайшего источника воду и разносить ее по вагонам за мелкие монеты. С утра до ночи он разносил с чайником и кружкой в руках воду по вагонам, и совершенно неожиданно эта самая обыкновенная вода начала казаться людям такой же вкусной, как минеральная, и ее стали требовать нарасхват.

Приобретя некоторую сумму денег и еще более усовершенствовавшись в смирении от такого добровольно взятого на себя труда, он приступил к постройке монастыря. Он ни у кого не просил помощи, но вот удивительная вещь - люди сами приходили к нему и предлагали деньги и свои труды для постройки монастыря. Монастырь был освящен во имя святых Архангелов.

Уже в молодые годы отец Алексей стал духовным старцем - наставником для монахов и мирян. Многие жители Сенаки рассказывали о чудесах, происходивших по его молитвам.

От этих рассказов у Андрея Булискерия загорелось сердце, и он решил во что бы то ни стало посетить монастырь и увидеть его игумена. Утром он пошел на службу и сразу же в душе своей решил стать монахом. Отец Алексей, увидев незнакомого юношу, сказал, чтобы он остался на трапезе вместе с братией. Игумен всегда приглашал на трапезу странников и приезжих.

Еще в храме Андрей увидел странника из России, увешанного тяжелыми крестами. Он стоял, подняв руки, неподвижно всю службу. Когда пришли на трапезу, игумен Алексей ласково сказал ему: "Христос распялся на одном Кресте, почему ты носишь столько крестов? Избери себе вместо них один крест смирения". Тогда этот человек молча поклонился игумену и, сняв с себя все кресты, положил их перед ним, так же не сказав ни слова. Игумен взял один из крестов и сам надел его на странника, который, как потом оказалось, принял на себя подвиг юродства.

Андрей попросил игумена принять его для беседы и стал спрашивать, как ему жить и как спастись. Отец Алексей рассказал ему об Иисусовой молитве и заповедал всегда стараться иметь ее в сердце, в памяти и на устах, сказав, что сама молитва будет его путеводительницей.

Вернувшись домой, Андрей стал надолго уединяться в своей комнате, чтобы творить Иисусову молитву. Он стал избегать прежнего общества, уклонялся от встреч с друзьями. Видя это, мать встревожилась; думая, что сын заболел, она стала ходить к гадалкам и прорицателям. Сына как будто подменили. Он занимался прежним делом, но на все ее расспросы упорно молчал. На обычные разговоры о женитьбе ответил, что сам найдет себе невесту, подразумевая монашескую жизнь. Наконец он признался своей матери, что хочет уйти из мира и принять монашество.

Услышав такие слова, эта женщина стала кричать, рвать на себе волосы и причитать над ним, как над мертвым. Затем она стала уговаривать его остаться в миру. Она кричала, что не хочет умереть прежде, чем возьмет на свои руки внуков - его детей, а сын таким решением убивает ее. Затем она впала в ярость, похожую на беснование, и кричала, что сама своими руками задушит его. Сын не отвечал ни слова. Тогда она стала проклинать его и день его рождения самыми страшными словами. Андрей в ответ лишь низко поклонился ей и в ту же ночь ушел из дома и пришел к отцу Алексею. А тот - как будто ожидал его и знал, что произошло.

Сразу же отец Алексей написал письмо к настоятелю небольшого монастыря, который находился в лесу. Названия его мы не помним. Там Андрей провел многие годы и там получил монашеский постриг с именем Георгий. Он часто посещал Алексея (Шушания) как своего духовного отца и руководствовался его советами. Вспоминая о нем, монах Георгий всегда добавлял, что это был святой человек.

Незадолго до революции монах Георгий по благословию своего духовника построил в горах келью и стал жить там отшельником. Он развел сад, сажал картошку, за хлебом ходил в монастырь и близлежащие села. Началась революция, но казалось, что вся эта жизнь проходит мимо него: он забыл о мире, а мир забыл о нем.

Прошли годы. Однажды, спустившись с горы в свой монастырь, он увидел там только остатки обгоревших стен на месте келий и опустошенную церковь без дверей и с разбитыми окнами. Жители селения рассказали ему, что ночью в монастырь пришли какие-то люди, наверное, для того чтобы арестовать монахов. Те, поняв в чем дело, хотели скрыться в лесу, но их догнали и убили. Игумена зарубили топором, спаслось только два или три человека.

Услышав об этом отец Георгий еще больше уединился в своей келье. Лишь иногда ночью он спускался в село за провизией; порой же люди и сами тайно приносили ему пищу.

После Второй мировой войны положение несколько изменилось, стали открываться церкви, в том числе Илорский храм святого Георгия. Жители Илори сумели сохранить чудотворные иконы Великомученика, выкованные на серебре и серебряную икону Архангелов.

Возродил храм святого Георгия в Илори архимандрит Иоаким (Шенгелая). Псаломщик Калистрат Папия рассказывал об отце Иоакиме, что он всегда держал в руках молитвенник и каждую свободную минуту, будь то во дворе кельи или в церкви, читал его.

[Надо сказать, что архимандрит Иоаким умер смертью мученика. Один из прихожан Илорской церкви, умирая, умолял своих родных привести священника для Причастия. Те приехали в Илори, когда архимандрит Иоаким был болен воспалением легких. Вторым священник отсутствовал. Узнав в чем дело, архимандрит Иоаким встал с постели, взял в алтаре Святыне Дары и сказал, что по своему долгу пойдет причащать больного. Окружавшие отца Иоакима люди просили его остаться дома и ждать прихода своего собрата - священнослужителя. Но архимандрит Иоаким сказал, что не смерть ждет человека, а человек ждет смерти, и если больной умрет без исповеди и Причастия, то его кровь будет лежать на нем, и отправился в путь.

Случилось непредвиденное несчастье: от проливных дождей река поднялась и смыла мост, через который надо было перейти, чтобы попасть на другую сторону. Тогда архимандрит Иоаким решил перейти реку вброд и вошел в ледяную воду. В насквозь промокшей одежде он продолжал путь. Причастив больного, отец Иоаким вернулся в Илорский храм, положил дароносицу на престол и больше уже с постели не вставал. Через несколько дней он перешел в другой мир, исполнив заповедь Божию: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13)].

Отец Георгий начал посещать Илорский храм, а так как ему по старческой немощи уже нелегко было ходить пешком, то архимандрит Иоаким предложил ему остаться жить при храме. Но Илорский храм посещало множество богомольцев из Западной Грузии, и отцу Георгию после многих лет безмолвия было трудно переносить многолюдие и шум. Тогда одна вдова по имени Опиа предложила ему поселиться недалеко от церкви в своем доме, предоставив одну из комнат в его распоряжение. Но и переменяв место жительства, отец Георгий постарался сохранить свой прежний "устав" и знал только свою новую келью и храм.

Он особенно любил Иисусову молитву и в противоположность архимандриту Иоакиму, который вычитывал все каноны, старался заменять их ею. Казалось, что он жил и дышал этой молитвой. Как и все делатели молитвы, он любил уединение. Даже свою келью он разделил занавесью на две части, так что у него, как у фиваидских монахов, получились внутренняя и внешняя келья. Он мог часами сидеть в полутемном углу ее, повторяя слова молитвы. Но от людей свой аскетизм он старался скрывать. Со всеми он был приветлив, не избегал тех, кто искал с ним встречи, не прерывал беседы, но мог очень тактично, не обидев человека, кратко ответить ему и распрощаться как с родным. На примере отца Георгия мы заметили, что если монах занимается сердечной Иисусовой молитвой, то это как бы передается окружающим и не располагает их к многословию, что настоящая деликатность - это нравственное благородство, основанное на любви, и она не может быть заменена никаким выученным этикетом.

Отец Георгий, следуя учению святых отцов, соединял Иисусову молитву с дыханием, но в отличие от многих других монахов он разделял Иисусову молитву на четыре части, неравные между собой. "Господи, Иисусе Христе", - произносил он во время вдоха, "Сыне Божий" - при выдохе, "помилуй" - вдох, "мя, грешного" - выдох. Он говорил, что так ему легче произносить Иисусову молитву, чем разделяя ее, как обычно, на две части.

Старец отличался нестяжательностью. Он удивился, когда увидел в нашей келье два Евангелия, и сказал: "Если ты имеешь две одежды, то одну отдай нищему; если имеешь пищу, поделись ею с голодным, а тем более - книгой, от которой зависит спасение души". Он

сказал, что монах не должен иметь много книг - это тоже стяжательство, которое мешает молитве, тем более одинаковых книг. Сам старец имел только Евангелие, Псалтирь и молитвослов. Он часто любил повторять, что вся философия мира заключается в Иисусовой молитве. Нас поражала строгость, с какой старец держал посты. Во время Святой Четыредесятницы, кроме субботы и воскресенья, он ограничивался двумя картофелинами в день, даже не притрагиваясь к хлебу; наверное, он привык так держать пост в отшельническом уединении, где питался преимущественно картофелем со своего огорода. Иногда старец вместе с другим монахом, отцом Амвросием (Гвазава), пели на церковном богослужении старинные монастырские грузинские песнопения на память. Таких напевов я не слышал больше нигде.

После смерти отца Иоакима отец Георгий считал своим духовником архимандрита Константина (Кварая), к которому ездил на исповедь. Однажды он приехал из Сенаки в каком-то особенно радостном настроении. Казалось, он весь светился этой глубокой и тихой радостью. Старец поделился со мной, что получил схимнический постриг с именем Гавриил, чтобы я поминал его под новым именем на проскомидии. Сам он схимнического одеяния не одевал никогда, скрывая свою схиму ото всех. Мне запомнилось прикосновение его руки, когда он подходил ко мне под благословение. Иногда я сам при этом целовал его руку. Его худые старческие пальцы казались мне нетленными мощами, они оставляли ощущение какой-то особой чистоты.

Отец Георгий дожил до глубокой старости. Когда его спрашивали о возрасте, он затруднялся ответить, сколько ему лет. Наверное, земное время стирается из памяти тех, кто большую часть жизни провел в пустыне. Скорее всего, ему было под девяносто лет, но почти до самой смерти он сохранял удивительную легкость движений, наверное, благодаря постоянному посту, но в тоже время он не допускал спешки и торопливости. Он был очень прост и непринужден, однако не походил на ребенка, как мцхетский схимонах Авраам [1], напротив, в нем виден был умудренный годами и духовным опытом старец, который смотрит на жизнь (в том числе и на свою земную жизнь) уже из другого мира, светлым и спокойным взором. Мне никогда не случалось видеть его рассерженным или просто недовольным, беспокойным. Наверное, если бы даже небо столкнулось с землей, он только и сказал бы: "Слава Богу за все".

Незадолго перед тем, как я уехал из Илори, он благословил меня частицей Мамврийского дуба, и в это время мне казалось, что передо мной стоит праотец Авраам, который принял у Мамврийского дуба Святую Троицу. Через некоторое время я услышал, что отец Георгий после непродолжительной болезни скончался и был погребен в ограде Илорской церкви, недалеко от входа в храм.

Я увидел его могилу, когда последний раз был в Илори. На ней лежала дорогая плита из черного мрамора, на которой был графически изображен портрет отца Георгия в монашеском одеянии. Мне сказали, что родные, узнав о его смерти, решили воздвигнуть своему сроднику памятник на одинокой монашеской могиле. И, хотя такое надгробие не очень подходит для монаха, я все-таки благодарен им, что еще раз смог взглянуть на дорогие для меня черты лица незабвенного старца. Затем я увидел его единственный раз во сне вместе с незнакомыми мне монахами. Он обходил храм, как во время крестного хода.

Схимонашество твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем!

Мне хотелось бы упомянуть здесь еще об одном человеке - простой русской девушке Марии Добрыниной, которая самоотверженно служила отцу Иоакиму, а затем, по его благословию, - отцу Георгию, в схиме Гавриилу. Это была одна из немногих женщин, заслуживших особое уважение жителей Илори. Сначала она работала на чайных плантациях в Очигварском районе, затем уборщицей в пекарне. Ее семья переехала в Грузию из Липецка еще до Отечественной войны. Мать Марии была женщиной верующей, очень кроткой и тихой, она умерла, приняв постриг с именем Варвары. Отец же, напротив, был человеком характера крутого и противоречивого.

По рассказам Марии, он в 30-х годах принимал и даже прятал в своем доме священников, что грозило ссылкой для всей семьи, а затем неожиданно стал богохульничать. Когда открылся Илорский храм, то одна из подруг Марии сказала ей: "Пойдем в церковь, посмотрим, что там". Та помнила огромный липецкий храм, куда ходила в детстве, и с радостью согласилась. Она хорошо умела шить, и архимандрит Иоаким поручал ей шить накидки на аналой, а также чинить старые облачения и другую простенькую работу.

Можно сказать, что сам святой Георгий призвал эту девушку в свой храм. Вскоре она уже не могла прожить без храма ни одного дня и каждый день после работы пешком шла с плантации в церковь. Спала Мария зимой в сторожке, а летом - прямо на паперти. Она была воспитана родителями в строгом целомудрии, но одевалась, как все женщины ее возраста, и, наверное, когда собиралась в церковь, надевала лучший наряд. Однажды архимандрит Иоаким спросил: "Мария, зачем тебе нужно шелковое платье?". Услышав это, она, придя домой, в тот же день отдала свое платье подруге. В конце концов у нее осталась только самая простенькая одежда, и она стала ходить в одном и том же в жару и в холод, подобно юродивой. Все деньги, которые зарабатывала Мария, она отдавала на храм и нищим.

После кончины отца Иоакима, Мария каждый день подолгу молилась на коленях у его могилы. Затем она до самой смерти отца Георгия, возвращаясь с работы, ежедневно приносила ему хлеб, который давали ей в пекарне. Этих нескольких хлебов хватало на всю семью в доме, где жил отец Георгий. Я не знаю точного расстояния между Очигвара и Илори, но, наверное, не меньше 10 километров, и такой путь проходила Мария ежедневно, кроме тех дней, когда должна была дежурить в пекарне. На воскресные и праздничные службы она приходила вместе со своей матерью, а отец, разгневавшись, ушел от них и жил один в каком-то брошенном домике. У него были странные душевные перепады: он то молился, то плакал, что Церковь отняла у него жену и дочь.

Мария ухаживала за монахом Георгием, как дочь за своим отцом, и старец даже ласково называл ее кормилицей. Ведь несмотря на то, что Илорскую церковь постоянно посещали паломники, пищу для монахов достать было нелегко: в храм по обету приносили в жертву животных, в день резали по нескольку овец и козлят, так что служащие храма питались мясом, кроме того, оставшихся животных распределяли по очереди между жителями села. Даже была поговорка: "Если ты сварил мамалыгу, то иди в Илори за мясом". Так что слова отца Георгия о том, что Мария – его кормилица, были недалеко от истины.

От отца Иоакима и отца Георгия Мария научилась Иисусовой молитве, и когда я спрашивал, идет ли молитва сама собой в ее сердце, то она говорила, что когда идет, то всю ночь спать не может, лежит с открытыми глазами. Как я сказал, она любила спать на паперти у входа в церковь, положив под себя рваное одеяло, которое хранила в углу сторожки. Ночью она часто вставала на молитву перед иконой святого Георгия, которая висела над дверью храма. Казалось, что кроме храма святого Георгия у нее нет другой жизни, весь мир заключился для нее в этом месте. Она была довольно шумлива, говорила громко, так что издали можно было подумать, что она кричит или ругается с кем-то. Но под этой неотесанностью скрывались преданность и доброта, которую чувствовали служащие церкви и жители Илори, и говорили: "У нее одно сердце и один язык" [2].

Незадолго до смерти она приняла монашеский постриг с именем Марии (в честь равноапостольной Марии Магдалины), немного поболела и, причастившись, умерла. Мне доставляет скорбь только одно: что она похоронена на кладбище Очигвара, а не в Илори, хотя бы у стенки ограды, там, где было ее сердце. Но я надеюсь, что в загробной жизни она будет рядом с ее духовными отцами: архимандритом Иоакимом и схимонахом Гавриилом.

Однажды я видел сон: в огромном храме идет богослужение, стоят рядами священнослужители, среди них – архимандрит Иоаким (Шенгелая). И вот из народа быстро выходит, почти выбегает, Мария и бросается в ноги отцу Иоакиму. Тот радостно улыбается, затем поднимает ее. Может быть это сновидение означает, что она – в Небесной Церкви по молитвам великомученика Георгия и ее духовных отцов?

Что больше всего меня удивляло и поражало в этой простой девушке, так это то, что она любила всех людей, не разбирая ни знакомых, ни родных, ни добрых, ни злых, не

разделяя их друг от друга, - так, как будто все люди - одно человек. Я как-то спросил Марию: "Тебе часто приходится идти на работу или возвращаться одной ночью через лес. Ты не боишься встретиться с разбойником, который может искалечить или убить тебя?". Она ответила: "Если я встречу в лесу такого человека, то обрадуюсь ему как своему родному брату, и даже не подумаю, что он может убить меня". Не знаю, это ли неведение зла было ее защитой или же сам Победоносец Георгий невидимо хранил ее...

Однажды я с несколькими богомольцами решил посетить старинный храм великомученика Пантелеимона в Драндском районе и упросил монаха Георгия идти с нами. С ним пошла и Мария. Мы знали путь только приблизительно, и когда проходили мимо одного маленького села, решили спросить у жителей дорогу, но село как будто вымерло - ни одной души! Наконец, мы услышали голоса во дворе одного дома. Мария побежала к забору и стала звать хозяев. Вдруг из ворот выскочила с громким лаем огромная овчарка и бросилась на нее. Мария спокойно пошла навстречу разъяренной собаке и протянула руку, словно хотела погладить ее. И тут случилось что-то непредвиденное, что показалось мне чудом: овчарка стала прыгать возле нее, вилять хвостом и ласкаться, как к своей хозяйке. Собака вставала на задние лапы и как будто танцевала от радости, а Мария, как ни в чем не бывало, гладила ее по голове. Мы все застыли - сначала от ужаса, что овчарка растерзает девушку, а потом от удивления. Мне казалось, что я воочию увидел то, о чем читал в книгах: как преподобные, очистив свое сердце, получали власть над дикими зверями.

Прошло несколько десятилетий с тех пор, как я уехал из Илори. Мне часто вспоминается Илорский храм - дом святого Георгия - с его чудотворными иконами, церковный двор, обнесенный каменной стеной. Это место мне кажется островом среди бушующего моря, о берега которого непрестанно бьется прибой времени - столетия за столетиями. Как будто въяве вижу я Марию, которая стоит неподвижно над могилой отца Иоакима, погруженная в молитву, и мне невольно вспоминается Мария Магдалина, стоявшая у Гроба Господня, - ее Ангел-хранитель.

Примечание:

[1] Об о. Аврааме см. ниже, сс. 307-313. - *Ред.*

[2] У грузин есть выражение "двухсердечный", то есть лукавый, лицемерный человек. По аналогии с этим слова жителей Илори о Марии надо понимать как свидетельство о ее простоте и чистосердечии. - *Ред.*

Схиархимандрит Серафим

Несколько лет я служил настоятелем Свято-Георгиевской церкви в селе Илори. Это был незабвенный период моей жизни. Здесь я осознал, или, вернее, ощутил внутренним чувством святого Георгия Победоносца, как своего небесного покровителя. И все последующие события моей жизни связаны с именем Георгия Победоносца.

В храме святого Георгия хранились две иконы, кованые из серебра, которые пожертвовал в церковь мингрельский князь Леван II [1]. Они почитались чудотворными. На поклонение святому Георгию приходили богомольцы со всех концов Западной Грузии, особенно из Мингрелии. Клятва перед иконой святого Георгия считалась священной и ненарушимой. В народе ходили предания о том, что за измену клятве, данной перед Георгием Илорским, клятвопреступника ожидало суровое наказание. Возмездие, как тень, преследовало его. Были случаи, когда подвергались бедствиям и даже полному исчезновению фамилии, в которых один из предков ложно клялся или нарушал слово, данное в Илорском храме. Слава чудес от икон святого Георгия, можно сказать, облетела всю Западную Грузию. Не было деревни, где не знали бы о силе святого Георгия, невидимо пребывающего в Илорском храме. В этом храме многие получали исцеления, особенно от душевных болезней и того состояния, которое называется одержимостью демонами.

Во времена гонений, когда храм святого Георгия был закрыт, паломники не переставали ходить к его стенам, а местные жители с риском для себя сохранили иконы Великомученика. И когда храм вновь был открыт, то принесли их в церковь.

В Илори у меня произошла встреча с одним известным подвижником, делателем Иисусовой молитвы, духовником Глинской пустыни схиархимандритом Серафимом (Романцовым) [см. Примечания 1].

Однажды я поехал в Сенаки, чтобы посетить архимандрита Константина (Кварая) и остаться в его обители на несколько дней. Доехав до Сенаки, я взял такси, чтобы подняться в горы, где в нескольких километрах был монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, в котором служил отец Константин. Но неожиданно таксист заупрямился и сказал, что не может ехать по проселочной дороге. Я стал дожидаться другого такси. Проходило время, не было никакой попутной машины. Идти пешком я не решился, так как плохо знал дорогу. Наступил вечер, и мне ничего не оставалось делать, кроме как возвратиться назад в Илори.

Выйдя на трассу, я сел в автобус и вернулся в Илори уже глубокой ночью. Подхожу к церковной ограде и с удивлением обнаруживаю, что в моей квартире (состоявшей из двух келий) горит свет. Захожу и вижу: старый монах спокойно сидит за столом, как у себя дома, и разговаривает с нашим пономарем отцом Георгием (Булискерия), а другой, молодой монах разжег печь и варит картошку - в общем, в моей комнате тепло и уютно. Старый монах оказался Глинским архимандритом Серафимом, известным мне заочно, по рассказам моих духовных друзей, посещавших Глинскую пустынь.

Надо сказать, что во время хрущевских гонений Глинская пустынь была закрыта и ее монахи разъехались кто куда. Отец Серафим в молодости жил в горах около Сухуми, хорошо знал этот край и решил временно обосноваться здесь. С ним был монах, который служил некогда в десантных войсках, но, получив травму черепа во время прыжка с парашютом, демобилизовался и поступил в монастырь. Он сопровождал отца Серафима как его послушник и келейник. Он отличался беспрекословным послушанием и, казалось, ловил на лету каждое слова отца Серафима, каждое движение его руки. Он все время молчал, а когда его спрашивали, то отвечал кратко и односложно. Отец Серафим рассказывал о нем, что после контузии он испытывает постоянные головные боли; но, несмотря на болезнь, его лицо постоянно светилось детской радостью.

Когда мы остались с отцом Георгием одни, я спросил его: "Как же ты пустил в мою комнату незнакомого человека". Старец, не задумываясь, ответил: "Сердце подсказало...". "А ты предупредил его, что я уеду в Сенаки и приеду только через несколько дней?" - снова спросил я. "Да, я сказал, а он говорит: подождем, увидим". Мы все дружно поели картошку. Даже отец Георгий изменил своему правилу и сел за трапезу ночью.

С первых же слов отца Серафима у меня возникло чувство, будто я знаю его уже много лет. В этом старце были необыкновенная простота и любовь, но впоследствии я не раз видел, как он скрывал эту любовь под внешней строгостью к своим чадам. Иногда он, казалось, гневался на них, но когда видел, что они искренно каются и просят прощения у Бога, то спешил ободрить и утешить их. Казалось, что солнышко зашло за грозовую тучу, а потом выглянуло опять.

Отец Серафим не имел светского образования. Его академией были монастырь и пустыня. Он обладал огромным духовным опытом и даром проникновения в человеческую душу. Старец был замечательным рассказчиком. Его беседы захватывали людей, окружавших его. Но он умел говорить о том, что этим людям действительно было нужно. И в рассказах о своей прошлой жизни отвечал на еще не заданные вопросы, которые волновали их.

В беседах со мной он мало касался своей жизни в пустыне, а говорил о трудностях духовничества, о вопросах, которые надо было решать на исповеди, о демонических искушениях, которым подвергается монах в монастыре и в миру, о грехах и соблазнах, которые особенно часто встречаются в приходской жизни священника. Его рассказы изобиловали примерами, это были как бы воспоминания о виденных и пережитых им событиях. Разумеется, он не называл лиц. Эти рассказы отчасти походили на повествования

патериков, только он старался как можно лучше показать темные глубины человеческой души и те искушения, которые особенно характерны для нашего времени. Проходили дни, месяцы и годы, и я начинал осознавать, что это он мудро и проникновенно говорил для меня: он обличал меня в моих грехах, побуждая к покаянию, видел мои слабости глубже, чем я, примерами других предостерегал меня. Этот старец глубоко понимал трагизм монашества, лишенного монастырей, выброшенного из необходимой для него духовной среды и задыхающегося в атмосфере этого мира. Поэтому на исповеди он был очень снисходительным к грешнику, но в то же время требовал борьбы с грехом и главным условием прощения кающегося считал решимость не повторять грехи. Его снисходительность никогда не переходила в потакание человеческим слабостям.

Местом своего жительства отец Серафим избрал Сухуми. Сначала он прописался у жителя Илори Фомы Радченко - прихожанина нашей церкви, а затем купил небольшой домик в Сухуми. Это место было выбрано им не случайно, не только потому, что прессы хрущевских гонений в Грузии ощущался слабее - он как бы амортизировался самим характером грузинского народа: грузины и абхазы не любили смотреть через чужие заборы на то, что делают соседи, а к доносчикам даже начальство относилось с нескрываемым презрением. Борьба с религией, точнее, гонение на духовенство и верующих проводилось довольно вяло, отдельными кампаниями, для отчета и отписки. Произвола уполномоченных по делам Церкви мы также не ощущали. Случаи безобразного отношения к верующим имели место лишь со стороны милиции, и то потом оказывалось, что это было приемом для получения подарка, после которого блюститель порядка спрашивал: "А может быть, вас кто-нибудь обижает? Сообщите нам!..". Но не поэтому отец Серафим вернулся в Сухуми, где уже бывал после первого закрытия Глинского монастыря в 20-х годах. В так называемой Малой Сванетии, в нескольких десятках километров от города, в районе озера Амткел, в горах, в дремучем лесу, где даже днем стоит полумрак, на Черной речке и на Барганах жили пустынноики. Они строили деревянные домики с несколькими кельями, расчищали лес и на образовавшейся поляне разводили огород (сажали преимущественно кукурузу и картошку); собирали в лесу ветки, распиливали упавшие стволы деревьев, так что топлива было достаточно для самой лютой зимы. Собирали ягоды и каштаны. Основную пищу составляли толченые сухари. Из белого хлеба благодетели пустынноиков сушили сухари, а затем толкли их в ступе. Получалась как бы мелкая крупа. Можно было сварить несколько очищенных картофелин, затем бросить горсть толченых сухарей в кипящую воду, налить постного масла - и обед готов! На зиму сушили также шиповник и листья брусники, которые употребляли как чай. Жили пустынноики или как скитяне - по три-четыре человека, или как отшельники.

Отец Серафим считал главной целью своего приезда в Сухуми духовное окормление пустынноиков. Свой огромный опыт, молитвенный труд и, главное, свою отцовскую любовь он вложил в это духовное служение. Нередко в сопровождении нескольких спутников посещал он пустынноиков, проходя среди зарослей, пересекая речки, поднимаясь и спускаясь по склонам гор, проделывая дорогу в несколько десятков километров. Этот труд, непосильный для многих юношей, совершал семидесятилетний старец. Пустынноики приходили к нему в Сухуми почти всегда по ночам: несмотря на то, что особых притеснений мы не испытывали, опасаться различных провокаций, неприятностей и даже высылки старца из города все же приходилось. Идеологическо-полицейский аппарат давил сверху, и поэтому нужны были какие-то доказательства, что антирелигиозная работа проводится. Отказать своим духовным детям во встречах старец не мог, ведь для них он жил. Легкий стук, дверь тихо отворялась, и посетитель быстро заходил во двор дома. Иногда беседы с пустынноиками длились всю ночь. Знали ли об этом власти? Мне кажется, лишь делали вид, что не знают.

Не так давно была издана книга монаха Меркурия "В горах Кавказа". Это единственный известный мне рассказ очевидца о жизни современных кавказских пустынноиков, увидевший таким образом свет. Жаль, что в записях отца Меркурия существует пробел, как бы лакуна: там недостаточно раскрыта сама основа монашеской жизни, главное в ней, - послушание. Зная многих пустынноиков, мы были свидетелями того, что те из них, кто находился под молитвенным покровом отца Серафима и слушался его как наставника, шли ровным

духовным путем. Казалось, что старец вел их за руку через духовные стремнины и пропасти, более глубокие, чем пропасти и овраги в горах, где стояли их хижины. Послушание - это крылья монаха. Пустынники, имевшие духовными отцами опытных старцев, таких, как схиархимандрит Серафим, отличались рассудительностью и мирным устроением духа. А те, которые жили самовольно, начав свой духовный путь с непосильных подвигов, впадали в тяжелые искушения и теряли приобретенное годами труда.

Святые отцы пишут, что в монастыре диавол бросается на монахов как пес, а в пустыне - как лев. Главное оружие у пустынников - смирение и молитва. Но смирения без послушания стяжать невозможно или почти невозможно. Разгоряченное воображение, основанное на вере в свою исключительность, - это черные крылья гордости, которые могут поднять обольщенного человека над землей, но они внезапно ломаются, и гордый подвижник падает на землю, разбиваясь при этом падении.

Мы знали пустынников, которые взяли на себя подвиг полного безмолвия и уединения, предварительно не подготовившись к нему послушанием, и поэтому впали в умопомрачение. Один из таких обольщенных демоном бегал по пустыне и кричал: "Серафим - это колдун, который не дает покоя мне ни днем, ни ночью". Отец Меркурий описывает монаха, который на пожертвования, предназначавшиеся пустынникам, купил себе в Сухуми дом и прописку. Однако отец Меркурий, очевидно, не знал, что первоначальной причиной падения этого монаха явилось его непослушание духовному отцу. Это непослушание началось уже в последние годы существования Глинской пустыни и кончилось самым страшным образом. Бывший монах Глинского монастыря снял с себя крест, ушел в мир и спился до такого состояния, что его пьяным подбирали на улице. Как скорбел об этом человеке отец Серафим! Как он плакал, молясь, чтобы Господь не оставил погибнуть несчастную душу! И действительно, перед смертью этот монах (не буду называть его имени) как бы очнулся, пришел в себя, принес глубокое покаяние, снова надел крест и умер, пособоровавшись и причастившись, открыто исповедуя свои грехи.

Монах должен находиться в послушании у старца и отсекает перед братьями свою волю. Про этот догмат монашества преподобный Ефрем Сирийский писал: "смиранный монах страшен для демонов".

Сам отец Серафим прошел многолетнюю тяжелую школу монастырского послушания, затем учился в "академии смирения" - в тюрьмах, ссылках и лагерях, приобрел опыт пустынножителя в степях Казахстана и горах Кавказа. Поэтому его можно назвать "доктором монашеских наук".

Один монах рассказывал, как он жил со своим старцем в пещерной келье многие годы. Когда старец умирал, то велел похоронить себя в пещере, а ему - немедленно идти в Сухуми. При этом он указал путь - обходной, долгий и тяжелый. После погребения старца монах решил выбрать короткий и знакомый ему путь через перевал. Он успокаивал себя тем, что воля старца состояла в том, чтобы он шел в Сухуми, а каким путем - это безразлично, тем более, что старец в предсмертной болезни, уже почти в забытии мог вообще перепутать дороги. И вот он отправился коротким путем.

Было ясное утро, ничто не предвещало несчастья. Он шел по дороге быстрыми шагами и читал молитву, которой навывкнул в годы пустынножества. Вдруг подул ветер, и небо затянуло густой молочной пеленой. Пошел снег. Вернуться назад было уже невозможно, идти вперед по тропинке, исчезнувшей под сугробами, также нельзя. Настала ночь. Монах стоял, прислонившись к скале, окоченев от холода. Он понял, что послушание или непослушание старцу было для него выбором между жизнью и смертью. Из-за нарушения старческого слова он теперь погибает. Но, видно, за многолетние труды и молитвы покойного старца Господь помиловал ослушника. Его нашли полумертвым, обмороженным случайные путники и принесли в город. После этого он долго болел. Он часто рассказывал о том, что случилось с ним, и говорил, что непослушание - это предательство самого себя, это грех для монаха, подобный самоубийству.

Отец Серафим сам был опытным делателем Иисусовой молитвы. И послушание считал необходимым для нее условием. Он говорил, что если человек упорным трудом стяжет

навык к Иисусовой молитве, но не исцелит свою душу послушанием и не будет отсекал свою волю, то молитва, произносимая по привычке, окажется вовсе не той сокровенной, непрестанной молитвой, о которой писали подвижники, а всего лишь словами, так как гордый ум не может сочетаться с именем Иисуса Христа - этого непостижимого Смирения.

Он говорил о том, что для стяжания Иисусовой молитвы необходима борьба со страстями: в чистом сердце молитва пробуждается сама собой. Древние святые пребывали в постоянной молитве именно благодаря своей простоте и незлобию. Старец внушал, что молитва не должна быть оторвана от жизни. Он предостерегал от искусственных приемов вхождения ума в сердце и учил, что Иисусову молитву, особенно вначале, надо произносить вслух самому себе, при этом сосредотачивать внимание на движении губ. Старец говорил, что молитва затем сама найдет место. Он считал также полезным соединять Иисусову молитву с дыханием, когда молитва читается про себя.

В первые годы своей жизни в Сухуми старец ежедневно ходил в кафедральный собор. Епископ Леонид (Жвания), правящий архиерей, благословил отца Серафима принимать народ на исповедь. Надо сказать, что владыка Леонид был личностью незаурядной. В молодости он учился в семинарии, но сана не принял. В послереволюционные годы был следователем революционного трибунала в Западной Грузии, работал в прокуратуре и занимал высокие посты. Но, видимо, сильно хотелось ему кончить жизнь тем, чем начал. И он решил стать священником. Это решение в определенных кругах вызвало шок, но он своего намерения не изменил. Католикос-Патриарх Мелхиседек (Пхаладзе) [см. Примечание 2] рукоположил его во священники, а затем, посчитав, что человек с такими знаниями и опытом может быть полезен Церкви в более высоком сане, предложил ему архиерейство. Так священник Леонтий стал епископом Леонидом. Отличался он твердым, но справедливым характером. Умел наказывать, но охотно прощал, когда человек, не оправдываясь, признавал свою вину. В годы хрущевских гонений не раз вставал вопрос о закрытии сухумского кафедрального собора, но епископ Леонид мужественно отстаивал права Церкви. Неоднократно он обращался в правительство с официальными протестами по поводу несоответствия с Конституцией новых законодательных актов в отношении Церкви. Он был одним из тех грузинских иерархов, благодаря которым в 60-е годы, во времена гонений, храмы в Грузии не были закрыты, а законодательство о религиозных культах, душившее Церковь в России, в Грузии фактически не действовало. Епископ Леонид с любовью относился к отцу Серафиму и подолгу беседовал с ним.

У отца Серафима были многочисленные духовные чада в России. Паломники Глинского монастыря потянулись теперь в Сухуми, и кафедральный собор наполнился народом. Отец Серафим во время исповеди решал духовные вопросы, давал наставления и советы; здесь, вдали от Глинской пустыни, в Сухуми, он снова встретился со своей паствой. Чему отец Серафим преимущественно учил людей? - Видеть во всем волю Божию и покоряться ей. Некоторые из его духовных чад по его указанию делали выписки из святых отцов (особенно часто - из "Лестницы" и "Ответов на вопросы" преподобных Варсонофия и Иоанна), и он раздавал эти выписки на благословение, как краткое руководство в духовной жизни.

К отцу Серафиму часто приезжал его духовный друг - схиархимандрит Андроник (Лукаш) [см. Примечание 3]. Оба старца были похожи и не похожи друг на друга. Отец Андроник вел полузатворническую жизнь в Тбилиси, в доме митрополита Зиновия (Мажуги) [см. Примечание 4]. В келье на аналое у него всегда лежала раскрытая Псалтирь. Старец старался исполнять устав Глинской пустыни, а затем в свободное время читал Псалтирь. Оба старца хотели сохранить единство братии Глинского монастыря, которая была рассеяна и разбросана по всей огромной стране. И действительно: монахи Глинской пустыни знали, что они всегда найдут помощь и приют у митрополита Зиновия и у обоих старцев. Они надеялись, что настанет время, когда вновь откроется их монастырь и в храм Рождества Пресвятой Богородицы вернется ее чудотворная икона.

Я помню, как посетил в пустыне на Барганах духовных чад отца Серафима, двух монахов. Я был поражен их продолжительным молитвенным правилом, которое занимало

большую часть суток. Они вычитывали в келье все монастырские службы, а затем в течение дня прочитывали всю Псалтирь. Впоследствии один из этих монахов покинул отца Серафима и перешел к другому духовнику. Старец глубоко скорбел о своем любимом ученике. Он знал, что перемена духовника не проходит для духовной жизни бесследно. Монах, покинувший старца, похож на дерево, вырванное из земли без корней и затем посаженное в другом месте. Если даже у ствола вырастут новые корни, то они будут слабыми и хилыми, они не смогут глубоко врасти в почву и поить своим соком ветви и листья дерева. Он знал о духовной потере этого монаха и поэтому скорбел о нем.

Меня интересовало отношение глиняных монахов к книге схимонаха Илариона "На горах Кавказа", которая послужила причиной так называемого имяславского раскола и последующих споров. Но мне не удалось спросить об этом отца Серафима. Некоторые старцы осторожно говорили: "Истина где-то посередине". Что значит "посередине" – они богословски вряд ли могли определить. Я не смею подменять их слова своей интерпретацией, но все-таки у меня сложилось мнение, что, с одной стороны, они понимали, что в книге схимонаха Илариона собран богатый материал из святоотеческих писаний, и отрицать всю книгу - значит сжечь с плевелами пшеницу, то есть отрицать учение тех отцов, которые представлены в ней. Но в то же время они понимали и чувствовали, что тезис "Имя Христа - это Бог" может привести к самообольщению и духовной гордыне, если будет положен в основу "богословия молитвы" и таким образом примет умозрительную форму. Поэтому эти старцы советовали обращаться с книгой схимонаха Илариона очень осторожно, как со стоящими на полке флаконами, в одних из которых лекарство, а в других яд.

Они утверждали, что только человек, имеющий личный опыт в Иисусовой молитве, может взять из этой книги полезное для себя, но лучше не рисковать, а обращаться непосредственно к святым отцам, особенно наставникам последнего времени: Игнатию Брянчанинову и Феофану Затворнику (которые в то время еще не были прославлены). Отзыв о книге "На горах Кавказа" был затруднителен для них еще и в силу того, что как делатели Иисусовой молитвы они переживали состояние посещения благодати Божией и внутренних озарений, когда слова молитвы в субъективном восприятии как бы сливаются в одно с действием благодати - с внутренней феофанией, богоявлением. Поэтому они боялись нечаянно оскорбить имя Иисуса Христа, Которым они духовно жили и дышали. Но я не знаю ни одного случая, когда бы глиняный старец рекомендовал пользоваться этой книгой своим ученикам. Можно сказать, что перевод определенных моментов субъективного молитвенного подвига в область богословских суждений породил несоответствие, принявшее форму раскола, а в некоторых случаях – и ереси.

Старцы были не богословами, а молитвенниками, и, дорожа молитвой как своим духовным сокровищем, они избегали каких-либо отвлеченных рассуждений и оценок, боясь, что неправильное мнение может помешать их внутренней молитве и посеять в сердце сомнение. Их совет был читать молитву с детской простотой: "Лучше лепетать языком, как младенец, чем вдаваться в высокие рассуждения". "Решать богословские вопросы не дело монахов. Мы не профессора", - говорили они. Но надо сказать, что именно профессора академий и университетов - Флоренский, Булгаков и другие друзья "мятежного Афона" - своими гностическими рассуждениями об имяславстве действительно "оформили" его как пантеистическую ересь. Впоследствии популяризаторы Флоренского еще более запутали эклектический гностицизм Флоренского и приписали ему взгляды о каких-то энергиях самого символа, якобы единосущных с энергиями Символизируемого. Это уже похоже на каббалистическое учение о микроэманациях имен, которые готовят душу к единосущной ей макроэманации Божества. Впрочем, высказывается и такое мнение, что "новооткрыватели" Флоренского просто не поняли его.

Однако вернемся к схииархимандриту Серафиму. Он считал, что монахи, кроме болезни или крайней немощи, должны непременно исполнять "пятисотницу". Из акафистов он очень любил акафист Успению Божией Матери. Ученых монахов отец Серафим уважал, но чувствовалось, что его душа стремится к общению не с ними, а с молитвенниками.

Стяжавшие Иисусову молитву духом узнают друг друга и понимают один другого с полуслова.

Отец Серафим почти не рассказывал мне о своей жизни в пустыне. Наверное, он знал, что этот опыт не соответствует моей жизни и не пригодится мне. Если заходила речь о пустыне, то он рассказывал лишь внешние события, как будто уводил человека от того, к чему не всякий должен прикасаться своей рукой. Он рассказывал о том, как медведь повадился в огород, где монахи посадили кукурузу, и лакомился початками каждую ночь. Долго они не знали, как поступить со зверем: обращаться к охотникам, чтобы те убили медведя, не хотели - и его жалко было, и сами охотники, повадившись к ним в гости, могли не хуже медведя обирать их огород. Наконец придумали: связали друг с другом пустые консервные банки и опустили их в ручей, так что банки, плавая на поверхности потока, бились друг о друга. Медведь инстинктивно боится звука металла, поэтому, услышав незнакомый для него зловещий стук, он испугался и убежал.

Полевые мыши также приносили огороду немалый вред. Пустынники взяли из селения кота, но кот, как будто заключив договор с мышами, спокойно смотрел на них. Тогда решили все-таки поставить мышеловки. Собрали целое совещание по этому вопросу: можно убивать мышей монаху или нет, и наконец решили: "Мы мышей не убиваем, а искушаем: хочешь - иди в мышеловку!". Отец Серафим рассказывал об этом с добродушным юмором.

К экуменизму старец относился, как и все монахи, отрицательно, но не любил, когда при нем говорили об этом и осуждали иерархов. "Покрой одеждой своей отца своего", - говорил он. Всю жизнь отец Серафим был гоним и преследуем, многие годы провел в тюрьме и ссылке, пережил два разгрома Глинского монастыря, но мы никогда не слышали от него слов осуждения или ропота, он все принимал как волю Божию. Об известном митрополите Николае (Ярушевиче) отец Серафим говорил: "Митрополит Николай глубоко покался. Он исповедовался у меня. Он любил нашу Глинскую обитель". Старец был высокого мнения о Патриархе Алексии I и считал, что тот делает все что может, но не все в его силах.

Я был свидетелем, как непослушание отцу Серафиму оканчивалось непредвиденными бедствиями, как опасно не слушаться старца, даже когда он дает простой совет. В Гудаутской церкви, где я служил в 70-х годах, был прихожанин - столяр по имени Павел. Он был человек церковный, но с каким-то уклоном. Выбрал себе в руководительницы пустыньницу схимонахиню Елену, которая обычно поносила духовенство и рассказывала о каких-то бывших ей видениях. Отец Серафим не благословлял советоваться с этой пустыньницей, а тем более называть ее духовной матерью. Однажды он сказал об этом Павлу, но тот ответил дерзко: "Осуждать всех людей грех. Только матушку Елену осуждать не грех?". Отец Серафим сказал: "Я предупреждаю тебя, а ты поступаешь так, как сам знаешь".

Тот съездил к пустыньнице и, вернувшись домой, принялся за обычную работу. Мысленно вспоминая разговоры с этой монахиней, он отключился от своей работы, и электрическая пила отсекла ему несколько пальцев на руке. Впоследствии он признавался: "Если бы я не поехал к Елене, этого бы не случилось". Елена пророчествовала, что ее келья станет святым местом для паломников, что потом здесь построят большой монастырь. Но умерла она какой-то странной смертью, а место, где она жила, оказалось вскоре заброшенным и опустевшим.

Шли годы. Отец Серафим все реже выходил из дома, но по-прежнему принимал к себе посетителей. Незадолго перед смертью он перешел в другой домик - на окраине города, на улице, которая, подобно террасе, пролегла по склону горы. Сюда не доносился городской шум. Когда я посетил отца Серафима, он лежал уже в постели не вставая. Странное было впечатление: он казался мне новорожденным младенцем, который смотрел на мир какими-то чистыми, слегка удивленными глазами, даже цвет лица был у него розовый, как у маленького ребенка. Он сказал мне всего несколько слов. Было видно, что ему не хотелось говорить. Я чувствовал, что теперь его ответ - это молитва. Те, кто присутствовал при смерти старца, вспоминали, что он сказал вслух: "Что я искал всю жизнь, то теперь нашел". Я

думаю, что он говорил о непрестанной, сердечной Иисусовой молитве, о том, что душу его наполняют волны благодати, что молитва открылась ему в неведомой для нас глубине.

Великий старец был погребен на Сухумском кладбище, недалеко от храма, около могилы своего послушника монаха Иеронима, который отличался особенным смирением и послушанием и умер в молодые годы от чахотки, напоминая своей жизнью и смертью подвиг преподобного Досифея. Часто служатся панихиды на могиле отца Серафима. Это дань благодарности, любви и надежды, что молитва соединяет души, и старец в Небесном Царстве молится за них. Смерть страшна для грешников, а для праведных она - успокоение от трудов и начало вечной радости.

Я спрашивал у отца Серафима о многих вопросах монашеской и приходской жизни. С тех пор времени прошло уже несколько десятков лет, и так как я, к сожалению, не записал его ответов сразу же, то передаю их по памяти в своем изложении.

Основанием духовной жизни отец Серафим считал послушание. Старец категорически утверждал, что человек без благодати Божией не в силах побеждать искушения и сдерживать огромную силу греха, который, как яд, отравил все его существо. Только благодать Божия может обуздать грех и сделать человека победителем в духовной борьбе. Поэтому основа аскетике - стяжание благодати и хранение ее. Благодать действует в смиренном сердце. Где гордость - там уже поражение. Если гордому кажется, что он уже не доступен для греха и страстей из-за своих самовольных подвигов, то он становится игрушкой в руках темных сил. Сатана может давать ему на время ложное бесстрашие, чтобы укрепить в гордыне и превозношении над собратьями, но это подобно полету Симона Волхва, которого бесы поднимали вверх, в воздух, пока не бросили вниз и он не разбился насмерть.

Для стяжания благодати необходимо, совершенно необходимо, как воздух, послушание. Монаха без послушания отец Серафим вообще не считал монахом. Только через полное послушание своему старцу возможен настоящий, реальный, а не мнимый и иллюзорный духовный путь. Внешние подвиги уединения и поста отец Серафим считал второстепенными по отношению к послушанию, то есть подспорьем, а не основой монашеской жизни. Телесный подвиг должен опираться на благословение старца и быть точно определенным. Отец Серафим считал, что без послушания невозможно занятие Иисусовой молитвой: она останется на уровне повторения звуков, не будучи в силах тронуть окаменевшее в гордыне сердце. Одному монаху отец Серафим сказал то, что я считаю дерзновенным и не повторил бы, если бы не слышал сам: "Никакой Иисусовой молитвы у тебя нет: ты просто привык к ее словам, как некоторые люди привыкают к ругани". [2]

Однажды, когда я был у отца Серафима в Сухуми, к нему пришла та монахиня, которой монах Меркурий посвятил значительную часть книги "В горах Кавказа". Отец Серафим, зная ее необычайно суровый пост, начал с того, что сказал: "Один раз в день тебе надо есть горячую пищу". Та удивленно посмотрела на отца Серафима: "Неужели я должна терять время и отвлекать ум от молитвы для приготовления обеда?". Отец Серафим широко перекрестился: "Вот крест, что ты не имеешь никакой молитвы и никогда не имела ее". Когда она ушла, отец Серафим сказал: "Так она ничего и не поняла. Кто дал ей схиму, сам находился в обольщении. Бедная душа, сколько ей предстоит испытаний!".

Подражать жителству святых отцов без послушания, считал отец Серафим, это все равно что начинать строить дом с крыши. Он говорил об искушении современных монахов: они ищут прозорливых старцев, а когда видят обыкновенного человека, но опытно прошедшего монашеский путь, начинают колебаться и сомневаться, можно ли слушаться его. Они требуют от старца чудес, как фарисеи от Христа, они хотят, чтобы старец прорекал и предсказывал будущее, чтобы учил их не исполнению воли Божией, а как благополучно совершить то или иное их дело. А ведь старец может благословить, и дело не исполнится, но зато исполнится воля Божия, и человек получит урок смирения и отречения от своей воли, то есть главное - благодать Божию. Бывает такое испытание: старец благословляет, а дело как будто с самого начала встречает неодолимые препятствия - это испытание веры. В Библии

повествуется о том, как одиннадцать колен Израилевых несколько раз вопрошали Господа, идти ли им воевать с коленом Вениаминовым, совершившим неслыханное злодеяние, или нет. Господь через первосвященника отвечал: "Идите", и несколько раз они терпели поражение, но не роптали на Бога и за это в конце концов одержали победу (см.: Суд. 19-20).

Если человек пребудет в послушании, то Бог все устроит Сам, хотя бы и не так, как тот предполагает. А у самовольника конец его дел и жизни обязательно будет худым. То, что он делает без послушания, не принесет ему пользы, и часто своими глазами он будет видеть неожиданное разрушение своих многолетних трудов. За доверие к старцу Господь дает духовному отцу особое дерзновение в молитве о его духовном чаде. Можно сказать, что в таком случае Господь Сам помогает старцу руководить учеником. Архимандрит Серафим рассказывал, что бывали случаи, когда он благословлял или советовал вопрошающему его то, о чем не думал заранее, когда его собственный ответ был неожиданным для него самого, и говорил, что Господь в таком случае открывал ему, что сказать, по вере человека.

Если же ученик или духовное чадо не искренни до конца: одно говорят, другое скрывают, спрашивают без решимости исполнить, уговаривают и убеждают старца, как бы подсказывают ему свое собственное решение, то старец чувствует перед собой не живого человека, а какую-то стену, непробиваемую для его слов. Тогда может последовать и наказание за лицемерие и лукавство - неверный ответ старца. Отец Серафим говорил, что разговор с непослушным человеком очень утомляет, и потому советовал при малейшем возражении прекращать такую беседу словами: "Поступай, как знаешь". Старец не любил, когда вместо краткого вопроса рассказывают целую историю, как будто хотят объяснить, в чем дело и что надо сказать. Между тем вопрос должен быть кратким и ясным. Чем он более краток, тем более старец чувствует в своей душе ответ.

На исповеди отец Серафим также не любил многословия. "Надо каяться, а не автобиографию рассказывать", - считал он. Плотские грехи должны быть исповеданы один раз, а затем человек сам должен постараться позабыть подробности этих грехов, и только иметь чувство покаяния, стараясь не осуждать в таких грехах никого, иначе в нем могут пробудиться те же самые страсти и повториться падения. Отец Серафим категорически запрещал своим духовным чадам говорить друг с другом о плотских грехах, считая это не полезным, особенно с людьми другого пола, даже как будто с благовидной целью предупреждения. Он говорил, что в таких разговорах бывает тайное сладострастие. Один монах с негодованием рассказывал ему, что видел в автобусе полураздетую женщину, а отец Серафим спросил: "Ты до сих пор это помнишь?". Он говорил, что разговоры на эти темы никого не "оцеломудрят", а только оставят в душе какой-то смрад, как запах от гнили.

Мы были свидетелями того, что монахи-пустынники, приходившие к отцу Серафиму за благословением и советом, отличались даже внешне - каким-то спокойствием, скромностью и тем, что мы бы назвали "монашеским благородством" - смиренной простотой. И что еще отличало их - они старались быть незаметными. Напротив, те, кто не был в послушании, отличались или резкостью слов, категоричностью суждений о других людях, или, напротив, внешним, подчеркнутым смирением. Они могли кланяться при встрече с мирянами до земли, целовать у них руки, называть себя самыми падшими, последними грешниками, хотя их об этом никто не спрашивал. В этих людях была какая-то внутренняя неслаженность, какое-то скрытое беспокойство. Пророк сказал: *проклят человек, который надеется на человека* (Иер. 17, 5). Но самая худшая надежда - это надежда на себя.

Отец Серафим считал, что монашество в миру требует даже большего послушания, чем в обычной монастырской жизни. Монах в миру словно проходит через поле, усеянное иглами и колючками, а послушание, как калугарий (кожаная обувь пилигримов), помогает ему пройти этот путь, иначе он уже через несколько шагов изранит свои ноги. Для монаха послушание - это как бы восьмое Таинство. Слова 90-го псалма *ибо Ангелам Своим заповедает о тебе - охранять тебя на всех путях твоих* (Пс. 90, 11) - прежде всего относятся к послушанию, которое, как крылья Ангелов, защищает душу. Если послушник в чем-нибудь согрешит, то по молитвам старца его духовные раны заживают быстро, как у прокаженного, который, по слову пророка, вошел в воды Иордана и вышел исцеленным (см.:

4 Цар. 5, 14). Если даже он падет, то старец, как самарянин в притче, подымет его и возьмет на свои руки (см.: Лк. 10, 30-35); но истинное послушание не падает.

Старец говорил о том, что один из признаков послушания - это сердечная радость, всегда сопутствующая ему. Послушник носит в своем сердце духовную радость, даже когда кается в грехах. Второе свойство или дар послушания - это умирение помыслов. Послушник ни о чем не тревожится - он вручил себя Промыслу Божию через старца, старец принимает решения за него, поэтому у послушника нет противостояния мыслей, постоянного колебания ума сомнениями и помыслами: все решает старец. Он не только отвечает на вопросы ученика, но еще до вопроса говорит то, что ему нужно. Если человек сам определяет, что ему нужно делать, то решение бывает правильным или неправильным - за ним следует или успех или неудача. Если успех, и даже в добром деле, то человек все же никак не может освободиться от чувства тонкой гордости и превозношения: как правильно он решил, как хорошо он сделал. Если же дело его разрушилось, то человек не может не испытывать досады и раздражения. И в одном, и в другом случае он не найдет духовного мира. Послушник же все доброе приписывает молитвам своего старца, поэтому он свободен от внутреннего превозношения - этой змеи, скрывающейся в глубине души. А если будет видимая неудача, то говорит: "Такова воля Божия. Значит, это лучше для меня", - и опять остается спокойным. Но неудачи в послушании вообще не бывает. Послушание похоже на треножник: как ни брось его, один конец все-таки будет смотреть вверх, этот конец - смирение.

Некоторые люди приходят к старцу не для отсечения своей воли, а как к астрологу или гадалке, чтобы узнать свое будущее и что нужно делать, чтобы их земные дела увенчались успехом. Не получая того, что они хотели, - так как Бог дает Свои дары в зависимости от внутреннего состояния человека - они считают, что старец сам неможен и бессилен и ничего не может сделать. На самом же деле послушание - это перемена всей жизни, а не средство для успеха в каком-нибудь предпринимательстве. Хотя, мы повторяем, что Господь в награду за послушание дает явную и необычайную помощь даже во внешних мирских делах, но это больше для слабых, чтобы укрепить и утвердить их в вере.

Послушание и смирение, как и все добродетели, должны быть сокровенными. Мы встречали монаха, который, рассказывая о своем беспрекословном послушании отцу Серафиму, говорил, что по его слову он готов тотчас броситься в реку, - и что же? Этот монах сначала стал скрывать от отца Серафима свои грехи, о чем тот прямо сказал ему, а затем и вовсе оставил своего старца. Истинный послушник всегда чувствует недостаточность своего послушания. Благодать приходит тем путем, каким она ушла. Благодать оставила Адама по причине злоупотребления им свободой воли. Мы получили с рождения волю большую и испорченную, которая проявляется прежде всего в гордыне, поэтому послушание есть самый действенный, а по сути, и единственный способ возвращения благодати. Учитель монашества святитель Василий Великий пишет, что если бы монах твердо не решил находиться в послушании, то не сделал бы ничего; он бы построил дом без основания, и чем выше здание, тем большая опасность падения. Оно может рухнуть даже от собственной тяжести, не имея опоры.

В последнее время стали появляться книги о монашеской жизни. Некоторые из них содержат много ценных сведений, но ни в одной из них нет категорического утверждения, что монашество без послушания невозможно, что монастырь без правильного руководства и послушания, а так же скит или келья пустынника - это мирские дома, построенные в живописных местах.

Монашество - это ангельский образ. У ангелов царит совершенное послушание низшего чина высшему, о чем пишет священномученик Дионисий Ареопагит в книге "О небесной иерархии". Ангелы, отпавшие от этого послушания, стали демонами. Гордости свойственно падать. Иногда падение гордого бывает промыслительным. Но подобный урок всегда жесток и страшен. Большинство подвергающихся падению не находят сил для искреннего покаяния и продолжает идти дорогой греха. Были случаи, когда гордые подвижники после падения кончали жизнь самоубийством. Дьявол иногда успокаивает человека: "Ну что же, согресишь

и покаешься", то есть: "Злоупотребил милосердием Божиим", но надо помнить, что топкое болото греха - это все-таки не грязевая ванна.

Старец отмечал, что часто наказанием за нераскаянный грех блуда служит заболевание раком, которое является как бы аналогом этого духовного гниения. В богословские рассуждения входить не любил и избегал отвечать на богословские вопросы, оправдываясь своей простотой.

Отец Серафим придавал очень большое значение преемственности монастырской жизни, включая устав богослужения, ежедневную исповедь, откровение помыслов и т. п. Он рассказывал, что когда архимандрит Таврион (Батозский) [см. Примечание 5], назначенный настоятелем Глинской пустыни, стал вводить новый устав, читать какие-то составленные им или неизвестно откуда взятые молитвы, то это вызвало недоумение и недовольство братии монастыря. Это нарушало монастырскую традицию. И потому, несмотря на подвижническую жизнь отца Тавриона, глинские старцы принуждены были просить Святейшего Патриарха Алексия I о замене настоятеля (что тот и исполнил). Этим была сохранена традиция монастыря, заложенная с его основания, и духовная преемственность, носителями которой являлись глинские старцы.

Примечание:

[1] Жил в XVII в. - *Ред.*

[2] Из этих слов видно, что отец Серафим не мог сочувствовать имяславскому учению. -

Авт.

Схимонах Авраам

Во дворе Мцхетского монастыря святой Нины, называемого Самтавро, находится могила, перед которой часто останавливаются паломники, посещающие эту святую обитель. Надпись на могиле гласит, что здесь погребено тело схимонаха Авраама (Чхетиани), который прожил на земле больше ста лет.

Каждая могила хранит свою тайну. Но есть могилы, подобные святым местам, где сама благодать Божия безмолвно свидетельствует о подвижнической жизни усопшего. Легко и радостно у такой могилы. Она как бы зовет к себе людей, как усталого путника - журчание ручейка.

Поколения за поколениями приходят на эту землю и уходят, как волны реки или листья деревьев, которые распускаются весной, а осенью падают на землю, и порывы ветра уносят их в неведомую даль. Время, как тиран, властвует в этом мире, оно разрушает все, что создано человеческими руками. Когда-то Мцхета был столичным городом, обнесенным мощными крепостными стенами, где высились царские дворцы, утопающие в роскошных садах. Теперь от них не осталось даже руин; только святыни стоят, как острова, в потоке времени, как будто они отразили бурю веков. Забывается мудрость правителей, военные подвиги героев, но народная память хранит имена тех, кто посвятил свою жизнь Богу, чье сердце горело христианской любовью к людям. Даже по смерти их могилы светятся, как лампы, духовным сиянием и свидетельствуют, что они невидимо пребывают с нами. Одним из таких подвижников был схимонах Авраам, о котором жители Мцхета, знавшие его или слышавшие о нем от своих родителей, вспоминают с неизменной любовью и уважением.

Автору этих строк выпало на долю счастье несколько раз в жизни видеть этого подвижника, тогда уже глубокого старца, и беседовать с ним. Такие люди представляют собой как бы живые иллюстрации к древним патерикам, потому что они хранят в душе своей отблеск того Фаворского света, который так дивно сиял в пустынях Фиваиды и Гареджи. Первое, что поражало в схимонахе Аврааме, это его доброта и незлобие, - казалось, он забыл, что в мире существуют грех и обман. На каждого человека он смотрел глазами ребенка, не подозревая ни в ком лжи и зла.

Несмотря на старческие годы, ходил он удивительно легко и быстро. Он прислуживал священникам как пономарь, звонил в колокол и убирал алтарь. Часто, разжегши кадило во

дворе, он почти бежал с ним через весь храм в алтарь, чтобы своим промедлением не огорчить служащего священника. Во время Литургии он стоял и плакал, часто ударяя себя в грудь, как будто каялся не только в своих грехах, но и за тех, кто просил его молитв. Единственным, в чем он оказывал непослушание, была его привычка ходить в одном и том же старом подряснике, покрытом латками. Священники очень любили его и потому покупали для него новую одежду, но она куда-то исчезала, и он снова появлялся в стареньком, похожем на халат подряснике и выцветшей от времени скуфейке. Я был свидетелем, как один священнослужитель делал ему выговор за то, что он подарил кому-то только что сшитую скуфейку и опять ходит в старой. А отец Авраам стоял молча, внимательно слушая его, даже слегка кивая головой, как бы соглашаясь, с таким видом как будто его уличили в преступлении. Но было видно, что и следующую скуфейку ожидает та же участь: очутиться на голове какого-нибудь бедного монаха или монахини.

Нестыжливость отца Авраама была поразительной. В его келие не было ничего, кроме тахты, покрытой войлоком, стола и табуретки. На столе лежали две или три книги - и больше ничего. Впрочем, сделаю маленькую оговорку. Однажды на этом столе я увидел пачку от папирос "Казбек", и вкралась в сердце мое мысль, что старец курит. Я подумал с некоторой тяжестью в сердце: "Ну и что же, и у подвижников могут быть свои слабости", но вдруг отец Авраам открыл коробку, и я увидел в ней не папиросы, а иголку с нитками, которыми он латал дыры на своем подряснике.

Об отце Аврааме рассказывал мне игумен Пимен (Рассахань), который в миру был столяром и часто исполнял работы для собора Светицховели. Он говорил, что отец Авраам тайно помогал некоторым бедным семьям во Мцхета. Когда кто-нибудь давал ему милостыню или когда он получал скромную плату пономаря, то в тот же день отдавал ее, так что никогда не хранил даже мелкой монеты. Когда его звали на трапезу или давали приношение с панихиды, то он уносил пищу к себе в келью, оставлял для себя очень немного, преимущественно хлеб, а остальное вечером относил в какую-нибудь бедную семью. Он старался, чтобы никто об этом не узнал, выходил из ворот крадучись и быстро возвращался назад. У него была особая любовь к молитве. По ночам он часами молился на паперти, затем 12 раз обходил с молитвой собор Светицховели, какая бы ни была погода. Однажды зимой, после снегопада, когда снег лежал на улице сугробами, отец Авраам, исполняя свое правило, ночью обходил собор. Он был уже нездоров, с ним случился обморок, и он пролежал до утра в снегу. Утром его подняли и полумертвого принесли в келью. Архимандрит Парфений постриг его в великую схиму, дав ему имя в честь преподобного Авраамия Затворника. Его можно назвать "мучеником ради молитвы".

После смерти схимонаха Авраама монахини Самтаврского монастыря, которые почитали старца как своего отца, испросили у Патриарха благословение похоронить его во дворе обители святой Нины, на небольшом монашеском кладбище.

Это место богато святынями, памятью о том, что дорого верующему сердцу. Здесь была святая Нина, здесь - гробница равноапостольных царей Мириана и Наны, здесь - мощи священномученика Авива. В монастыре находится чудотворная Иверская икона Божией Матери, и к этому духовному сокровищу прибавилась еще одна жемчужина - могила схимонаха Авраама.

Архимандрит Парфений

В 70-х годах я преподавал церковно-славянский язык в Мцхетской Духовной Семинарии и временно исполнял обязанности инспектора. Ректором Семинарии в то время был епископ Тадеоз (Иорамашвили). Он имел обычай по вечерам вместе с семинаристами посещать небольшое монастырское кладбище в Самтавро, где находилась тогда Семинария. Владыка Тадеоз благословлял зажигать свечи на всех могилах, этих маленьких островках среди потока времени. Это была незабываемая картина. Свечи казались звездочками, спустившимися на землю, а звезды на небе - горящими свечами. Владыка Тадеоз садился около какой-нибудь могилы и молчал. Никому не хотелось прерывать этого молчания. Собор

Преображения в ночном полумраке казался огромным камнем, принесенным с Фавора во Мцхета. Казалось, что в этом соборе безмолвно молятся те, кто жил в монастыре с самого его основания, чьи тела почивают в земле Самтаврского монастыря, а имена известны только Богу.

Из окон келий, в которых жило несколько престарелых монахинь, струился свет - большую часть ночи они посвящали молитве. Они казались мне последними воинами, еще оставшимися на поле битвы, с которого смерть уносит их души одну за другой в вечность, подобно тому как осенний ветер срывает с деревьев их золотистый наряд и на ветвях остается лишь несколько чудом уцелевших листьев.

Я помню эти минуты молчания или, скорее, безмолвного разговора с ушедшими из этого мира. Каждая могила хранит свою тайну; в каждой могиле заключена летопись чьей-то жизни.

Владыка сидел, пока не догорали свечи, подобные скоротечной жизни людей, и могилы снова погружались во мрак, как бы в сон до Страшного Суда. Как будто темная вуаль ночи спускалась на кладбище, а свет звезд становился еще ярче. Особенно красив был монастырь в лунную ночь, когда потоки фосфорического света, как небесный дождь, струились по земле и белые стены храма казались голубыми, а тени, падающие на землю, словно выкованными из серебра. Облака, окружающие луну, на какие-то мгновения казались огромными фиалками, которые расцвели ночью, а когда ветер гнал облака, то луна была похожа на корабль, который захлестывают волны: он то погружался в пучину, то выплывал опять, то рассекал тучи, как волны, оставляя после себя клубящуюся пену. Можно было долго смотреть, не отрывая глаз, на этот бой луны с облаками. Но сидя недалеко от владыки Тадеоза, я больше всего смотрел на свечу, горевшую на одной одинокой могиле, в которой был погребен архимандрит Парфений (Апциаури) – монах, с ранней юности посвятивший себя Богу и доблестно переживший время кровавых гонений на Церковь.

Отца Парфения я первый раз увидел еще до своего монашеского пострига, в Сионском соборе. После вечерней службы в собор вошел незнакомый мне монах, который сразу же приковал мое внимание, как будто я увидел что-то необычайное. Какой-то особенной, тихой и легкой походкой, как бы лишь слегка касаясь пола, он прошел через храм и опустился на колени перед Крестом равноапостольной Нины. Что-то неземное было в этом человеке: казалось, он, находясь в этом мире, не замечает его. Лицо его было удивительно светлым, как горящая лампада, от которой струятся волны мягкого света. Но что меня больше всего поразило в нем, так это какая-то особенная внутренняя тишина, которую, как я узнал потом, он стяжал многолетним подвигом отшельничества и безмолвия. Он выглядел так, словно сошел в наш мир со страниц древнего патерика. Я хотел подойти к нему под благословение, но боялся помешать его молитве. Когда он встал с колен и направился к выходу, казалось, что тень скользит по храму. Впоследствии я узнал, что его вызывал к себе Патриарх Мелхиседек - по причине, которая послужила испытанием для его монашеского смирения.

За городом Мцхета жил старый инок по имени Платон, который называл себя "тихоновцем" и, хотя посещал храмы, не причащался и, как всякий раскольник, поносил духовенство, особенно Патриарха Мелхиседека. И вот он заболел и после долгих колебаний решил все же причаститься. Он послал людей из числа своих многочисленных поклонников к мцхетскому священнику с просьбой принять его в общение с Церковью и причастить. Тот, разумеется, обрадовался, но тем не менее сначала запросил Патриархию, откуда получил утвердительный ответ. Жилище Платона находилось в горах, и престарелый настоятель послал поисповедовать и причастить больного отца Парфения, который числился в Светицховели вторым священником. Однако выздоровев, монах Платон раскаялся не в прежней вражде против Церкви, а в своем причащении и стал поносить Патриарха с еще большим озлоблением. (Характерно, что у раскольников такая хула принимает формы одержимости.) Патриарх, узнав, что отец Парфений причастил Платона без его ведома, отлучил самого отца Парфения от богослужения и причащения на 40 дней. Тогда отец Парфений привез Патриарху письмо от его секретаря, где было написано, чтобы Платона причастили. Патриарх, прочитав бумагу, сказал: "Отец Парфений, я вижу, что ты не виноват,

но слово Патриарха не изменяется, поэтому неси епитимию, которую я тебе дал". После этого ответа отец Парфений пришел в Сионский собор, где поблагодарил Господа за ниспосланную ему скорбь. Тогда-то я впервые и увидел его.

Я пишу об этом так подробно, потому что я увидел его необычайно спокойным, как бы погруженным в бездну смирения. Ни волнения, ни раздражения, ни беспокойства, а только глубокий и ничем не нарушаемый мир, как светлая печать, лежал на его лице. Казалось, что этому человеку все равно: будут бросать в него камнями или цветами - от этого не дрогнет ни одна черта на его лице, не изменится выражение его глаз, которые спокойно смотрят на мир и в то же время как будто не видят его.

После моего монашеского пострига и рукоположения я часто приходил к отцу Парфению на исповедь. Исповедоваться у него было очень легко, я думаю потому, что в это время он читал про себя Иисусову молитву, что было его постоянным внутренним деланием. Ни одного укоризненного слова, ни одного нетерпеливого или грубого движения, на которые так болезненно реагирует исповедующийся, как бы заранее ожидая презрения к себе, отец Парфений никогда себе не позволял. Обычно, сидя на стуле, он терпеливо выслушивал исповедь и только соболезновал, как соболезнуют больному или попавшему в несчастье.

Исповедь у отца Парфения всегда ассоциировалась у меня с картиной: изо рта кающегося грешника выползают змеи, одна за другой. Этих змей своей молитвой, точно заклинанием, вызывал из глубин человеческой души через слова покаяния отец Парфений. Другие люди также отмечали, что во время исповеди у отца Парфения снимались какие-то внутренние преграды и заслоны, перед ним хотелось каяться во всем, а после покаяния приходила какая-то особая радость, как у выздоравливающего от опасного недуга, который после тяжелого забытья и бреда открыл глаза и увидел свет солнца. В то же время своей добротой отец Парфений вовсе не потакал грехам, он почти всегда давал епитимии, но с такой заботой и участием, с какой врач дает больному целительное лекарство. Он говорил, что от исполнения епитимий благодать скорее возвращается к человеку.

За время моего общения с отцом Парфением я никогда не видел его раздраженным, рассерженным или впавшим в уныние. Есть выражение "выйти из себя", а отец Парфений, казалось, всегда пребывал умом в своем сердце и никогда не выходил из него, как из своей келии.

К сожалению, я мало знал о внешних обстоятельствах жизни отца Парфения. Шестнадцати лет он пришел в Шио-Мгвимский монастырь, где настоятелем тогда был архимандрит Ефрем (Сидамонидзе), будущий Патриарх Грузии. Были тяжелые революционные годы. На Церковь обрушились кровавые гонения, перед которыми меркнет черная слава Нерона и Диоклетиана.

Из Шио-Мгвимского монастыря вывезли всех монахов и заперли их в метехском храме, превращенном в тюрьму. Часть из них расстреляли, других сослали, остальных же - и в их числе был отец Парфений - после допросов и издевательств выпустили на свободу. Так началась для него одиссея странствий из одного заброшенного монастыря в другой, где ему приходилось скрываться, как зверю от охотников, и там его ловили, избивали, изгоняли или бросали в тюрьму.

Однажды ко мне подошел житель Мцхета и сказал: "Я гуриец, а гурийцы общительны, как испанцы; они вступают в разговор даже не познакомившись, поэтому я хочу рассказать вам один случай из моей жизни. Недавно умер мой брат, которого я очень любил, он умер в приюте для сумасшедших. Мой брат был полковником императорской гвардии и был предан императору всей душой, как иногда можем быть преданы мы, гурийцы, которые в душе всегда романтики. Хотя Гурию считали революционной, но, однако, она дала людей, которые шли на смерть, защищая трон. Когда мой брат узнал о свержении и убийстве царя, то это так поразило его, что он сошел с ума, но, может быть, это безумие спасло ему жизнь - как больного его не трогали. Он ходил по улицам нашего села в Гурии и повторял: "Император, восстань, император, выйди из могилы!". Он был действительно сильный духом и в безумии сохранил свое благородство. А я испорчен и отравлен, я хочу верить в Бога и не могу".

"Мне запомнился один случай, - продолжал он. - Однажды я со своими друзьями охотился в горах в Дзегви. Там стоит монастырь во имя Святой Троицы, уже давно покинутый и разоренный. Мы не ожидали встретить там ни одной человеческой души и вдруг, глубокой ночью, увидели свет, который горел в домике около храма. Мы были уставшие и решили переночевать там. Дверь была открыта, и мы вошли внутрь и увидели монаха, который стоял на молитве. Услышав наши шаги, он повернулся к нам. У него не было ничего, кроме сухарей и нескольких картофелин, но узнав, что мы голодны, он сварил нам весь картофель, который был у него, и предложил эту трапезу. Потом он указал на войлок, лежавший на полу, где мы могли бы прилечь, а сам продолжал молиться. Мы были одеты в бурки, так что холод не был страшен для нас. Мы были рады крыше над головой и наутро, поблагодарив его, ушли. Я думал: «Какая сила заставила этого человека переносить холод, голод и ожидание, что его схватят, как преступника, бросят в тюрьму и расстреляют без суда?» И в то же время я думал: «Значит, он видит то, чего не вижу я, слепой. И если бы я мог, то как бы охотно поменялся с ним местом в жизни!»

Прошли годы. У меня подрастали дети, но я чувствовал себя чужим в своей собственной семье. Иногда я брал хлеб и бурку, говорил, что иду на охоту, а на самом деле просто уходил в горы, чтобы побыть одному. Как-то зимой, в снежную погоду я поднялся на Зедзени и здесь снова встретился с тем же монахом Парфением. Он был нездоров, и у него не было продовольствия. Я сказал ему: "Помнишь, как ты накормил нас в Дзегви, теперь прими добро за добро". Я оставил хлеб, который взял с собой, затем спустился во Мцхета и принес ему пищу, но, чувствуя, что я нарушаю его безмолвие, я ушел в другое место. Теперь архимандрит Парфений служит во Мцхетском соборе, я иногда бываю у него. И он, вспоминая время гонений, говорит, что это было лучшее время в его жизни, он никогда не был так счастлив, как тогда".

Я рассказал о нашей беседе отцу Парфению, и он, помолчав, ответил: "Да, я это помню. Я думал, что пришли меня арестовывать, а это были охотники". Тогда кругом были сыщики и тайные агенты, тогда брат боялся родного брата. "Вскоре после этого, - продолжал отец Парфений, - я ночевал в одной знакомой семье в Дзегви. Там стали говорить о тяжелых временах, которые переживает народ. Я только сказал: "Откуда течет вода, туда она собирается снова". И когда меня арестовали, то эти слова предъявили мне, как обвинение, что я агитирую за возвращение прежнего строя. Несколько лет продержали в тюрьме среди уголовников и воров, а затем все-таки выпустили".

Отец Парфений был очень немногословен, почти никогда не рассказывал о себе. А своих духовных чад учил покорности воле Божией и Иисусовой молитве. Мне он всегда казался кротким голубем, который всю жизнь летал по пустынным горам, и здесь, в миру, не запачкал сажей и грязью человеческих грехов свои крылья.

Когда после Второй мировой войны стали открываться храмы, вызвал к себе из Иоанно-Зедзнийского монастыря отца Парфения Патриарх **Каллистрат** и сказал, что назначает его священником в Светицховели. Отец Парфений долго отказывался. Патриарх Каллистрат, будучи добрейшим человеком, просил его, как просит отец сына, и наконец сказал: "Во имя монашеского послушания, в котором ты клялся в день своего пострига, я повелеваю тебе идти в Светицховели и жить там, исполняя монашеские правила и совершая Литургию". И после этих слов отец Парфений повинился.

Надо сказать, что он имел характер не только незлобивый, но простой и бесхитростный. Некоторые люди злоупотребляли этим, и ему иногда трудно было сразу понять, что его обманывают.

Когда я последний раз встретился с отцом Парфением во Мцхета, то почувствовал, что скоро мне предстоит разлука с ним. Он казался живой легендой о монахах, ушедших от нас, о тех, кто сохранял веру в пустынях, затворах и тюрьмах.

Странное создание человек! Он не ценит то, что имеет! А когда теряет, то у него точно раскрываются глаза, и ему кажется, что он бы дорожил людьми, которых знал прежде и которых уже нет, как сокровищем, если бы прошлое можно было вернуть.

Отец Парфений был ручейком, который поил нас, изнемогающих от гордости и страстей, животворящей водой смирения. Он учил нас не только словом, но и жизнью, не только жизнью, но и тайной молитвой. Вся жизнь монаха - это духовная битва. Монах, сохранивший обеты, спит в своей могиле, как витязь, не побежденный на поле боя.

Свеча, зажженная на надгробном камне в Самтавро, наполняла мое сердце не только воспоминаниями о прошлом, но и благодарностью за то, что я встретил в своей земной жизни этого удивительного подвижника.

Архимандритство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем!

Игуменья Ольга

В 50-х годах, после рукоположения в сан иеромонаха, я был направлен священником в Ольгинский монастырь, который в то время официально назывался Ольгинским поселком, а его церковь была зарегистрирована как приходской храм. Монастырь располагался на уступе горы, возвышающейся над Мцхетой с западной стороны. К нему вела узкая дорога, проходившая между скалой и обрывом в глубокий овраг, местами сужавшаяся до тропинки, на которой трудно было разойтись двум путникам. Зимой, когда дорогу засыпал снег, путь в монастырь становился опасным; обитель делалась похожей на горное селение, отрезанное от мира. По этой дороге монахини, жившие в монастыре (а среди них большинство составляли престарелые инокини), носили не только провизию, но и уголь, которым отапливали свои келии, а также кирпичи и цемент для ремонта.

Необычайна история этого монастыря. В начале XX века мимо Мцхеты проводили железную дорогу, которая должна была пройти через всю территорию Грузии — от Тбилиси до Черноморского побережья. Работами руководил опытный инженер; ему в награду власти выделили поросший густым лесом земельный участок на склоне горы, и он собирался построить там себе дачу. Однажды, осматривая участок, инженер увидел большой металлический крест, скрытый среди деревьев и кустарника. Он решил выкопать крест, тем более что именно на этом месте думал выстроить дом. Рабочие начали рыть землю, и тут обнаружилось, что крест венчает собой купол церкви, засыпанной и как бы погребенной под землей.

Раскопки продолжались, и через несколько недель на маленькой поляне между скалой и обрывом собравшиеся жители Мцхеты увидели небольшой храм, который сохранился почти без повреждений, даже двери были закрыты на засов. Кто обитал здесь, когда в храме последний раз служилась Литургия, что заставило людей уйти отсюда — оставалось тайной. В храме обнаружили небольшую икону Божией Матери, изображенной с непокрытой головой, — очевидно, очень древнего письма. Говорят, что в пустынях есть города, погребенные в песках: жители покинули их, не выдержав борьбы с волнами песчаного моря. Так и эта церковь казалась сторожевой башней, погребенной бурями веков, но вновь выступившей в свой дозор над древней столицей Грузии.

Позднее были обнаружены свидетельства, что напротив Мцхеты, на правом берегу Куры синайские монахи основали когда-то скит во имя святой великомученицы Екатерины. Надо сказать, что на Синае проживало много монахов-грузин — как в Великой Лавре, построенной императором Юстинианом, так и в скитах и пещерных келиях, расположенных вблизи того места, где Господь вручил скрижали с десятью заповедями пророку Моисею.

Слово «синай» означает пустыня; там внимал пророк Моисей Божественному гласу, там в грозе и буре, в ослепительном блеске молний Господь явил Свое присутствие израильскому народу. Синай, как и египетские пустыни, был колыбелью монашества. Здесь еще до Рождества Христова селились ветхозаветные аскеты — ферапевты, проводившие жизнь во внутренней молитве и пении псалмов. Синай являлся одним из центров грузинской монашеской диаспоры еще задолго до того, как на берегу Афона возвысился, словно величественный замок, Иверский монастырь. На Синае образовалась целая школа грузинских каллиграфов, переписывавших книги Священного Писания и святых отцов. Дошедшие до нас фолианты поражают изяществом письма: каждая страница представляет

собой как бы картину, а миниатюры этих рукописей по их совершенству можно сравнить с лучшими произведениями византийского искусства.

Синай — место снисхождения Божества; затем он стало местом восхождения человека к Богу. Синай и Хорив представляли собой поселения монахов. Здесь преподобный Иоанн Лествичник на основе синайских монашеских преданий составил свою бессмертную книгу «Кибе» — «Лествицу», которая для многих монахов являлась второй книгой после Священного Писания.

Скит в Мцхетских горах — это не только живое свидетельство духовной связи грузинского и синайского монашества, это как бы часть Синая, перенесенная в Грузию, и сам храм, построенный синайскими монахами,— образ Неопалимой Купины, которая, воплотившись в камне, горит не сгорая...

Работы по строительству железной дороги около Мцхеты проходили успешно. Оставалось окончить тоннель в горе, который начали прорывать с двух сторон. Все расчеты были многократно проверены, было даже высчитано время, когда два отряда землекопов встретятся друг с другом. Эту встречу под землей хотели отметить как праздник. Но назначенное время прошло, а стыковки все не было. У инженера появилось опасение, что он допустил ошибку, исправить которую уже невозможно. Проходили минуты за минутами, казавшиеся для всех часами. И вот инженер выхватил револьвер, приставил дуло к виску и спустил курок прежде, чем кто-либо успел помешать ему, а через пятнадцать минут упала последняя преграда, разделявшая как стена землекопов. Расчет оказался совершенно правильным, только из-за твердого грунта замедлился ход работы. Это была победа, но уже посмертная, победа, не отмеченная ни праздником, ни торжеством.

Особенно потрясла эта смерть жену покойного, Ольгу, и она решила построить на оставшемся ей участке женский монастырь — корпус и несколько домов около вырытого из земли храма (вскоре невдалеке были обнаружены руины и еще одного храма — большего размера). И Ольга действительно посвятила свою жизнь созданию женской обители. Она приняла монашество, а когда монастырь был построен, храм приведен в порядок и освящен, ее избрали первой игуменией. Она пережила революцию, годы голода и гонений. Ее погребли в храме, освященном во имя великой равноапостольной княгини Ольги. Главной святыней его является икона Божией Матери, найденная при раскопках, которая почитается здесь как чудотворная. Около нее происходили знамения. Так, накануне революции, по рассказам старых монахинь, перед образом сама собой загорелась лампада, как бы в знак ободрения, чтобы предстоящие бури не угасили пламя веры в сердцах насельниц обители.

Игуменья Ольга, несмотря на знатное происхождение и светскую образованность, отличалась, по словам знавших ее монахинь, детской простотой и даже немного юродствовала, уподобляясь простушке. Она старалась посещать все церковные службы, но или так и не выучила церковного устава, или нарочно показывала, будто не знает его. Когда на клиросе спрашивали: «Что благословите читать, матушка?» — то она, указывая на книгу, отвечала: «Читайте от сих до сих». До революции мать Ольгу посещали важные чиновники и генералы, считавшие своим долгом утешить ее, но видели в ней не скорбящую вдову, а монахиню, сияющую внутренней духовной радостью и любовью, и, возвратившись, говорили, что скорее она утешила их, чем они ее. По кончине схиигумении Ольги могила ее стала как бы местом ее незримого присутствия. В искушениях и горестях наступившего страшного времени монахини часто плакали у могилы своей игумении, прося ее молитв. Сюда приходили те, кто знал мать Ольгу при жизни, приходили, как и прежде, не одни, а со своими постоянными спутниками — скорбями, и уходили облегченными, словно часть скорбей оставалась у ее могилы.

Монастырь святой Ольги

В 20-х годах XX столетия был закрыт и разграблен женский Мамкодский монастырь во имя святого великомученика Георгия. Монахини оказались бесприютными странницами в этом чуждом для них, страшном мире. Даже родные боялись принять монаха в свой дом и

дать ему приют в наступившее кровавое время. Люди были совершенно бесправны. Злодеяния террористов минувших веков казались детской игрой перед террором государственной машины. По малейшему подозрению людей арестовывали, и редко кто возвращался назад. Большинство бесследно исчезало в лагерях или общих могилах.

Над изгнанными монахами осуществлялся негласный, но постоянный надзор: чтобы выявить людей, сочувствующих им. Поэтому перед такими изгнанниками часто даже родные брат или сестра захлопывали двери своего дома. Неизвестно, где им было лучше: в ссылке или в миру. Атеистическая власть поставила священников и монахов в положение прокаженных, к которым нельзя приблизиться без опасности для жизни. Любое уголовное преступление прощалось скорее, чем вера в Бога. Человек мог дружить с бандитами, проводить время с ворами без всяких нежелательных для себя последствий, но решившись принять в своем доме священника или монаха, он рисковал лишиться работы и куска хлеба. И уж во всяком случае имя его было бы занесено в черный список «неблагонадежных», который имелся в спецотделах всех учреждений, организаций и институтов. На каждом производстве был кабинет, где сотрудники занимались обработкой материалов слежки за каждым служащим и рабочим. Куда бы человек ни поступал или ни переезжал, эти материалы следовали за ним — из спецотдела в спецотдел.

И все же находились люди, которые проявляли христианское мужество и делились чем могли с теми, кто был приговорен к уничтожению этой видимой и невидимой властью. Своего апофеоза гонения на верующих достигли в 36–37-м годах. Затем их интенсивность, казалось, несколько уменьшилась, но лишь по одной причине: уже некого было уничтожать. Однако и тогда каким-то чудом еще оставались небольшие общины монахов, как после жатвы остаются еще колосья на поле. В числе таких общин были и Мцхетская Ольгинская обитель и Самтаврский монастырь святой равноапостольной Нины. Монахинь из них то изгоняли, то разрешали им возвратиться снова.

Несколько сестер из Мамкодского монастыря поселились в Ольгинском монастыре, где их приняла схиигуменья Ольга. Среди них находилась монахиня по имени Ангелина, которую родители привели в обитель еще одиннадцатилетним ребенком (не могу сказать, по какой причине). Она так и осталась там жить, а достигнув необходимого для монашества возраста, приняла постриг. Впоследствии она стала игуменией Ольгинского монастыря и много сделала для его восстановления в послевоенные годы.

Когда меня рукоположили во иеромонахи, то отправили в Ольгинский монастырь для изучения церковного устава и практического богослужения. (В те годы в Грузии еще не были открыты семинарии, и подготовка священников происходила в самом храме.) Встретившая меня здесь игуменья во все время моего пребывания в обители относилась ко мне с материнской любовью и заботой. Жаль, что понять и оценить подобное отношение удается порой лишь по прошествии многих лет...

В молодости мать Ангелина была уставщицей на клиросе и прекрасно знала богослужебный устав — эту сложнейшую науку о порядке и соединении храмовых служб, сочетание которых постоянно меняется. Она часто стояла не на игуменском месте, а на клиросе вместе с певчими перед раскрытыми книгами и, как помню, казалась мне лоцманом, который проводит корабль между камнями и скалами, уверенным взглядом определяя путь. В первое время она не только подсказывала мне, какие молитвы следует читать и какие священнодействия нужно производить, но нередко во время каждения водила меня по храму за руку и показывала, перед какой иконой надо остановиться, как произвести каждение и тому подобное. Известно, что даже священники, уже окончившие семинарию и академию и изучившие литургику, приступая вначале к самостоятельному служению, часто теряются. Но с матушкой я чувствовал себя, как человек с надежным проводником в лесу или в горах.

Мать-игуменья неизменно присутствовала на всех храмовых службах, кроме немногих случаев, когда она уезжала из монастыря по делам. Эти службы были продолжительны, никаких сокращений не допускалось; на повечерии вычитывались положенные каноны, после Литургии или обедницы читались два акафиста. Акафисты читали монахини по

очереди; если кто-либо отсутствовал по болезни или находился на послушании, то акафист читала сама игумения.

В послевоенное время идеологи атеизма изменили свои методы: кровавые разбойничьи гонения, осуществлявшийся по отношению к верующим геноцид сменились более осторожными (хотя и не менее коварными) способами борьбы. Монастыри стали посещать верующие паломники.

Среди местного населения мать Ангелина пользовалась уважением. Она обладала каким-то особенным даром говорить с собеседником на его языке, будь то ученый, простой крестьянин или рабочий. Во время войны в монастырский корпус вселили несколько курдских семей. Матушка сумела завоевать уважение и у этих людей, язычников-солнцепоклонников, и они, вопреки намерениям властей, которые специально поселили их в монастыре, не только не обижали монахинь, но и выказывали матушке-игумении всяческое почтение и даже целовали ей руку, как своим шейхам. Но все-таки это соседство было для монахинь тяжелым испытанием, поскольку шум и детский плач не могли не мешать их безмолвию и молитве.

После войны мать-игумения получила тайное пожертвование для того, чтобы иметь возможность предоставить курдам площадь для жилья в другом месте. Те, видимо, понимали неуместность своего пребывания в женской обители и потому согласились оставить монастырь. Получив для покупки жилища нужную сумму, они выехали из обители; при этом некоторые из них — женщины, тайно принявшие крещение,— прощаясь с игуменией, плакали, как бы расставаясь со своей родной матерью.

Ежегодно перед Великим постом на Масленой неделе в Ольгинский монастырь приходил Католикос-Патриарх Мелхиседек (Пхаладзе). Патриарх и игумения Ангелина знали друг друга на протяжении нескольких десятилетий. Надо сказать, что Патриарх Мелхиседек, в миру Михаил, был человеком исключительных дарований. За всю историю Тбилисской Семинарии он был единственным учеником, который никогда не получал другой оценки, кроме высшего бала. Затем он поступил в Казанскую Духовную Академию. Его способности отмечал известный богослов Несмелов, желавший, чтобы молодой человек остался при Академии и занимался научной работой. Будучи студентом, Михаил настолько хорошо овладел греческим, что переводил на грузинский язык Геродота (эти переводы хранятся в библиотеке Тбилисского университета), а помимо того, самостоятельно изучил высшую математику. Он разработал оригинальный метод вычисления пасхалий, имеющий значение для исторической хронологии. Еще до принятия сана, являясь преподавателем математики, Михаил разрабатывал также математическую теорию шахмат. Кроме того, будущий Патриарх был церковным композитором и оставил несколько музыкальных литургических произведений, в том числе Херувимскую песнь. Он часто присутствовал при богослужении в Сионском соборе в будничные дни и любил сам читать шестопсалмие, причем читал удивительно проникновенно и величественно: казалось, он приносит покаяние за народ.

Вскоре после рукоположения во священники у него умерла супруга, и он принял монашество с именем Мелхиседек. Жизнь его была полна скорбей. Власти преследовали его, не давали ему служить. Рассказывают, что после епископской хиротонии владыка Мелхиседек был направлен в Сухуми. Первую свою проповедь он начал словами псалмопевца: Сказал безумец в сердце своем: нет Бога (Пс. 13, 1). В то время эти слова воспринимались как оскорбление атеистической власти, и владыка оказался в положении человека, окруженного сворой разъяренных псов. Многие годы он оставался практически без средств пропитания — с детьми, которым надо было помогать. Наконец Патриарх Каллистрат выпросил для него, как большую милость, место при кладбищенской церкви, где владыка Мелхиседек, в то время уже митрополит, служил панихиды на могилах. Затем трагически погибла его дочь, и он всецело посвятил себя Церкви.

Вид Патриарха Мелхиседека был спокойный и величественный. В нем чувствовалось истинное достоинство патриарха: даже во времена преследований и гонений, служа в полупустых храмах, он оставался духовным вождем своего народа. При нем были

восстановлены и открыты такие известные в Грузии храмы, как Бодбийская церковь святого великомученика Георгия, где находятся мощи святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии, храм Моцамета, куда были вновь перенесены мощи святых великомучеников Давида и Константина, князей Арагветских, Илорский храм святого Георгия, а также другие храмы.

В Патриархе Мелхиседеке сочетались строгость и милосердие. Он наказывал виновных вплоть до отлучения от Церкви, чтобы сохранить святость алтаря, но прощал, когда видел искреннее раскаяние человека. Говорил он немного, но чувствовалось, что каждое слово его продумано и как бы взвешено на весах.

Патриарх относился с одинаковой любовью к людям всех национальностей, никто не чувствовал себя под его святительским омофором пасынком. Но в то же время люди чувствовали, как любит он свою многострадальную отчизну, ее историю, традиции, которых не могли уничтожить и мутные волны революции. Можно сказать, что его первой любовью была Церковь, а второй — Грузия. Эта любовь была чужда гордости и кичливости, свойственных людям с низкой духовностью, поверхностным умом и узкой душой, — такие люди обычно гордятся тем, чего не имеют сами. Напротив, любовь Патриарха Мелхиседека к Грузии имела ту благородную форму и ту внутреннюю красоту, которые помогали и другим лучше почувствовать и полюбить эту страну. Патриарх особенно почитал чудотворную Дидубийскую икону Божией Матери и перед решением тех или иных сложных вопросов приезжал в Дидубийский храм (обычно — поздно вечером, когда там не было народа) и подолгу молился Божией Матери, прося у Нее ответа и помощи. Патриарх Каллистрат был любимцем грузинского народа, а патриарх Мелхиседек — его достойным преемником.

Часто посещал Ольгинский монастырь и митрополит Ефрем (Сидамонидзе) [см. Примечание 6], также будущий Католикос-Патриарх Грузии, племянник другого Католикоса-Патриарха, Леонида (Окропиридзе) [см. Примечание 8], который умер в 1921 году, через два года после своей интронизации при загадочных обстоятельствах (некоторые подозревали, что смерть его была насильственной). Владыка Ефрем начал свой монашеский путь после окончания университета, в Шио-Мгвимском монастыре. Вскоре, однако, монастырь был закрыт. Большинство монахов оказалось в тюрьмах и ссылках. Тяжелым и во многом трагичным был и жизненный путь Патриарха Ефрема. Он подвергался гонениям, его лишали возможности служения. Действующих храмов становилось все меньше, и одно время, будучи уже епископом, он занимал место священника в тбилисском храме святой великомученицы Варвары. В ту пору в храме не было даже пономаря, и сам епископ разжигал кадило, а после службы убирал алтарь.

В 30-е годы его арестовали, и он пережил все ужасы застенков и лагерей. В это тяжелое время игуменья Ангелина с помощью некоторых людей посылала ему передачи, но затем и это было запрещено. Его выпустили из заключения в последний год войны в тяжелом состоянии, почти умирающим от голода. По дороге в одежде арестанта он пришел к Новосибирскому епископу Варфоломею (Городцову) в кафедральный собор и попросил у него благословения. Владыка вместо благословения взял его за руку, пристально посмотрел на него и сказал: «Я не благословляю архиереев». Епископ Ефрем спросил: «Откуда вы знаете, кто я?». Тот ответил: «Я вижу в вас архиерея. Куда вы едете из заключения?». — «К себе на родину, в Грузию». Тогда владыка Варфоломей сказал: «Может быть, вы не знаете меня, но слышали обо мне. Я служил в Грузии много лет. Мое имя тогда было протоиерей Сергей Городцов». — «Конечно, я вас знаю. На вас террористы сделали покушение, и вы были тяжело ранены», — отвечал епископ Ефрем. Тот сказал: «Я до сих пор вспоминаю Грузию и люблю ее».

Патриарх Ефрем рассказывал, как епископ Варфоломей повез его в свой дом. Тогда автомобилей у епископов еще не было, и они сели в открытую коляску, запряженную лошадью. Люди удивлялись, видя в коляске рядом с архиереем человека в оборванной одежде...

В течение нескольких недель владыка Варфоломей ухаживал за епископом Ефремом. Он пригласил врачей, и те сказали, что владыке Ефрему в течение долгого времени нельзя есть твердую пищу, потому что от голода стенки его желудка стали настолько тонкими, что может быть прободение со смертельным исходом. Его прежде всего искупали, сожгли его одежду, дали новую и затем понемногу начали кормить какой-то жидкой кашей. Патриарх Ефрем рассказывал, что на другой день он увидел на кухне у епископа свежий хлеб и ему так захотелось съесть его, что он, несмотря на запрещение, отломил кусок и быстро, чтобы не видели, проглотил его — и тут же почувствовал сильные боли. Опять позвали врачей, и каким-то образом кусок был извлечен. Епископ Варфоломей сказал владыке Ефрему, что не отпустит его из своего дома в дорогу, пока не получит разрешения от врачей. При этом он предложил ему служить вместе с ним по праздникам в кафедральном соборе.

Когда епископ Ефрем приехал в Тбилиси, то прежде всего, не заходя никуда, он пришел в храм святой великомученицы Варвары. Волнение настолько охватило его, что он сел прямо на ступени и, опустив голову, заплакал навзрыд. Из храма к нему вышел священник; узнав, что перед ним епископ Ефрем, вернувшийся из ссылки, он заплакал вместе с ним. Собрались верующие. При виде больного и изможденного архиерея в гражданской одежде одни также не могли удержаться от слез, другие поздравляли его, третьи обнимали и целовали ему руки. Затем они вошли в храм. Ефрем стал громко благодарить святую Варвару за свое спасение. Он еще в заключении дал два обета: если вернется живым, то, во-первых, босиком пройти от Сионского собора до храма святой Варвары, а во-вторых, от Мцхеты пешком дойти до Шио-Мгвимского монастыря. На праздник великомученицы Варвары, память которой совершается в декабре, епископ Ефрем в сопровождении нескольких людей исполнил свой обет, пройдя босиком около пяти километров.

Посещая Ольгинский монастырь, владыка Ефрем беседовал с сестрами обители, рассказывал им о своей жизни, а когда видел кого-либо из них печальной или унылой, то старался ободрить шуткой.

В конце жизни игумения Ангелина тяжело заболела. Ее разбил паралич, она уже не могла ходить, но ее на коляске возили в храм, где она слушала службу. Дал ей схиму, а затем похоронил уже не епископ, а Католикос-Патриарх Ефрем. Могила игумении Ангелины находится у западной стены храма.

Благочинным Ольгинского монастыря в то время был архимандрит Зиновий (Мажуга), впоследствии митрополит Тетрицкаройский. Это был человек во всех отношениях замечательный. В отроческих еще годах он поступил в Глинскую пустынь, где исполнял различные послушания. После закрытия и разгрома монастыря переехал в Грузию и поселился в Сухумской «пустыни». Он был делателем непрестанной Иисусовой молитвы, и какой-то особенный внутренний свет озарял его лицо.

Владыка неоднократно подвергался арестам и ссылкам, но даже там, как бы в преддверии ада, он своим смирением и терпением завоевывал уважение как у преступников, так и у надзирателей тюрем, следователей и судей, которые большей частью были в то время попросту садистами, наслаждавшимися болью своих жертв и своей звериной властью. Владыка Зиновий говорил, что в ссылке получил разрешение уединяться в лес для молитвы, что было неслыханным доверием к заключенному, поскольку уход в лес считался бегством и человека, который решился бы на такое самовольно, охрана могла убить на месте. В воскресные и праздничные дни он пользовался этим разрешением: уходил на берег небольшого пустынного озера и молился. Владыка рассказывал, что однажды в праздник Божией Матери получил там некое знамение о своем освобождении, но не рассказывал, что это было за знамение.

В 1950 году Патриарх Каллистрат назначил отца Зиновия настоятелем Александроневской церкви в Тбилиси и возвел его в сан архимандрита. Тогда для жилья ему было отведено помещение около храма, состоявшее из двух маленьких комнаток. Впоследствии, когда он стал епископом, то эти две комнатки так и остались его архиерейскими апартаментами.

Владыка Зиновий был аскетом в миру. Молитвенное правило он большей частью совершал ночью, а день его с утра до вечера принадлежал храму и людям. Главным молитвенным делом владыки была, как уже говорилось выше, внутренняя Иисусова молитва, не прерывавшаяся у него даже во время бесед. Редко можно встретить человека, жизнь которого была бы так неразрывно связана с храмом, как жизнь митрополита Зиновия. Он собрал вокруг церкви монашествующих, которые исполняли различные должности, в основном, клиросное послушание. При этом владыка входил не только в их духовные, но и в житейские нужды, заботился о них, как отец о детях. После вторичного закрытия Глинской пустыни многие ее монахи нашли себе приют у владыки Зиновия, а некоторые из них так и остались в Грузии на всю жизнь.

Нередко владыка оказывал людям милость тайно, о чем узнавали уже потом и случайно. Некоторые монахи рассказывали мне, что когда они стояли в храме, то владыка Зиновий, проходя мимо них и благословляя, незаметно давал им деньги. Он ежедневно присутствовал на всех службах, совершавшихся в храме, и на Литургии вынимал множество частиц за живых и усопших, за тех, кого он знал и о ком его просили молиться. В своей личной жизни владыка отличался простотой и невзыскательностью, но церковные службы проводил с особым торжеством и благолепием. После кончины митрополита Зиновия Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II (Шиолошвили) [см. Примечание 9] благословил похоронить его в храме. «Хорошо, что владыка не только духом, но и телом будет пребывать с нами», — сказал при этом Патриарх.

На гробнице владыки Зиновия всегда лежат цветы, как знак благодарной памяти паствы о своем наставнике и отце.

Из святых покойный митрополит особенно любил святителя Николая и советовал во всех скорбях и нуждах обращаться к нему, а если есть возможность, то как можно чаще читать акафист этому замечательному чудотворцу. Также любил он молиться мученику Иоанну Воину и преподобному Серафиму Саровскому. В последние годы своей жизни он принял тайный схимнический постриг с именем Серафим. О нем, как и о преподобном Серафиме, можно сказать словами тропаря: «От юности Христа возлюбил еси».

После смерти митрополита Зиновия я дважды видел его во сне. Первый сон: после погребения он лежит во гробе, как живой. Ночь. Храм закрыт. Кто-то стучится со стороны двора в двери храма и просит у митрополита благословения. Тот встает, протягивает руку для благословения, и вдруг рука его удлиняется и достигает двери храма; он благословляет и снова ложится в гроб. Я думаю, смысл сна был таков: владыка быстро откликается на молитвы людей, даже те, кто по своим грехам находится за дверями храма (как в древности — несущие епитимью), не лишаются его помощи и благословения, и о них возносится к престолу Божию его молитва.

Второй сон. Также ночь. Храм освещен, и владыка ходит по храму, внимательно осматривая каждый уголок. Значит, он не ушел от нас, он здесь, он как живой с нами, он незримо посещает храм, в котором был настоятелем тридцать пять лет.

Когда еще при жизни владыки Зиновия я спрашивал его об Иисусовой молитве, то он говорил, что не следует стремиться к каким-либо «высоким степеням» и к особой концентрации мысли, а нужно говорить молитву в простоте сердца, как живому Богу, Который близок нам, как наша душа. Он советовал пользоваться минутами одиночества и отгонять помыслы Иисусовой молитвой. Такое делание владыка считал выше чтения книг. Он повторял, что Иисусова молитва прививается к смиренному сердцу. Своим близким владыка Зиновий рассказывал, что Иисусову молитву он приобрел в молодости, когда жил в пустыни, а в миру старается сохранить ее. До архиерейской хиротонии владыка иногда вспоминал свои монашеские послушания: то сошьет рясу, то сделает из камней четки. По молитвам Божией Матери перед ним не раз открывались ворота тюрем и лагерей, из которых обычно выносили трупы. А теперь мы верим, что также по молитвам Божией Матери и преподобного Серафима он получит на небесах истинную свободу и вечную радость.

Ольгинский монастырь расположен между гор, и большую часть года он скрыт от солнечных лучей. Человеку, попадающему туда, кажется, что он — в ущелье, где царят

тишина и полумрак. Внизу, под монастырем, струится источник чистой горной воды; чудный вид на город открывается с площадки горы. С запада Мцхету окаймляет река под названием Мтквари (а у греческих историков — Кура, — возможно, от слова «кир», то есть господствующий, — самая большая река в Грузии). Ее мутные волны похожи на старое потемневшее серебро. С юго-востока, как пограничная полоса, отделяет Мцхету от горного хребта стремительный поток горной реки Арагви, воды которой прозрачны и чисты, как стекло. Здесь, на месте слияния двух рек, произошло крещение Грузии. Недалеко от берега Куры высится, как утес, собор Животворящего Столпа — Светицховели. Там находится величайшая святыня Грузии — Хитон Господень, благодаря чему Мцхета с давних времен называется вторым Иерусалимом. К северу от Светицховели, как его младший брат, стоит другой храм, называемый Самтавро — княжеский. На этом месте поселилась святая Нина; там, где была ее убогая хижина, построена часовня. Мцхета — древняя столица Грузии, которую основал, по преданию, Мцхетос, внук родоначальника кавказских народов Таргамоса. «Мцхета» означает также помазание елеем, то есть милость Божию. В духовном плане Мцхета и по сей день остается столицей Иверии, а ее собор Светицховели — трон Божества.

На востоке от Мцхеты на вершине горы построена церковь, называемая Джвари (Крест), где хранился сделанный из мироточивого кедра [1] крест, в который была вложена частица от Голгофского Креста. Во многих псалмах воспета святым царем Давидом гора Сион. Сион — значит сторожевая башня. Когда-то на вершине Сиона стояла башня, с которой воины, охраняющие город, наблюдали за окрестностями: не приближаются ли к Иерусалиму вражеские отряды, чтобы внезапно напасть на него. Так и Джвари похож на сторожевую башню, охраняющую Мцхету. Иногда он кажется короной, венчающей главу горы, иногда — рукой, поднятой над Мцхетой для благословения. Есть предание, что в древности между Джвари и Светицховели была протянута лестница в виде цепи, по которой, как по мосту над бездной, богомольцы и монахи могли подниматься из Мцхеты к Джвари и спускаться обратно. Но кто ступал на эту лестницу без покаяния в грехах или шел без молитвы, погруженный в суетные мысли, тот срывался и падал вниз. С каждым годом все меньше людей могло проходить по этому воздушному пути, а затем под тяжестью человеческих грехов разорвалась сама цепь.

Мцхета, окруженная горами, отливающими зелеными, синими и желтыми красками, похожа на чашу из разноцветного хрусталя. Кажется, что Светицховели — это каменная грудь Грузии, в которой бьется ее живое сердце.

С уступа скалы невдалеке от Ольгинского монастыря можно было часами любоваться этим святым городом. Да, уже нет царских дворцов, многие храмы лежат в развалинах, место древних хижин и княжеских замков заняли другие строения, а улицы, выложенные плитами, покрыл асфальт и сковал цемент. Но это — только саркофаг, скрывший от взоров людей облик древней Мцхеты. Благодать ее святынь нельзя уничтожить: ее земля так же свята, как в прежние века, и от Светицховели, подобно подземным водам, струится благодать Божия во все концы Грузии.

Прежде я очень любил время сумерек, когда в небе одна за другой вспыхивают звезды и вместе с ними зажигаются огни в городе, как звезды, упавшие на землю, или как небесные огни, отражающиеся в озере. Силуэты гор становятся все темнее, и в этот час словно прерывается протяженность веков; время как бы обращается вспять, и передо мной — Мцхета, где дева Нина молится в своей хижине о просвещении Грузии, где строят храмы святые цари, куда люди со всех концов страны идут на поклонение Хитону Господню.

Из-за гор восходит луна, как ночное солнце, и озаряет своим голубоватым светом вершины скал. Кажется, что она черпает из звездного моря струи серебра и выплескивает их на землю. Луна скрывается за горизонтом, и снова надо всем опускается таинственный полог мглы. Слышатся негромкие удары в било, призывающие монахинь на ночную молитву. В своих темных одеяниях они быстро и бесшумно, как тени, одна за другой идут в храм.

Наступает время рассвета. Желтая полоса прорезает восток, точно в крепости ночи сделан пролом, и первые лучи, как войско, врываются внутрь ее. Падают стены этой

крепости; огненные лучи зари охватывают небосвод, вырывают у ночи собор Светицховели, и он, как царский дворец, высится над Мцхетой в своей дивной красоте.

В Иерусалиме, в храме Воскресения, очерчен круг с надписью: «Центр земли». Здесь происходили самые важные события в истории человечества, а точнее, в истории всего космоса. Подобно сему и место, где лежит Хитон Господень,— это то основание, на котором, образно говоря, стоит вся Грузия. Отсюда началась христианская Иверия, здесь она черпала силы, которые сохранили ее в бурях истории, когда царства и народы гибли и тонули, как обломки кораблей. Животворящий Столп — это невидимая рука, которая держит Грузию, как рука матери держит ребенка.

Восходит солнце — словно написанная кем-то картина засияла вдруг всеми красками палитры. Горы становятся похожими на синие, голубые и оранжевые цветы. Но второе солнце, которое льет свой свет из земли,— это Хитон Господень, а второе небо над Мцхетой — собор Светицховели.

Примечание:

[1] Здесь необходимо напомнить древнее предание о перенесении в Грузию Хитона Господня. Первой по времени святой Грузинской Церкви почитается блаженная Сидония, мцхетская иудейка, сестра раввина Элиоза. Она никогда не видела Христа, но, услышав о Нем, поверила в Него как в Спасителя мира. Когда ее брат отправлялся с паломниками в Иерусалим (это было в год казни Спасителя), она просила его привезти ей в благословение какую-нибудь вещь, принадлежащую Христу. Элиоз выполнил просьбу сестры. Он находился у Голгофы при распятии Спасителя, купил Его Хитон у одного из воинов и привез это сокровище в Мцхету. Услышав от брата о крестных страданиях Христа, Сидония, прижав Его Хитон к груди, пала мертвой. Никакая сила не могла уже разжать рук девушки. Ее так и погребли с Хитоном на груди. Впоследствии на месте погребения Сидонии вырос кедр, покрывавший ее могилу своими корнями. Больные птицы прилетали к кедру, клевали его хвою и улетали здоровыми; приходили к нему в поисках исцеления и дикие звери. При этом из кедра, по древним свидетельствам, исходило чудесное миро. Позднее верхняя часть дерева была спилена, и из нее изготовили несколько крестов. А основание сохранилось; именно за ним утвердилось название «Животворящий Столп». И когда на могиле Сидонии был выстроен собор Светицховели, то Столп оказался внутри него, как бы в некоем ковчеге.

Нечаянная радость

Рассказывала мне некогда игуменья Ольгинского монастыря Ангелина: «После революции настали трудные времена, мы переживали и голод, и холод. Иногда в обители не было даже хлеба, но в этих испытаниях Господь не оставлял нас, а в самые тяжелые годы нередко оказывал нам помощь через людей, от которых мы никак не могли ожидать ее. В обители мы чувствовали себя под покровом Божией Матери. Есть икона Ее, именуемая “Нечаянная Радость”, и когда казалось, уже нет выхода и нет помощников в нашей беде, Божия Матерь нежданно являла нам Свою помощь. И так нам было понятно и близко сердцу имя Царицы Небесной — Нечаянная Радость!

Мы также молились святителю Николаю Чудотворцу, и каждый день либо в храме, либо в своей келии кто-нибудь из монахинь читал ему акафист. У нас были благодетели в Тбилиси. Иногда они собирали для нас продукты или деньги и оставляли их в Александро-Невском храме [1], в притворе, где продаются свечи. Однажды в обители не осталось ни куска хлеба. Мы только выпили кипятка с какими-то крошками от сухарей и решили поехать в Тбилиси, чтобы привезти в обитель, что нам подадут наши благодетели. Мы пришли по обычаю в храм, но в этот день не увидели никого из знакомых нам людей. Сидели мы там до вечерней службы. Когда началась вечерня, я и другая монахиня, по имени Валентина, стали горячо молиться святителю Николаю, чтобы он сам накормил нас. В Александро-Невском храме недалеко от входа, на колонне слева, есть образ святителя Николая, который многие почитают как чудотворный. Мы всю службу молились и плакали перед ним, как сироты,

оставшиеся без родительского крова на улице. Кончилась служба, но мы не хотели уходить из храма. Мы чувствовали, что святитель Николай поможет нам. Но никого не было. Пришло время закрывать церковь на ночь, и мы со слезами вышли из храма.

“Должно быть, святитель Николай не услышал нас за наши грехи”,— подумали мы. Ничего не оставалось нам делать, как пойти на вокзал и ждать поезд, направляющийся в Мцхету. В то время монахине нельзя было показываться на улице в монашеской одежде, и потому мы были одеты в простые мирские платья и даже нарочно повязали головы разноцветными косынками, чтобы никто не догадался, что мы монахини. Поезд запаздывал. И когда мы приехали в Мцхету, то уже наступила ночь. Нам нужно было идти в обитель через лес. Мы слышали, что в окрестностях Мцхеты прячутся разбойники, но делать было нечего. С молитвой, в ночной темноте, прижавшись друг к другу, мы шли по лесу, и вдруг перед нами появилось несколько человек, одетых в бурки и папахы.

“Стой,— кричали они,— ни с места!”. Поняли мы, что оказались в руках разбойников. “Давай деньги”,— приказал один. “Мы сами нищие, у нас нет ничего”,— ответили мы. “Сейчас обыщем и узнаем”,— сказал этот человек. Я задрожала от страха, кричать было бесполезно, да и голос пропал у меня, как будто присох к горлу. “Мы монахини,— сказала я,— отпустите нас, ради Господа”.— “Врешь,— возразил этот человек,— монахи ночью не ходят. Если ты монахиня, то зачем ты не сидишь в монастыре?”. Тут я разрыдалась и стала говорить, что у нас в монастыре голод, и я вышла из обители, чтобы раздобыть старым монахиням хлеб. Он выслушал и снова повторил: “Врешь”,— видно это был атаман — и затем приказал своим товарищам: “Держите их крепко, пока я не приду”.

Что могло нас ожидать? — Насилие и, может быть, смерть. Проходило время, а этот человек не возвращался; мы стояли не шелохнувшись. Наши стражи тихонько переговаривались между собой, не спуская с нас глаз. Прошел один час, другой — и вдруг появляется этот человек, как мы потом узнали,— разбойник, который наводил страх на самые власти. Он подошел к нам и вдруг протянул какой-то мешок и сказал: “Иди, и больше не ходи ночью”.— “Как тебя зовут?”— спросили мы. “Не твое дело”,— ответил он. В мешке оказались лавашы, только что испеченные. Откуда он их взял ночью, мы так и не могли понять. Всю жизнь я молюсь, чтобы Господь спас душу этого человека, как спас разбойника, распятого с Ним».

Прмечание:

[1] Имеется в виду тбилисский храм в честь святого благоверного князя Александра Невского.— *Ред.*

Встреча в Самтавро

Однажды в Самтаврском монастыре я познакомился с пожилой дамой, по виду старой аристократкой, которая в 40-х годах работала в Министерстве иностранных дел переводчицей и говорила на великолепном литературном русском языке, теперь вырождающемся и исчезающем. Она рассказала мне эпизод из своей жизни.

«Грузию посетил высокопоставленный англичанин, который хотел остаться инкогнито. Поэтому органы безопасности не настаивали, когда он отказался от охраны, а может быть, охрана следовала за ним незаметно. Я должна была сопровождать его в качестве переводчицы. Он пожелал побывать в Иоанно-Зедазенском монастыре [1], и мы отправились на гору по тропинке, проходящей среди леса. Из беседы с ним я узнала, что он окончил Оксфордский университет и работает в дипломатическом корпусе. Он хорошо знал философию и искусство. Мне показалось, что в душе он был скептиком, но, как полагается джентельмену, избегал говорить о своих убеждениях.

Чудная картина открывалась с вершины, где расположен монастырь, и англичанин долго стоял у обрыва, любуясь представившейся ему вдруг панорамой. (Говорят, что с этого места видна четверть всей Картли, от снежных Кавказских гор до предместий столицы.) Затем мы вошли в храм. Там шла служба, которую совершал архимандрит Исе. Больше

никого не было. Архимандрит Исе — высокий монах с худым и бледным лицом — один пел молитвы на какие-то древние монастырские напевы. Вдруг я услышала звук, похожий на плач, — это рыдал англичанин, закрыв лицо руками, рыдал как ребенок. Когда служба окончилась и мы вышли из храма, он сказал мне: «Я часто посещаю Лондонскую капеллу, но это скорее традиция; я бывал на папском богослужении в соборе святого Петра, я объездил всю Европу, побывал в Балканских монастырях, но нигде я не испытывал такого чувства, какое пережил в этом бедном, полуразрушенном храме. Здесь я воочию увидел то, что называется святостью».

На обратном пути он был молчалив и задумчив. Я предложила ему посетить другие места, но он сказал: «С меня достаточно» — и отказался.

Эта же женщина рассказывала: «Мало кто знает, что Патриарх Каллистрат в течение долгого времени находился под домашним арестом, имея притом право приходить в Сионский собор для богослужения. Епископов же, священников и посетителей он принимал на своей квартире, где находилась его канцелярия. Он пережил все ужасы самых страшных лет, был лишен всех прав. Его дочь арестовали и сослали, и он не мог даже помочь ей. Но я видела, как в этих нравственных страданиях преображается его душа: одним человеком он взошел на патриарший престол, а другим — духовным, просветленным старцем — сошел в могилу. Один чекист признался ему: «Святейший, мы боремся с Церковью, но любим вас!»».

Диакон Амвросий из Кутаиси, служивший в Тбилиси в Сионском соборе, а затем в храме святого Александра Невского, рассказывал, что когда он вернулся из ссылки, где подвергался истязаниям, то при встрече спросил Патриарха Каллистрата: «Как вы могли молчать, зная, где мы и что делают с нами?!». Тогда Патриарх встал перед ним на колени и сказал: «Прости меня».

«Я тогда не представлял,— говорил отец Амвросий,— что Патриарх был таким же бесправным узником, как и мы, только узником без решетки и проволоки,— и добавлял: — Те пытки, которые я перенес во время следствия и заключения, я забыл. А то, что Патриарх стал передо мной на колени, до сих пор жжет мое сердце».

Примечание:

[1] Монастырь, основанный на горе Зедазени преподобным Иоанном, знаменитым сирийским подвижником VI столетия, по повелению Божией Матери отправившимся со своими учениками в Грузию для укрепления в этой стране христианства.— *Ред.*

Сидящая Анастасия

В моей жизни мне приходилось встречать людей, которые жили в атмосфере какого-то постоянного чуда, как будто физические законы, немощи человеческого тела, страсти, колеблющие душу, не существовали, как будто, если выразиться образно, для них не было самого притяжения земли. Таким человеком была Анастасия, которую в народе называли "сидящей Анастасией". Она говорила с людьми притчами и загадками, но сказанное ею сбывалось всегда. Ее подвиг превышал человеческие силы, как подвиг древних столпников. Если бы я не видел своими глазами, а только бы слышал об Анастасии, то в сердце своем сомневался бы, как, может быть, усомнятся и те, кто прочитают эти строки. Но есть еще в живых свидетели — люди, видевшие это явленное чудо на земле. Я не знаю, как она молилась, я даже не знаю точно, причащалась ли она, я только говорю о том, что видел сам и слышал от людей, достойных доверия, как, например, игумения Мария (Соловьева), жившая в селе Ахкерпи с несколькими монахинями после закрытия их монастыря. Это слова игумении Марии: "То, что скажет Анастасия, должно сбыться".

Несколько десятков лет во дворе своего дома, под навесом, сидела, не вставая, эта подвижница. Зимой она укрывалась лишь длинной шалью. Спала она очень мало, обычно под утро, склонив голову к коленям. Ее почти всегда окружал народ. Некоторых она принимала с особой лаской и кормила из своих рук, а других встречала бранью и даже бросала в них камни. Она постоянно беседовала с теми, кто находился в мире, невидимом

для наших глаз. Про нее рассказывали, что в молодости она была необыкновенной красавицей. У нее рано умерла мать и воспитывала ее мачеха, которая ненавидела падчерицу, завидуя ее красоте. Однажды Анастасию увидел гвардейский офицер и сразу же решил, что она должна стать его невестой. Очевидно, Анастасия ответила ему взаимностью и согласием, но точно не знаю. Он стал свататься к ней, но мачеха под всеми предложениями откладывала женитьбу и, наконец, запретив Анастасию в доме, сказала ему, что его невеста сошла с ума, что ее связали и увезли в больницу, что она признана неизлечимой, и о свадьбе уж нечего и думать.

Эта весть так поразила офицера, что он выхватил револьвер и застрелился тут же, у порога дома. Вышла Анастасия и увидела жениха своего мертвым. Тогда она и начала юродствовать. Залезла в хлев, где жили свиньи, и не выходила из него, питаясь помоями, которые приносили животным. Прошло время, и Анастасия приняла на себя необычайный подвиг: она села во дворе на низкую скамью и не вставала с этого места. Когда нужно было немного привстать, она упиралась руками в два камня, лежавшие около нее, но никогда не вставала на ноги. Прошли десятки лет, ноги под коленями как бы срослись, и она уже не могла ими двигать. В некотором роде такой подвиг труднее, чем столпничество, по крайней мере, столпник мог двигаться по площадке столпа, спать, опираясь на перила, сходить во внутреннюю комнату. Кроме того, обычно столпники полагали множество поклонов. Анастасия, сидя почти неподвижно, по всем законам природы должна была умереть в первую же зиму от переохлаждения, но ветер и снег, казалось, не действовали на нее, как на каменную статую.

Однажды игумения Мария рассказывала, что она как-то пришла к Анастасии со своей родственницей. Анастасия молча сняла крест с родственницы, надела его на мать игумению и так повторила три раза. Вскоре эта родственница принесла игумении Марии огромное горе. Я не хочу рассказывать об этом подробно: быть может, эта женщина еще жива и давно раскаялась в своем поступке.

Один мой знакомый - Лева Саакян, который теперь переехал в Ереван и преподает философию в институте иностранных языков,- говорил мне, что, услышав об Анастасии, решил посетить ее и просил у матери 10 рублей, чтобы сделать ей подарок. Семья его в то время нуждалась, и мать запротестовала, но сын настаивал, и мать со слезами положила деньги на стол. Когда он увиделся со мной, то рассказывал, что мало что понял из слов Анастасии, но сам тон ее голоса был такой проникновенный и душевный, что как бы согрел его. Прощаясь, он хотел положить около нее деньги, но она сказала: "Неси назад, а то у меня из-за этих денег будет скандал".

Я несколько раз был у Анастасии и как же жалею теперь, что не бывал у нее чаще! Однажды тяжело заболела моя мать. Я пришел к Анастасии, рассказал о своем горе и просил, чтобы она помолилась о моей матери. Анастасия дала мне яблоко и сказала: "Пусть она съест его". Я вернулся домой с этим яблоком. Как легко было у меня на душе! Я ожидал чуда, и оно совершилось! Мать, съев яблоко, выздоровела в тот же день.

Однажды я спросил у Анастасии, как мне спастись. Она ответила: "На Афон". Тогда дорога на Афон была совершенно закрыта, и я снова спросил: "А если я не попаду на Афон, то спасусь или нет?" Она ответила: "Не знаю".

И вот наступило время, когда слова Анастасии, сказанные как бы в притче, исполнились. Архимандрит Зиновий (впоследствии митрополит) сказал, что Патриарх хочет рукоположить меня в священный сан и послать на приход в Лагодехи. "Какой ты выбираешь путь: белого или черного духовенства?" - спросил он. Когда я пришел к Анастасии, она встретила меня словами: "Через три дня ты искупаешься в большой ванне". После монашеского пострига я снова пришел к Анастасии. Было утро. Она сидела закутанная в шаль, как в саван, закрытая с головы до ног. Я окликнул ее по имени, она не ответила. Я сказал, что принял монашеский постриг, спросил, как мне теперь жить, - в ответ молчание. Я долго стоял около нее, но она даже не пошевелилась, как бабочка в непроницаемом коконе, в своей черной шерстяной шали. И я подумал: вот тебе ответ - будь таким же для мира. Но

если это было благословение старицы, то я его не исполнил и до сих пор ежедневно меняю лучшее на худшее.

Почти все люди, посещавшие Анастасию, рассказывали, как сбывались ее вещие слова. Говорили, что ее несколько раз посещал Патриарх Мелхиседек, но не знаю, так ли это. Патриарх сам был необычайной личностью. Митрополит Зиновий говорил о нем: "Его не понял мир".

Рассказывали, что особенно много народа приходило к Анастасии во время войны, чтобы узнать о судьбе своих близких. Если она давала землю, то это означало, что человек был убит. Бывали случаи, когда в пост она давала посетителю мясо. Это смущало некоторых людей, но тем самым она приточно показывала, как мы держим свой внутренний пост, в каком состоянии наше сердце.

Перешагнув порог дома, где сидела Анастасия, человек, казалось, из одного, привычного для него мира, попадал в другой, неведомый. Говорят, что когда у нее заболела сестра, Анастасия велела вынести себя из-под навеса под открытое небо и в течение четырех месяцев молилась, говоря: "Надо приготовить ей путь".

Я уехал в Сухумскую епархию, а когда вернулся в Тбилиси, то мне сказали, что Анастасия умерла и похоронена на верхней стороне Кукийского кладбища. Я долго не мог узнать, где ее могила. Наконец одна прихожанка церкви святого благоверного князя Михаила Тверского, Вера, вызвалась показать мне это место. Вместе с иконописцем Виктором Криворотовым мы пришли на кладбище. Вера указывала нам путь среди могил; одни из них были отмечены камнем или маленькой оградкой, а над другими стояли надгробия, как мраморные дома. Я просил Виктора зарисовать дорогу, но он сказал, что у него хорошая зрительная память и он и так запомнит ее. Мы пришли к могиле, на которой был водружен крест, и я почувствовал себя так же, как много лет тому назад во дворе Анастасии. У меня было такое чувство, словно я забыл обо всем окружающем меня, словно прошлое стало настоящим, а настоящее - прошлым. Я ни о чем не думал и ни о чем не просил, я только чувствовал ее присутствие, и слезы лились из моих глаз. Виктор и Вера, чтобы не мешать мне, потихоньку отошли от могилы и стали в стороне, не говоря ни слова. Я благодарен им за эти минуты молчания. Я шел назад с каким-то смешанным чувством радости и скорби: радости - от этой встречи, а скорби - от расставания.

Через несколько месяцев я попросил Виктора пойти со мной на могилу Анастасии, но он сказал, что, к сожалению, забыл дорогу. Веры я больше не видел. Несколько престарелых прихожан, которые знали Анастасию при жизни, ответили мне, что уже не помнят ее могилы. Все меньше остается в живых моих сверстников, как ягод на оставшейся кисти винограда, которую выклевают осенние птицы. Укажет ли мне кто-нибудь домик, где жила Анастасия, если он уцелел, или ее могилу?

Проходит год за годом, как проплывают картины лесов и полей за окном вагона. Смерть приближается к человеку, как волки к путнику, которые сначала обегают его широкими кругами, затем эти круги все больше сужаются, как бы сжимаются, затем они подходят к жертве и - последний смертельный прыжок... Я не знаю, найду ли могилу Анастасии, но знаю, что рано или поздно найду свою могилу и тогда увижу ее в день Воскресения мертвых.

Я повторяю, что пишу только факты, без всякой моей личной интерпретации. Мне ничего не известно о ее внутренней жизни и о ее церковности, поэтому я ничего не утверждаю, а только свидетельствую.

Я вспоминаю, что у Анастасии была редкая икона, написанная на металле, включавшая в себя несколько изображений Божией Матери. Она говорила: "Икону надо выкупить", - возможно, она хотела напомнить нам, что икона в доме требует молитв, что без этого духовного "выкупа" икона будет лишь обличием нашего нерадения и что жизнь должна быть подвигом.

Вспоминаю я и еще одну подробность из впечатлений Левы Саакяна об Анастасии. Он спросил ее: "Как найти истину?". Для философа это был профессиональный вопрос. Она ответила очень просто: "Живите по истине и найдете истину". Мне кажется, что это был

лучший из ответов, которые можно услышать. Но он стал расспрашивать дальше. Тогда она заговорила своим приторным языком о книге жизни, которую надо выписать в библиотеке, и он ничего не понял. Однако все же решил послушаться ее, пошел в ближайшую библиотеку, чтобы спросить книгу жизни, но увидел там двух девиц с маловыразительными, как говорил он, лицами, постоял и пошел назад, так ничего и не спросив.

К сожалению, и в этом случае слова Анастасии, как мне кажется, оправдались. Истину он стал искать в библиотеках и увлекся штайнеризмом...

Я хотел бы еще сказать о глазах Анастасии. Они не светились тем мягким светом, который я видел в глазах схимонаха Гавриила. Они были похожи на лучи или огни двух прожекторов, которые освещали ночное небо. Ее взгляд как бы пронизывал человека насквозь, и человек невольно чувствовал при этом какое-то изумление, похожее на испуг, понимая, что этот взгляд видел все в его душе: его жизнь, его прошлое и будущее.

К концу своей жизни Анастасия еще более усилила свой сверхчеловеческий подвиг. Женщины, омывавшие ее тело, рассказывали, что она клала на свою скамеечку пустую банку от консервов и садилась на нее; острые края врезались в тело почти до костей, но оно не гнило.

Проходит время жизни. Прошла молодость, как весна, промелькнула в грозе и буря страстей, но были в это время ясные дни, когда душа ощущала духовную красоту монашеской жизни и как бы обоняла благоухание таинственных цветов. Юность полна ошибок и грехов, взлетов и падений, но душа еще не обросла жесткой и твердой корой, и после грехов наступает искреннее покаяние, как будто кровавые слезы сердца омывают грязь греха.

Зрелый возраст похож на лето. Это время для работ земледельца. Человек становится более трезвым и осмотрительным, но одни страсти сменяются другими, горячность юности - расчетом, заботами не столько о вечности, сколько о завтрашнем дне, как будто небо становится дальше, а земля все больше проступает из мглы. Грехов становится, кажется, меньше, но и сердце уже не горит покаянием.

Затем старость - это осень жизни. Это скудная осень, цветы весны увяли, не дав плодов, и нерадивый земледелец чувствует приближающийся голод - скоро наступит зима.

Меня окружают люди, которые думают, что я лучше, чем я есть на самом деле. Они добры ко мне, я благодарен им, но мне больше хочется беседовать с мертвыми, чем с живыми, с теми, кто опередил меня на пути из времени в вечность.

«Патерик»

Говорил схиархимандрит **Андроник (Лукаш)**: «Смех, шутки и ласки — не дело монаха, это привычки мира, от которого он отрекся. Если монах стяжает благодать, то и без шутливости и внешней ласковости в словах он сможет утешать людей».

Иеромонах Василий (Пирцхелава), подвизавшийся в Бетании [1], рассказывал: «Я уже с детских лет хотел пойти в монастырь, хотя не был ни в одном монастыре и только на картинках видел монахов. Мои родители сначала думали, что это детские фантазии, однако прошли годы, я повзрослел, но не оставил своего намерения. Тогда они сказали: “Сначала окончи институт, получи диплом, а затем делай как знаешь”. Наверное, они думали, что в институте у меня начнется другая жизнь и я забуду о монашестве.

Когда я закончил педагогический институт в Гори, то приехал в село к родителям, отдал им свой диплом на память и сказал, что теперь я иду в монастырь. Они словно окаменели: не уговаривали меня, не плакали и даже не попрощались; только недавно мать приехала посмотреть, как я живу, и в тот же день уехала назад».

Я сказал: «Чтобы исполнить просьбу родителей, вы потеряли четыре года?».— «Нет, больше: надо было еще время, чтобы забыть то, чему меня учили в институте»,— ответил он.

Однажды во дворе Бетанского монастыря я беседовал с отцом Василием о трудностях приходской жизни для монаха и говорил, что счастливы те, кто живет в монастыре. В это время мимо нас прошел схиархимандрит Иоанн [2]; лицо у него было сосредоточено, он

смотрел не на нас, а куда-то вдаль, вид его мог бы показаться грозным для тех, кто не знал его. Казалось, он внутренне спорил с кем-то или кого-то прогонял. Отец Василий тихо сказал: «Он все знает, о чем мы говорим». Возможно, отец Иоанн показал, какая в монастыре борьба с бесами, а может быть, видя мои искушения и немощь, отгонял от меня демонов, как пастух посохом — собак. Я ушел из монастыря, испытывая облегчение, с радостью в сердце.

Сказал иеромонах Василий: «Самый страшный грех для монаха — блуд. Другие грехи, по сравнению с ним,— это пыль, которую легко сдуть».

Говорил он: «Я слышал от одного старца, жившего много лет на Афоне, что священник, который совершает блуд и при этом литургисает, еще до смерти находится в аду. Когда он возглашает: «Мир всем» и «Благословение Господне на вас», то Ангел алтаря говорит: «Благословение от Бога народу, а тебе — проклятие». Когда он причащается, то его душа становится черной, как сожженный уголь. Когда он кончает служить Литургию, то диавол подходит к нему и целует в губы как своего друга».

Он рассказывал: «Жили недалеко друг от друга два брата-монаха. Один пошел в город по каким-то делам и там пал. А другой видел во сне: бурлящее море, его брат-монах шел по скользкой скале и вдруг упал в пучину. Он стал кричать во сне: “Помогите!”, но море заглушило его голос».

Я спросил иеромонаха Василия: «А есть ли грех тяжелее этого греха?».— «Отчаяние и самоубийство,— ответил он.— Но чаще всего приводит монаха к отчаянию блуд».— «А за что попускается впасть в блуд монаху, ведь он молится Богу и хочет спастись?».— «За непослушание и неисповеданные грехи». Я снова спросил: «А прощается ли этот грех священнику?». «Пусть это решает архиерей»,— ответил он.

Иеромонах Василий говорил: «Мне предлагают архиерейство, но я дал слово не покидать Бетанского монастыря и служить старцам [3] до смерти их или моей».

Иеромонах Василий говорил: «За что мне такая милость Божия: я живу около двух Ангелов!» [4].

Он же говорил: «Сколько раз я хотел вымыть ноги старцам, но они, даже будучи больны, не разрешали мне этого делать!».

Однажды иеромонах Василий возвращался в обитель по дороге, проходившей через лес. На него напали разбойники, которым он ранее помешал увезти монастырскую корову, и жестоко избили. Отец Василий едва дополз до монастыря. После этого он заболел чахоткой и вскоре умер. Его нашли мертвым в келии перед аналоем, на нем были епитрахиль, мантия и клобук, точно он оделся во все монашеские одежды, чтобы отправиться в далекий путь. Смерть застала его на молитве.

В день, когда над иеромонахом Василием совершали отпевание, в монастырь прибыло много народа. Приехала также его мать и другие родственники. Они сказали, что должны взять тело отца Василия, увезти его в деревню и похоронить на своем кладбище. Народ возмутился: люди не хотели отдавать тело монаха тому миру, от которого он ушел, и требовали похоронить его в монастыре. Но схиархимандрит Иоанн сказал: «Я знаю этих людей: если вы помешаете им, то может быть кровопролитие, или же они вернуться, когда здесь никого не будет, выкопают гроб из земли и все равно сделают то, что задумали». Когда закончилось отпевание, то родные по плоти и односельчане увезли тело отца Василия. Затем прошел слух, что они сбрили у него бороду, сняли монашескую рясу, одели пиджак и галстук и похоронили по своим обычаям. Узнав об этом, схиархимандрит Иоанн прослезился: «Он дважды мученик: один раз — при жизни от разбойников, а второй раз — по смерти от своих родных; за это он примет двойную награду. Где бы ни лежало его тело, а душа его с нами». И уже обращаясь к почившему отец Иоанн сказал: «Сын мой, Василий, я думал, что ты похоронишь меня, но вот я, старец, стою над твоим гробом».

Спросили у схиархимандрита **Виталия** [5], что он нашел лучшего для спасения. Он ответил: «Молитву с покаянием».

Сказал схиархимандрит Виталий: «Некоторые пустынночники прочитывают всю Псалтирь, а другие — одну кафизму читают двадцать раз. Я делаю первое ради братии, но предпочитаю второе».

Рассказывал схиархимандрит Виталий: «Бесы искушают людей, живущих в миру, через помыслы, а пустынноикам они являются в чувственных образах. Мы слышали по ночам рев зверей, крики людей, которые хотят напасть на наши хижины, стук шагов на чердаке, как будто кто-то ходит там; иногда мы видели, что к нам пришли посетить нас знакомые люди, но это оказывалось призраком. Я испытал тяжелое искушение от бесов. Мне ночью во сне казалось, что мертвец наваливается на мою грудь, я не могу пошевелиться под его тяжестью, у меня немеет язык, я не могу произнести слова молитвы. Это продолжалось долго. Наконец, собравшись с силами, делаю мысленно крест, затем начинаю говорить: “Да воскреснет Бог” — и чувствую, что каменная плита сваливается с моей груди. Я написал своему духовному отцу об этом с просьбой, чтобы весь монастырь помолился обо мне. Невозможно представить ужас от приближения демона тому, кто не испытал этого сам».

Еще рассказывал схиархимандрит Виталий: «Однажды зимой я вышел ночью из келии и увидел большую собаку. Я стал звать ее, но она в ответ завывала. Я понял, что это волк, который готовится броситься на меня, и закричал: “Господи, молитвами отца моего духовного, схиигумена Серафима [6], помилуй меня!” — и волк, как будто гонимый невидимой силой, убежал в лес. Это был уже не призрак: наутро мы увидели на снегу волчьи следы».

Отец Виталий говорил: «И в милиции есть хорошие люди. Однажды, когда я странствовал, меня схватила милиция и била, а начальник заступился за меня и сказал: “Не бейте его сильно, а то он умрет, и тогда хлопот не оберешься”. Тогда меня перестали бить ногами, а только таскали за волосы и бороду».

Архимандрит **Гавриил (Уркетадзе)** рассказывал: «Как Господь испытывает человека! Когда я был странником, то пришел в Самтаврский монастырь и попросил игумению пустить меня на ночлег. Она ответила: “У нас мужчины не ночуют”. Тогда я вышел во двор и сел у ворот. Монахиня пришла закрывать ворота и закричала: “Что ты здесь делаешь?! Сейчас мы будем спускать собаку на ночь, она могла бы покусать тебя!”. Я вышел и лег за воротами. И вдруг слышу какой-то шорох. Смотрю: около меня змея. Я вскочил на ноги и, сказав: “Здесь нет для меня места!”, пошел пешком назад в Тбилиси».

Архимандрит Гавриил рассказывал: «Когда я стоял на молитве, то вдруг услышал голос: “Скорей иди в Бетанию”. Этот голос повторился трижды. Я оставил молитвенное правило, оделся, взял посох и сумку и отправился в Бетанию. По дороге купил несколько хлебов. Попутной машины не было, и я пошел пешком. Я шел по лесу, и какая-то сила торопила меня: “Не останавливайся, иди скорее”.

Уже к вечеру я пришел в монастырь. Меня встретил схиархимандрит Иоанн — последний оставшийся в живых монах. Он сказал: “Я молился, чадо, чтобы ты пришел ко мне и прочел надо мной отходную молитву”. Несмотря на то, что схиархимандрит Иоанн долго болел, ничто не предвещало его скорую смерть: он встретил меня на ногах, а не в постели; вид его был даже более бодрым, чем когда я видел его в последний раз. Я положил хлеба на стол. Он благословил их и сказал: “Ты устал от пути, подкрепись”. И сам, разломив хлеб, взял себе небольшую часть: “Это моя последняя трапеза”. — “Бог милостив, ради нас продлит вашу жизнь,— сказал я.— Не будет вас, не будет монашества”. — “Не мною оно началось и не мною кончится,— возразил отец Иоанн.— Мне пора идти вслед за моим духовным братом [7]. Передай мою волю, чтобы меня похоронили рядом с ним: мы вместе переносили труды и гонения. Сегодня он сказал мне, что закончил пролагать для меня путь, и мы будем вместе”.

Наступил вечер. Схиархимандрит благословил меня зажечь свечи. Он дал мне книгу “Куртхевани”, раскрытую в том месте, где был канон на исход души, и сказал, чтобы я прочитал его. Я заплакал и стал просить: “Отче, пусть я умру раньше тебя и вместо тебя”. Он ответил: “Ты не знаешь, о чем говоришь и чего просишь”. Я продолжал плакать, припав к его ногам. Тогда он встал и сказал первый возглас торжественно, как епископ во время богослужения. Я не мог послушаться и стал продолжать молитву. Я прочитал канон на исход души до конца. Он ласково сказал мне: “Я за этим звал тебя, чадо. Ты примешь мой последний вздох и последнее благословение,— и затем добавил: — Садись рядом и читай по

четкам молитву”. Мы оба молча читали молитву. Он спросил: “Ты видишь, сколько монахов стоят в келии? Они пришли за мной”. Я понял, что это те монахи, которые жили и похоронены в Бетании... “Я тебе скажу о своем видении, но это тайна, никому не говори о ней”. Он рассказал мне о бывшем ему откровении, и сердце мое исполнилось страхом. “Скрой это в своем сердце”,— повторил он. Уже догорели свечи, я заменил их другими. Увидев, что четки выпали из рук отца Иоанна, я взял их с пола и одел на его руку. Он сказал: “Молись вслух, я буду слушать”. Я громко читал Иисусову молитву, и вдруг отец Иоанн как бы встрепенулся, радость отразилась на его лице. “Мой брат и отец Иоанн пришел за мной,— сказал он,— а вместе с ним...” — и он замолк, его голова опустилась на грудь. Прошли минуты молчания. Я подошел к нему. Он был уже мертв...

Я молился всю ночь. Утром в монастырь пришли люди, точно узнав о смерти настоятеля. Мы сообщили Патриарху Ефрему о кончине великого старца. Он сам служил погребение, плакал и говорил: “Отец Иоанн, когда ты предстанешь престолу Божию, помолись обо мне!”.

Я остался на некоторое время в Бетании вместе с другими богомольцами и каждый день служил панихиду на могиле новопреставленного старца,— вернее, служил панихиду о двух подвижниках, могилы которых находятся рядом в знак того, что они и по смерти неразлучны друг с другом. Когда умер отец Иоанн, я взял его четки и с ними как его благословением вернулся домой».

Архимандрит Гавриил говорил: «Если бы вы видели, какая благодать сходит на Литургии, то были бы готовы собирать пыль с пола храма и умыть ею свое лицо!».

В 60-х годах отец Гавриил построил у себя во дворе церковь. Об этом узнал уполномоченный по делам религии, и, вызвав одного высокопоставленного иерарха, сказал, чтобы тот принял меры и велел отцу Гавриилу тихо, без шума разобрать эту церковь. Видимо, уполномоченный не хотел скандала и слухов о себе, как о поджигателе церкви. Иерарх предложил ему вместе поехать к отцу Гавриилу и поговорить с ним.

Они приехали в дом отца Гавриила, который находился недалеко от Варваринской церкви; уполномоченный остался во дворе, а иерарх зашел в храм, где молился отец Гавриил. Он сказал: «Сын мой, Гавриил, какой хороший храм ты построил своими руками! Но знаешь, какое теперь время: иногда более мудро отступить, чем идти вперед. Послушай меня, разбери его; положение переменится, и тогда ты снова построишь эту церковь, и я приду помолиться с тобой. Скажи об этом уполномоченному». Отец Гавриил вышел во двор и сказал: «Я разрушу».

Прошло несколько дней. Отец Гавриил разобрал переднюю стену, отодвинул на два метра и построил снова. Он сказал: «Я послушал и разрушил, а теперь настало хорошее время — и построил». Больше отца Гавриила не трогали.

Однажды отец Гавриил, измазавшись где-то мазутом, танцевал на паперти церкви. Детвора, окружив его, хлопала в ладоши и кричала: «Таши-туши». На шум из храма вышел священник и, обращаясь к отцу Гавриилу, закричал: «Ты понимаешь, дурак, что делаешь?». Отец Гавриил ответил: «Не я дурак, а тот, кто дает молодым монашество. Это он не понимает, что делает». И, сказав это, отправился домой.

Однажды отец Гавриил молился в алтаре Сионского собора. К нему подошел один известный архимандрит, пользовавшийся среди монашествующих авторитетом, и приветствовал его. Отец Гавриил пристально посмотрел на него и неожиданно сказал: «Несчастный, сейчас же становись на колени и кайся в своих грехах!». Архимандрит, оскорбившись, ответил: «Какое тебе дело до моих грехов? Я сам знаю, когда каяться!». Тогда отец Гавриил подошел к престолу и закричал: «Тебе говорю, ты проклят Богом!». Такой поступок удивил и возмутил присутствовавших в алтаре. Через несколько лет этот архимандрит ушел в раскол...

Однажды отец Гавриил на праздник 7 ноября поджег огромный портрет Ленина, который висел на Доме правительства. Когда на допросе его спросили, почему он это сделал — ведь христиане должны уважать власть,— то отец Гавриил ответил: «Потому что на

портрете было написано: “Слава великому Ленину!”. Вся слава принадлежит Богу, а какая слава может быть у мертвой головы! Я сжег его портрет не как правителя, а как идола!» [8].

Когда отца Гавриила посадили в тюрьму за то, что он сжег портрет Ленина, он начал рассказывать заключенным о Боге; когда же он вставал на молитву, то многие из них опускались на колени и молились вместе с ним. Даже бандиты просили, чтобы отец Гавриил рассказал им о христианской вере и помолился за них.

Оказавшись снова на воле, отец Гавриил решил: «Если преступники послушали меня, то я должен напомнить народу о Боге». Взял он иконы, пошел на главную площадь, называемую теперь площадью Свободы, поставил их там, достал книгу и стал громко читать молитвы. Он рассказывал нам: «Некоторые останавливались, чтобы посмотреть, что я делаю, но, назвав меня сумасшедшим, проходили дальше, другие не обращали никакого внимания. Затем приехала милиция. Мои иконы разбросали, а когда я хотел собрать их с земли, выкрутили руки за спину; меня потащили, как преступника, хотя я не сопротивлялся, посадили в машину и повезли в участок. Там меня побили и сорвали крест. Нигде никто не заступился за меня ни одним словом. Раньше я думал: “Зачем Господь посылает скорби на землю?”. А теперь я понял: камень разбивают молотом. Многих людей только горе и скорби могут привести к Богу».

Однажды архимандрит Ксиропотамского монастыря [9] в сопровождении некоторых других лиц приехал в Грузию, посетил монастыри и захотел увидеть отца Гавриила. Отец Гавриил узнал об этом, и когда они пришли к нему в келию, то увидели его совершенно «пьяным». Отец архимандрит сказал тогда: «Теперь я вижу, что это настоящий саллос (юродивый): он не хотел говорить с нами и не хотел огорчить нас отказом». Помолвившись, они вышли из его келии.

Как-то ночью во дворе монастыря, где жил отец Гавриил, раздался страшный крик. Это кричал отец Гавриил голосом, похожим на львиный рев. Потом он взял палку и стал колотить о железный лист. Монахини выглянули из окон, чтобы увидеть, в чем дело. Оказывается, он ругал старшую из них, которая без благословения спилила дерево. Монахини закрыли окно и потушили свет. Отец Гавриил продолжал ходить по двору и кричать, что это не монахини, а лесорубы. Когда наутро его спросили, зачем он это делал, то он ответил: «Монахинь нужно смирать, это им полезно: тогда они лучше каются; кто хвалит их, тот их первый враг».

Отец Гавриил рассказывал, что к нему приходили исповедоваться архиереи; это смущало его. Тогда он начал давать им епитимьи, и они перестали исповедоваться у него и нашли других духовников.

Рассказывала духовная дочь архимандрита Гавриила: «Однажды мне сильно захотелось увидеть своего духовного отца, хотя особых вопросов к нему не было. Я думаю: “Что бы понести ему?”, а денег у меня только двадцать копеек: как раз на дорогу. Тогда я решила купить буханку хлеба и пойти пешком. Когда я пришла к нему, он сказал: “Я сварил суп, а хлеба у меня не было; садись, пообедаем вместе”. Потом он сказал мне, что не хотел выходить из келии и молился, чтобы Господь послал ему хлеб».

Когда отец Гавриил умирал, то сказал: «Через три года откройте мою могилу, и я встречу вас».

Очевидцы рассказывают, что на месте погребения [10] архимандрита Гавриила происходят исцеления, и многие больные приходят, чтобы взять елей из лампы, горящей на его могиле. Поток этих людей настолько увеличился за последние годы, что одна из монахинь несет послушание у могилы отца Гавриила: наливает в лампаду елей и затем раздает его богомольцам.

Говорил отец **Георгий (Булискерия)**: «Вся философия и мудрость мира заключаются в Иисусовой молитве, поэтому монах — истинный философ (любитель мудрости)».

Когда Патриарх **Давид (Девдариани)** [см. Примечание 10] перед архиерейской хиротонией принял монашеский постриг, то сказал, что с этого дня уже никогда не переступит порога своего дома, и действительно сдержал свое слово. Даже когда умерла его

бывшая супруга, он не пришел попроситься с ней, а передал, что для покойницы достаточно молитвы. Так он охранял свое монашество.

Сказал Патриарх Давид: «Мать для своего ребенка — это стена нерушимая и стража неусыпная».

Патриарх Ефрем (Сидамонидзе) любил выращивать цветы. Когда его арестовывали, то при обыске, в поисках денег, разбили цветочные горшки, но, конечно, ничего не нашли. Патриарх Ефрем сказал: «У меня с цветами одна участь: их сломали и бросили на пол, а меня уводят в тюрьму».

Патриарх Ефрем рассказывал, что когда однажды ночью его привели в тюрьму, то все места на нарах были заняты, и он лег на полу. Увидев это, татарин-магометанин уступил ему свои нары. Патриарх (тогда еще епископ) сказал: «Тут хватит места на двоих», но татарин ответил: «Я недостойн лежать рядом с Божиим человеком».

Около резиденции Патриарха Ефрема пилили дерево. Он вышел и стал указывать, как надо пилить, чтобы ствол дерева при падении ничего не повредил. «Вы откуда знаете, Святейший, наше дело?» — спросили рабочие. «Я шесть лет был на лесопилке, как мне не знать», — ответил Патриарх.

Однажды Патриарх Ефрем увидел, что двор перед его резиденцией не убран и, взяв метлу, начал сам подметать. Прибежала провинившаяся монахиня и стала отбирать у него метлу, но он не давал. Тогда она громко заплакала и упала перед ним на колени, и он отдал метлу.

Прихожане одной церкви жаловались Патриарху на священника. Он приехал к вечерней службе, стал у дверей, а когда служба кончилась, то взошел на амвон и сказал: «Я хочу носить шелковую рубаху, но денег нет, приходится носить простую из ситца. Вы хотите безгрешного священника, а у меня такого нет. У вас в храме поют “Господи, помилуй”, а этого вполне достаточно для вашего спасения» — и вышел из храма.

Послушав проповедь одного иеромонаха, Патриарх Ефрем сказал ему: «Говоришь ты складно, но на твоём месте я не говорил бы так много при архиерее».

Говорил он также этому иеромонаху: «Несколько слов игумении, сказанные от ее многолетнего опыта, имеют больше силы, чем твои проповеди».

Говорил Патриарх Ефрем: «Если из двоих один умный, то ссоры не будет». В Прощеное воскресенье он сказал священникам: «Целуйте епитрахиль и престол, целуйте друг друга, согревайте друг друга теплом своей любви».

Когда Патриарху Ефрему сообщили, что он должен вступить в экуменическое движение, то он вернулся от уполномоченного по делам религии в волнении, но никому не рассказал, что произошло. Только келейница слышала, как он произнес вслух: «Они хотят, чтобы все было по-другому».

Когда, будучи в Санкт-Петербурге (в ту пору — Ленинграде), Патриарх Ефрем совершал Литургию, то на великом входе один из епископов помянул его как «Патриарха всех грузин и армян». Патриарх, как бы для ответного поминовения обернувшись в сторону этого епископа, тихо сказал: «Сам ты еретик» — и продолжал службу.

На одной из конференций Совета Мира Патриарха Ефрема попросили сказать речь. Он поднялся на трибуну и, обращаясь к американцу, сидящему в первом ряду, спросил: «Ты, американец, хочешь войны?». Тот ответил: «Конечно, не хочу». Патриарх сказал: «Я тоже не хочу» — и сошел с трибуны. Это было самое краткое из всех выступлений, но оно вызвало самые продолжительные аплодисменты.

Патриарх Ефрем всегда с чувством уважения вспоминал Патриарха Христофора (Цицкишвили) [см. Примечание 11], которого многие считали излишне уступчивым атеистическому правительству. Патриарх Ефрем говорил: «Я знаю его, он готов был бы отдать свою жизнь за Христа, если бы это нужно было для Церкви, но ему выпала тяжелая участь полководца, который должен отступить под натиском врага, чтобы не потерять своего войска. В своей личной жизни он был аскетом, а прагматики аскетами не бывают. Он очень уважал в душе Патриарха Амвросия [см. Примечание 12], но внешне, для вида противостоял ему, однако они делали одно дело, только по-разному».

Однажды Патриарх Ефрем в день Благовещения, обращаясь к народу, сказал: «Сегодня я хочу сделать вам подарок — поделиться своим опытом. Когда мне тяжело на сердце, то я подхожу к иконе Благовещения и говорю: “Святой Архангел, ты принес радостную весть Деве Марии, принеси и мне радость, исполни мои молитвы, но только по воле Божией”».

По вечерам Патриарх Ефрем выходил во двор Сионского собора, садился на скамейку и беседовал с соседями по двору, рассказывая им случаи из своей жизни. В нем была особая простота. Как жаль, что его рассказы никто не записал!

Когда умер схиархимандрит Иоанн [11], то Патриарх Ефрем сказал: «Умер великий старец. Он был отцом для всех нас».

Когда гроб с телом схиархимандрита Иоанна опускали в землю рядом с его духовным братом архимандритом Иоанном [12], то Патриарх Ефрем со слезами сказал: «Подвиньтесь, отцы, чтобы и мне лечь рядом с вами».

Перед смертью Патриарх Ефрем сказал: «Пора мне идти в свой последний путь. Я снимаю все наказания с тех, кого я наказал, я прощаю всех и прошу у тех, кого я обидел, прощения; весь суд я предоставляю Богу».

Митрополит **Зиновий (Мажуга)** сказал монаху, который спросил его, как спастись: «Когда ты находишься один в своей келии, то твори Иисусову молитву и отгоняй все помыслы, не только худые, но и добрые. Безмолвие монаха — это свобода от помыслов. Если будешь поступать так, то увидишь Промысл Божий в своей жизни». Говорил еще митрополит Зиновий: «Послушание выше любви, так как любовь без послушания оказывается страстью, а послушание, очищая душу человека, ведет ее к любви духовной. В гордом и непослушном сердце нет и не может быть любви; это самообман».

Митрополит Зиновий говорил: «Не имей у себя никакой вещи или одежды того, к кому ты питаешь пристрастие, иначе эта вещь будет напоминать о грехе и станет для тебя преткновением».

Сказал митрополит Зиновий: «В юности я особенно любил читать творения Иоанна Златоуста: какая глубина у этого отца!».

Сказал митрополит Зиновий ученому монаху: «Старайся не читать книг инославных писателей, хотя бы не находил в них ничего плохого. В этих книгах другой, тяжелый, дух — так говорили нам наши старцы».

Сказал владыка Зиновий: «Не надо иметь ни к чему привязанности, даже к святыне».

Он же сказал: «Сберкасса, где я храню свои деньги, — это люди».

Сказал митрополит Зиновий: «Не рассказывай своих грехов женщине, даже игумении; это будет бесполезно для ее души».

Митрополит Зиновий сказал молодому монаху: «Бойся горячо молиться о тех, к кому ты питаешь плотское пристрастие; такая молитва негодна Богу: в ней содержится тайный блуд. Вверх этого человека Промыслу Божию, а сам забудь о нем. Если исполнишь это, то за твою решимость Господь не оставит его Своей милостью и примет твое забвение как молитву».

Патриарх **Каллистрат (Цинцадзе)** [см. Примечание 7] долго молился перед иконой святителя Николая, а затем сказал: «Ты архиепископ, а я Патриарх, поэтому услышь и исполни просьбу Патриарха».

Патриарх **Кирион (Садзаглишвили)** [см. Примечание 13] сказал: «Я испытал голод и поэтому храню в своем патриаршем доме сухари».

У игумена **Луки** [13] из Сенаки украли крест. Он, узнав, кто это сделал, послал ему цепь со словами: «Я давно хотел подарить тебе этот крест».

Рассказывал архимандрит **Парфений (Апциаури)**: «Когда я был отроком, то мать (мачеха) сама привела меня в Шио-Мгвимский монастырь. Там мне дали послушание пасти коров. Когда я громко молился, то коровы не уходили далеко, не разбегались в стороны, они паслись вблизи меня, как будто слушали молитву».

Рассказывал отец Парфений: «В 20-е годы настоятелем Шио-Мгвимской обители назначили молодого иеромонаха Ефрема ([Сидамонидзе] будущего Патриарха Грузии). Однажды он спросил у меня: “Ты знаешь, что значит открывать и закрывать монастырские

ворота?» Я ответил, что делаю это уже несколько лет. Он сказал: «Ложась спать, повторяй в уме какой-нибудь стих Псалтири и засыпай с ним, этим ты закроешь от диавола свое сердце. Утром, просыпаясь, прежде всего произнеси Иисусову молитву, а затем наизусть какие-нибудь стихи из псалма, этим ты посвятишь начаток своего дня Богу. С Его именем начинай день: открывай ворота монастыря». Эти слова я принял как благословение игумена и, каким бы я не был уставшим, перед сном читал Псалтирь, затем повторял один из прочитанных стихов и так погружался в сон. Я чувствовал, что и во сне читаю молитву».

Сказал отец Парфений: «Монах за трапезой должен брать столько пищи, чтобы покрыть дно тарелки».

У отца Парфения спросили: «Как заниматься Иисусовой молитвой?». Он ответил: «Когда я был молод, то старался найти время, чтобы уединиться, и, читая Иисусову молитву, клал множество поклонов. Теперь я большей частью читаю Иисусову молитву, сидя на стуле. Когда я с людьми, то творю ее в уме, когда один, то говорю ее тихо, вслух себе, а когда согревается сердце, то сижу и слушаю молитву; когда она замолкает, снова читаю ее шепотом вслух».

Еще говорил отец Парфений: «Молись, и сама молитва научит тебя молитве, только старайся читать ее внимательно и неспешно».

Отец Парфений сказал: «Если молитва не идет, то тащи ее». — «Что это значит, отче?» — спросили у него. «Если ты хочешь внимательно молиться, но не можешь, вспомни, какие грехи мешают тебе; покайся и молись снова. Если молитва опять не идет, то подумай, кого ты не прости от сердца. Прости их и снова молись. Если опять трудно молиться, то проверь себя: кого ты любишь больше других, о ком особенно заботишься? — Уравняй их в своем сердце с остальными. Если и это не помогло, то, значит, ты подвергся демонскому искушению; тогда встань и читай молитву вслух, хотя бы ум и сердце твое были глухими, как камень. Только не оставляй места и не прекращай молитвы».

Отец Парфений сказал: «Во времена гонений, когда каждую ночь меня могли арестовать, молитва сама шла в сердце, как вода из источника». — «А теперь?» — спросили отца Парфения. «Теперь этот родник надо постоянно расчищать от песка, чтобы он не иссяк», — ответил старец. Возможно, под песком он подразумевал заботы и впечатления этого мира.

Отец Парфений сказал: «Демон всеми способами старается отвлечь монаха от его главного делания. Даже продолжительное чтение духовных книг бесполезно, если оно отвлекает ум монаха от молитвы. Я видел монахов, которые читали духовные книги часами с таким восторгом, с каким читают светские люди романы, но не исполняли того, что написано там, и говорил им, что они лучшее променяли на худшее».

Говорил отец Парфений: «Некоторые монахи читают научную литературу, чтобы уметь говорить со светскими образованными людьми на их языке. Они не понимают, что ученые ищут у монахов не того, что знают лучше их, а того, чего не имеют сами, — духовности».

Сказал отец Парфений: «Монах, занимающийся наукой, занимается чужим делом: он перестает быть монахом, а ученым не становится. Делание монаха — творить в безмолвии Иисусову молитву».

Сказал отец Парфений: «Сколько книг написали люди и забыли о Книге книг — Святом Евангелии!».

Говорил отец Парфений: «Теперь ученых много, а монахов мало».

Отец Парфений сказал: «Монах должен подражать улитке: сидеть, как в раковине, в своей келии и молчать, а не переходить с места на место».

Отец Парфений сказал: «Разговоры о блудных грехах даже в целях назидания бесполезны. Они растрavляют раны души и ведут человека к падению. Грех блуда особенно опасен тем, что душа человека имеет тайную привязанность к нему; эта страсть может быть незаметной, как тлеющий уголек под пеплом».

Сказал схиигумен **Савва (Остапенко)** [см. Примечание 14]: «Духовный отец дан для спасения, а не для дружбы».

Сказал отец Савва: «У тебя стол ломится от непрочитанных книг, а ты еще ищешь новых».

Схиигумена Савву спросил один монах: «Бывают случаи, когда я поневоле говорю неправду. Ко мне приходят люди с пустыми разговорами, и я передаю, что меня нет дома». Отец ответил: «А ты скажи: “Я дома, но не могу принять вас”».

Однажды отец Савва, сделав вид, что рассердился на духовное чадо, сказал ему: «Паршивая овца все стадо портит». Тот опустился на колени и просил прощения. Авва слегка ударил его по лицу. Тот попросил: «Ударьте еще, чтобы бес убежал». Отец сказал: «Что, я должен исполнять твою волю?». После этого удара на душе у духовного чада стало необычайно легко.

Схиигумен Савва любил Грузию. Одно время он приезжал сюда каждый год. Он задался целью найти ту пещеру около Коман, где много лет сокрывалась от византийских иконоборцев глава Иоанна Предтечи. Это место было забыто, в Сухуми не знали о нем, казалось, что оно уже потеряно. Но отец Савва стал расспрашивать жителей близлежащих к Команам селений, не слышали ли они когда-нибудь об этой святыне? Наконец нашелся один старый грек, который сказал, что он помнит, как во времена его детства народ посещал некоторое место в горах и сам бывал там. Он соглашался послужить проводником и указать пещеру. Так в 60-х годах было вновь обнаружено место, где когда-то была сокрыта глава Крестителя Господня Иоанна.

Отец Савва, приезжая в Грузию, всегда посещал пещеру главы Иоанна Крестителя, а также источник мученика Василиска. Своих чад он благословлял на паломничество по святым местам Грузии и говорил, что хотя теперь путь в Палестину закрыт, но у нас есть вторая Палестина — Грузия.

Когда отец Савва молился, то его лицо как-то необыкновенно сияло, как будто озарялось внутренним светом, и становилось поразительно похожим на лицо Иоанна Кронштадтского, особенно — его ясный, как кристалл хрусталя, пронизывающий взгляд, который смотрел прямо в душу человека.

Схиархимандрит **Серафим (Романцов)** сказал: «Тем, кто занимается Иисусовой молитвой, хорошо иметь дома большую икону Спасителя. Начинайте молиться с поклонами перед ней, но затем, продолжая молиться, смотрите не на икону, а в свое сердце. Если молитва ослабнет, то снова взгляните на икону, а затем опять заключайте ум в слова молитвы. Для Иисусовой молитвы надо войти внутрь себя и пребывать там».

Отец Серафим говорил: «Единственный подвиг для юных — это послушание. Подвижничество без послушания ходьба на ходулях».

Отец Серафим рассказывал: «Крестное знамение убивает не только духовную, но и телесную заразу. Во время войны я находился вместе с заразными больными, у них от болезни были гнойные язвы на лицах. Нам приходилось есть из одного котла. Я трижды осеял пищу крестным знаменем и ничем не заразился».

Сказал отец Серафим: «Мужественного послушника наказывай строго, а немощному — уступай. Теперь люди стали немощными, быстро оскорбляются и унывают. Я предпочитаю делать замечания только в самых необходимых случаях».

Одной матери, жалующейся на детей, отец Серафим сказал: «Ты хорошо помнишь заповедь: “Чти отца и мать свою” [14], а забыла о другой: “Родители, не раздражайте своих чад” [15]».

Покойный иеромонах **Филарет** из Одесского монастыря хотел прописаться в поселке, недалеко от Сухуми. Начальник паспортного стола сказал ему: «Сначала сбрей бороду, а потом поговорим». Иеромонах Филарет ответил: «Маркс и Энгельс тоже имели бороды, значит, ты и их бы не прописал».

У одного высокопоставленного **иерарха** Грузинской Церкви спросили, как он думает, где будет душа покойного армянского патриарха Вазгена. Он ответил: «Там, где его именитые предшественники». Этот ответ удовлетворил всех: и монофизитов, и православных.

Игуменья Ольгинского монастыря Ангелина рассказывала: «Когда я была послушницей, то задумывалась, что лежит выше звезд, какой мир находится там, что значит бесконечность, как может Божество быть в трех лицах, и пыталась представить себе это — и вдруг почувствовала сильную головную боль. Я стала просить у Бога прощения за свои дерзкие вопросы. Боль прошла, но у меня началась бессонница. Много недель я не могла спать и лежала с открытыми глазами. Игуменья послала меня по святым местам. Через год моя болезнь постепенно прошла. С тех пор я не дерзаю ни говорить, ни думать о том, что выше моего разума, а прошу у Господа даровать мне плач о моих грехах».

Игуменью Ангелину спросили: «Что особенно запомнилось тебе во время этого странничества?». Она ответила: «В Новоафонском монастыре я видела монаха, который шел в церковь, устремив глаза в землю, словно он не видел никого и ничего вокруг себя. Мне захотелось заговорить с ним, и я попросила у него книгу об Афоне. Он молча зашел в свою келию, вынес книгу и дал мне, даже не посмотрев на меня,— и не сказав ни слова, возвратился к себе».

Игуменья Ангелина говорила: «В молодости монах борется со страстями, а в старости страсти сами оставляют его. Это вовсе не одно и то же. Лучшее время для монаха — это юность».

Говорила игуменья Ангелина: «Ложное бесстрастие хуже явных страстей. Борьба со страстями может привести к победе, а ложное бесстрастие ведет человека в яму, которую вырыл для него сатана».

Одна инокиня вышла замуж, но затем посещала Ольгинский монастырь, и матушка Ангелина принимала ее в своей келии. Эта женщина как-то сказала: «Матушка, я все время каюсь в том, что согрешила». Игуменья ответила: «Если бы ты каялась, то вернулась бы в монастырь, даже если бы тебе надо было бежать по дороге, усеянной осколками стекол, босыми ногами».

Другой раз эта женщина сказала: «Матушка, вы презираете меня». Игуменья ответила: «Я не презираю создание Божие, но диавол, который искушил тебя, теперь презирает тебя и смеется над тобой».

В Ольгинском монастыре был праздник. После службы какие-то гости подошли к клиросу, где вместе с певчими стояла и игуменья Ангелина, и стали благодарить ее за прекрасное пение хора. Особенно им понравился голос монахини, которая пела низким контральто (то есть, как называли это в монастыре, басом), и они просили показать им ее. Игуменья Ангелина, выслушав их, сказала: «У нас бас свиной пас», а когда сконфуженные таким ответом гости отошли, то добавила: «Где голосок, там и бесок». Так она учила монахинь смирению.

Монахиня **Валентина** сказала: «Пост для нас — время искушений; сестры, будьте осторожны, не бросайте слова, как зажженные спички, чтобы не было пожара в монастыре. А если сестра по немощи будет ругаться и браниться, то не спорьте с ней и утешайте ее; она скоро поймет, что это было искушение от диавола, и покается».

Монахиня Валентина говорила: «В девичьем монастыре должен служить не молодой иеромонах, а старый иерей, чтобы он не искушал нас и сам не искушался».

Игуменья Самтаврского монастыря мать **Зоили** сказала: «Я монахиня с юных лет, рука мужчины никогда не касалась меня, но я прошу Господа, чтобы Он помиловал меня, как блудницу, которая помазала Его ноги миром, смешанным со слезами».

Мать Зоили говорила: «В молодости меня бороли страсти, и я после вечерних молитв тайно шла ночью на гору к Иоанно-Зедазенскому монастырю, молилась у его стен, а затем возвращалась в свой монастырь к утренней службе. Я шла со слезами, а возвращалась с радостью, словно ношу свою оставила у преподобного [16]».

Спросили у матери Зоили: «Не мешают ли твоей молитве миряне, которые приходят в монастырь и ищут беседы с тобой?». Она ответила: «Мне будет большей помехой в молитве, если я не приму человека, и он уйдет неутешенным и огорченным».

Спросили мать Зоили: «Не теряешь ли ты внутреннюю молитву во время бесед с мирянами?». Она ответила: «Когда я беседую с мирянином, то больше слушаю, чем говорю».

В это время я молюсь за себя и за него и произношу Иисусову молитву со словами: “помилуй нас”, а иногда — “ради его молитв, помилуй нас”».

Мать Зоили говорила: «Хорошо монахиням по ночам петь акафист Божией Матери; монахини должны знать этот акафист наизусть».

Матери Зоили сказали: «Мы не видели тебя разгневанной; но что бы ты сделала и как бы ты поступила, если бы увидела дерущихся между собой сестер?». Та ответила: «Я сказала бы им: “Если вы хотите драться, то деритесь подушками”».

Спросили у матери Зоили: «Чем вы питались в эти голодные годы?». Она отвечала: «Мы испытывали нужду, но не голод. Когда у нас кончалась пища, то Господь чудесным образом присылал ее, присылал, когда было необходимо и сколько нужно». К этому она добавила, слегка улыбнувшись: «Если монахи и волки будут спать по ночам, то останутся голодными» (это она говорила о ночной молитве).

Мать Зоили рассказывала: «Во Мцхете жил известный цветовод по фамилии Мамулашвили. Он не заходил в наш монастырь, и мы считали его человеком, всецело погруженным в мирские дела. Пришло время, и нам велели уходить из монастыря на все четыре стороны, угрожая, что если кто задержится, то его отправят в тюрьму. Двор оцепила милиция, приехало начальство, наши вещи выкинули из келий. И вдруг появился Мамулашвили. Он сказал, чтобы нас не трогали, так как он берет нас к себе на работу. Он сам перевез наши вещи в свой дом, взял наши иконы и книги, приютил нас всех; кормил нас и заботился о нас, как отец о своих дочерях или брат о своих сестрах. А ведь за это его могли самого сослать! Через несколько месяцев — не знаю, по какому ходатайству,— нам разрешили вернуться в монастырь и выделили несколько комнат, а остальные помещения взяли под туберкулезный диспансер. Мамулашвили помог нам переехать и после этого опять не появлялся у нас. Но я думаю, что он через других людей тайно посылал нам милостыню. Это было мне уроком: не судить из людей никого».

Говорила мать Зоили: «Игуменья монастыря — Божия Матерь, а я только трапезарница, которая разделяет между сестрами хлеб».

Мать Зоили сказала: «Я хотела бы мыть посуду после трапезы сестер, но они не позволяют мне этого, и я слушаюсь их».

У матери Зоили спросили: «Кого ты приготовила своей преемницей?». Она отвечала: «Когда я буду умирать, то поставлю игуменский посох у моей келии: кто хочет, пусть возьмет его».

Рассказывали про мать **Феодору**, игуменью Свято-Троицкого женского монастыря в Гурии, что в юности она была необыкновенной красавицей и ее несколько раз пытались похитить из монастыря, но Господь защищал ее, неожиданно появлялась помощь: то паломники шли в монастырь, то пастухи гнали стада. Мать Феодора пережила всех сестер монастыря, власти словно забыли об их обители. Как-то, когда оставалось всего трое или четверо сестер, на монастырь напали грабители. Мать Феодора схватила прут и стала их бить. Грабители, увидя старицу с прутом в руках, рассмеялись и ушли.

У игуменьи Феодоры всегда был радостный вид. Даже морщины на лице придавали ей какую-то особую красоту, как будто лицо ее искрилось лучами. Смотря на нее, люди начинали радостно улыбаться, словно от нее исходил какой-то невидимый свет утешения. Я видел игуменью Феодору незадолго до ее смерти, когда посетил монастырь вместе с монахом Георгием (Булискерия). Они сидели рядом друг с другом и вспоминали ушедшие времена, своих духовных наставников и братьев, которые уже давно были в могиле. Эти двое монахов казались мне двумя последними цветами, которые вот-вот сорвет осенний ветер. В их обращении было что-то детское; я вспоминал слова одного епископа: «Монах до старости ребенок». Когда мы спускались с горы, где был монастырь, то мать Феодора вышла проводить нас. Она шла по крутой дороге, худенькая, как бы воздушная. Годы не согнули ее плечи, она шла с легкостью молодой девушки. Когда мы попрощались, то поцеловали друг другу руки. И я вспомнил другие слова, сказанные на погребении одного монаха-пустынника: «Зачем такие люди умирают!..».

Примечание:

[1] Имеется в виду одноименная обитель в честь Рождества Пресвятой Богородицы, расположенная неподалеку от Тбилиси.— *Ред.*

[2] До пострига в схиму — архимандрит Георгий (Мхеидзе), бетанский старец, последний настоятель монастыря.— *Ред.*

[3] Старцы — это архимандрит Иоанн (Майсурадзе) и схиархимандрит Иоанн (Мхеидзе).— *Ред.*

[4] Отец Василий говорит здесь о тех же двух старцах.— *Ред.*

[5] О нем известно, что он был постриженником Глинской пустыни, по закрытии ее подвизался на Кавказе. В сан был рукоположен уже в Тбилиси владыкой Зиновием (Мажугой).— *Ред.*

[6] Речь идет о схиархимандрите Серафиме (Романцове).— *Ред.*

[7] Это говорится об архимандрите Иоанне (Майсурадзе), уже упоминавшемся выше, — настоятеле Бетании, в описываемое время уже покойном.— *Ред.*

[8] Рассказывают, что за этот поджог отца Гавриила уже решено было расстрелять. Однако затем местные власти, видимо, не желая создавать ему славы мученика, сочли за лучшее признать его сумасшедшим. Отца Гавриила «освидетельствовали» и поместили в больницу. По прошествии же какого-то времени он был выписан из больницы и даже... получил пенсию (за поджог портрета «вождя»!).— *Ред.*

[9] Монастырь Ксиропотам, находящийся на Святой Горе Афон.— *Ред.*

[10] Архимандрит Гавриил похоронен в Самтаврском Мцхетском женском монастыре святой равноапостольной Нины.— *Ред.*

[11] Уже упоминавшийся выше схиархимандрит Иоанн (Мхеидзе).— *Ред.*

[12] Под привязанностью здесь нужно понимать страстное отношение.— *Ред.*

[13] Об этом подвижнике известно, что в молодости у него исповедовался нынешний предстоятель Грузинской Церкви Католикос-Патриарх Илия II.— *Ред.*

[14] См.: Втор. 5, 16.— *Ред.*

[15] См.: Еф. 6, 4.— *Ред.*

[16] То есть у преподобного Иоанна Зедазенского.— *Ред.*

Когда я думаю о прошлом

Когда я думаю о прошлом, то оно представляется мне каким-то списком убытков и счетом потерь. Это отчет в прожитой жизни перед самим собой. А что откроется в вечности, когда обнажатся темные глубины души,— кто знает? Если я спрошу себя, о чем я сожалею больше всего, то, пожалуй, отвечу: не столько приходится сожалеть мне о своих грехопадениях, которые неизбежны для гордого духа, сколько о другом.

Господь дал мне возможность, которая уже не может повториться: встречи и общение с людьми, стяжавшими то, что потерял наш праотец,— благодать. В этих людях чувствовалась неземная сила, они излучали какое-то непостижимое духовное тепло. Самой жизнью своей они свидетельствовали о Боге, как лучи — о существовании солнца, в сердцах своих нося свет, зажженный от Фаворского света. Они имели то, о чем позабыл мир, что так трагически потеряло человечество,— святость.

Я был рядом с этими людьми, видел их, беседовал с ними, чувствовал исходящую от них благодать, ту особую мудрость, которая не только знает, но и видит. Я ощущал силу их молитв, проникновенность слов и в то же время, как это ни странно, не дорожил встречами с ними, встречами, которые и по сей день остаются величайшими событиями в моей жизни. Я думал, что они будут всегда, что общение с ними не дар Божий, а обыденность и повседневность. Я не дорожил ими, и это одна из самых больших ошибок в моей жизни. Я не взял у них то, что они предлагали мне. И более того,— какая слепота! — я думал, что знаю творения аскетов и патерики лучше них, и часто заменял общение с ними книгой, которую читал через призму своих страстей.

Они хотели передать мне то, что стяжали великими трудами, борьбой с грехом и послушанием своим старцам. Но я ничего не смог приобрести от их богатства, потому что моя гордость, как стена, стояла между нами. Старец, стяжавший благодать, хочет поделиться ею, он радуется, если находит душу, способную принять это сокровище, радуется так, как будто приобретает сам.

Другие были послушнее меня, по своей простоте они в большей степени смогли перенять дух старцев. Но, хотя я ни в коем случае не осуждаю их, мне кажется, что и это было лишь тусклым отражением. Они переняли больше, чем я, но и это «больше» оказывается очень немногим.

Преподобный Макарий Великий говорил: «Я не монах, а только видел монахов», хотя сам был яркой звездой на небе Фиваиды. Что же сказать нам? На наших глазах ушли последние духоносные старцы. Это было уже не оскудением, а катастрофой. Старцы походили на земных Ангелов. Свойство Ангела — смирение. Ангел — невидимый плотскими глазами дух; и они старались быть невидимыми и неизвестными для этого мира. Лишь тот, кто имел духовные очи, мог увидеть их истинное величие и красоту. Только после их ухода в вечность я понял, что мог бы иметь и что потерял.

Трагизм положения современного монашества состоит в том, что оно практически не имеет наставников, которые бы занимались в течение своей жизни деланием Иисусовой молитвы и очищением сердца. Но был момент трагизма и в жизни последних старцев: они не находили себе искренних учеников и послушников, тех, кто мог бы заменить их, воспринять их опыт и стать наследником их благословений. И эти старцы чувствовали себя одинокими — не в нашем понимании этого слова: их душа всегда была с Богом, — но чувствовали себя одинокими, подобно престарелому царю, который не может найти себе преемника и не видит руки, способной удержать его скипетр.

Около старцев был народ. Но им приходилось говорить с людьми на их детском языке, а самого сокровенного передать они не могли. Древние отцы как бы продолжали жить в своих учениках; а эти старцы уносили сокровище, которое стяжали, с собой в могилу, отдав людям лишь самую малую его часть, потому что удержать больше те не могли. Если бы я смог тогда прозреть в этих старцах духовную силу, способную дать жизнь моему сердцу и преобразить меня, то, наверное, смотрел бы на них, как нищий на богачей, старался бы слушаться их, как посланников Божиих, служить им, как своим господам; хватал бы на лету каждое их слово, как в древние времена люди хватали золотые монеты, которые бросал в толпу при выезде царь. Однако их слова казались мне слишком простыми. И они ушли из этого мира, оставив в моей душе только печаль о моей слепоте. Но нет: еще эти люди оставили мне и миру свои имена и свои могилы. Может быть, через молитву к ним или молитву о них я невидимо встречу с ними, и они без слов скажут мне то, что я не спросил у них при встрече. Или напомнят о том, что услышал, но оставил, увы, без внимания и позабыл.

Как говорит Ездра, сама земля утомилась от времени и наших грехов, и дети будут рождаться более слабыми и хилыми, чем их отцы (см.: 3 Езд. 5, 52–53). Символически это значит, что люди не смогут достигнуть той духовной высоты, какой достигали прежние подвижники, оскудеет дух благочестия, они будут рождаться и расти в атмосфере, отравленной грехом. И действительно: теперь уже нет таких старцев, как прежде; они ушли, оставив после себя какую-то невосполнимую, зияющую пустоту.

Кончилось время гонений, стали возрождаться монастыри, появилось новое поколение монахов, среди них много искренне верующих, добрых и преданных Церкви людей. Но когда при Зоровавеле возвратившиеся из плена жители Иерусалима построили новый Храм, и народ ликовал, то несколько стариков, видевших в детстве Храм Соломона, плакали и от радости, что воздвигается святилище, и от скорби, что красота и великолепие прежнего Храма уже не повторятся.

Быстро меняется мир. Два поколения прошли перед моими глазами, и мне снова хочется повторить слова Макария Великого: «Я не монах, но видел монахов». И за это я благодарю Бога.

По сравнению с ушедшими старцами, даже лучшие из монахов нашего времени похожи на угли, тлеющие в золе. Однако и эти угли еще излучают тепло, и хотя они не ярко пылающий огонь, около них все же можно не погибнуть от духовной стужи. По сравнению с прежними старцами, теперешние отцы похожи на тусклый свет ночника: он — не дневной свет, но и при его мерцании можно как-то различать очертания предметов, можно отличить дорогу от зарослей кустарника и рвов. Поэтому современные монахи, скорбящие, что уже нет старцев, должны осознать: как и мы, они не смогли бы воспринять дух прежних отцов; но пусть они дорожат теми, кто еще находится рядом с ними.

Сегодняшние наставники не имеют силы уже ушедших. Дух мира в большей степени тяготеет над ними, но и около них можно спастись. Когда же уйдут и они, в мире станет еще темнее и еще холоднее, и многие с горечью скажут им вслед: «Почему, почему мы не взяли от них хотя бы те крохи, которые они имели!..».

Примечания

1. Схиархимандрит Серафим (Романцов; 1885-1976) - глинский старец. В Глинскую пустынь поступил в 1910 г. Проходил различные послушания. Затем был призван в армию, воевал. В 1916 г. был ранен и по выздоровлении снова возвратился в обитель. В 1919 г. был пострижен в монашество с именем Ювеналий. В 1920 г. - рукоположен во иеродиакона. После закрытия в 1922 г. Глинской пустыни поселился в Драндском Успенском монастыре Сухумской епархии. Там в 1926 г. был рукоположен во иеромонаха и пострижен в схиму с именем Серафим. После закрытия Драндского монастыря жил в окрестностях Алма-Аты, работал сторожем на пасеке. В 1930 г. - арестован и выслан на строительство Беломорканала. С 1934 г. по 1946 г. жил в Киргизии. Образ жизни вел самый аскетический. Летом поднимался высоко в горы, где жил как отшельник в плетеной хижине. Время проводил в молитве, чтении Священного Писания и богомыслии. Спал очень немного, прямо на полу. Зимой жил в одной благочестивой семье, где для него специально была устроена келья. По ночам совершал богослужения, исповедовал, причащал, давал спасительные наставления обращающимся к нему. В 1947 г. вернулся в Глинскую пустынь. В 1948 г. был назначен на должность ее духовника.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) в своей истории Глинской пустыни пишет о нем: "Это был духовник опытнейший, знаток всех сокровенных движений человеческого сердца, обладатель духовных сокровищ, которые он приобрел долгим многотрудным подвигом. <...> Его беседы, преисполненные истинного смирения, согревали охладевшие сердца людей, открывали им душевные очи, просвещали разум, приводили к раскаянию, душевному миру и душевному возрождению". [1]

Помимо трудов по окормлению множества прибегавших к нему за помощью монашествующих и мирян, вел о. Серафим и обширнейшую переписку. В 1960 г. он был возведен в сан игумена. После нового закрытия обители переехал в Сухуми и здесь также продолжал подвиг старческого окормления. За свое ревностное служение в 1975 г. был возведен в сан архимандрита митрополитом Сухумским и Абхазским Илией (нынешним Католикосом-Патриархом всея Грузии).

Замечательна была кончина о. Серафима. Занемогши 18 декабря 1975 г., в канун праздника Святителя Николая, он вынужден был слечь в постель. Во время своей болезни старец непрестанно читал Иисусову молитву, а устав, просил кого-то из присутствовавших продолжать ее чтение. На протяжении двух недель он каждый день причащался Святых Христовых Таин. Находясь в полном сознании, о. Серафим сподобился увидеть многих своих братьев по духу, певших, как говорил он, стихире Божией Матери "Совет Превечный". Затем старец слабым от болезни голосом запел и сам: "Вкусите и видите, яко благ Господь. Аллилуиа". После этого видения он сказал: "О чем я молился всю жизнь и чего искал, то открылось сейчас в моем сердце; моя душа исполнилась благодати настолько, что не могу ее даже вместить". И добавил: "Теперь я буду умирать". 31 декабря о. Серафим закрыл глаза и

уже ни с кем более не говорил. А на следующий день, 1 января 1976 г., он в мире предал дух свой Богу.

Отпевание почившего старца совершил сам митрополит Илия в сослужении множества клириков. На сороковой день по кончине о. Серафима владыка вместе с прибывшими из разных мест священниками - духовными чадами усопшего - совершил в кафедральном соборе Сухуми панихиду и произнес слово. В нем, обращаясь к о. Серафиму, точно к живому, митрополит Илия сказал: "Молись за нас, отче, Богу, потому что ты приобрел перед Ним дерзновение".

2. Католикос-Патриарх Мелхиседек III (Пхаладзе; 1876–1960) появился на свет в Тифлисской губернии в семье псаломщика и в крещении был наречен Михаилом. Его отец, будучи человеком небогатым, стремился, однако, дать своим детям образование. Когда Михаилу исполнилось девять лет, он был отдан в Духовное училище, а затем продолжил свое образование в Тифлисской Духовной Семинарии и Казанской Духовной Академии, которую окончил в 1900 г. со степенью кандидата богословия. Еще в период обучения в Академии будущий Патриарх увлекался математикой, причем сохранил эту любовь к точным наукам и в последующие годы.

По завершении образования Михаил какое-то время работал преподавателем в духовных школах. Затем, в 1915 г., принял священство и служил в Подольской епархии, а позднее, когда Грузинская Церковь восстановила свою автокефалию, возвратился на родину. Овдовев, отец Михаил в 1925 г. принял монашество с именем Мелхиседек и в том же году был хиротонисан во епископа. С 1943 г. он — митрополит Урбнисский, а с 1952 по 1960 г. — Католикос-Патриарх всея Грузии.

3. Схиархимандрит Андроник (Лукаш; 1889-1974) - также известный глинский старец. В обитель поступил в 1906 г. Нес послушание в монастырской гостинице, на мойке белья, на кухне, в саду, на пасеке, затем - в скиту. В 1915 г. был призван в армию. Попал в плен, провел три с половиной года в Австрии. После окончания войны в 1918 г. вновь вернулся в обитель. В 1921 г. был пострижен в монашество с именем Андроник. После закрытия обители в 1922 г. был келейником епископа Павлина (Крошечкина), викария Курской епархии, и им в том же году был рукоположен в сан иеродиакона.

В 1923 г. отец Андроник был сослан на 5 лет на Колыму. По амнистии вернулся из ссылки раньше срока и по-прежнему был келейником у владыки Павлина, который в 1926 году рукоположил его в сан иеромонаха. Годом позже, сильно заболев, отец Андроник был пострижен в схиму с сохранением прежнего имени.

В 1939 г. снова был осужден и сослан на Колыму. Пережил в ссылке много скорбей и невзгод, но затем, в 1948 г. опять смог возвратиться в открывшуюся к тому времени Глинскую пустынь. Там вскоре был назначен благочинным и ризничим обители.

"Душа отца Андроника, - пишет о нем архимандрит Иоанн, - очищенная многими скорбями, была переполнена благодатных даров Святого Духа. Эта духовность и привлекала людей к старцу. <...> Смирение и кротость безраздельно царили в его душе, даже ходил старец, смиренно согнувшись. <...> Вначале братия обращались к нему лишь по делам послушаний, но, чувствуя его горячую, искреннюю, снисходительную ко всем человеческим немощам любовь и духовную опытность, стали поверять ему всю свою душу. После беседы со старцем, его молитв тихое и благодатное утешение наполняло их сердца. В короткое время он снискал такое доверие, что стал братским духовником". [2]

В 1955 г. отец Андроник был возведен в сан игумена. Авторитет его в обители был столь велик, что не только братия, но и сам настоятель ее, схиархимандрит Серафим (Амелин), исповедовался у него.

После закрытия Глинской пустыни в 1961 г. отец Андроник переселился в Тбилиси под непосредственное попечение митрополита Тетрицкаройского Зиновия (Мажуги), очень любившего старца. И здесь он продолжал свое старческое служение. В храм святого благоверного Александра Невского, где отец Андроник служил и исповедовал, как прежде в

Глинскую пустынь, стекались люди, ищущие спасения, со всех концов страны. В 1963 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия (Симанского) митрополит Зиновий возвел о. Андроника в сан архимандрита.

В 1973 г. старец тяжело заболел, у него отнялась левая часть тела. Не имея возможности участвовать в богослужении, он переносил болезнь безропотно, постоянно пребывая в молитве и ежедневно причащаясь Святых Христовых Таин. Уже незадолго перед смертью, находясь в забытии, он неожиданно внятно произнес: "Милость Божия все покроеет" – и стал кого-то благословлять.

Так, вероятно, Господь сподобил его увидеть кого-то из уже отошедших в мир иной собратий. После этого отец Андроник пришел в сознание и тихо сказал: "Я буду умирать", сомкнул глаза и ни с кем не разговаривал, хотя и пребывал в полном сознании. 21 марта 1974 г. он тихо и безболезненно отошел в вечную жизнь.

Тело схиархимандрита Андроника предал погребению митрополит Зиновий. А тогдашний Католикос-Патриарх всея Грузии Давид V (Девдариани), посетив могилу старца, положил на нее красное пасхальное яйцо и, обращаясь к нему, сказал: "Отец Андроник! Христос воскрес! Мы знаем, что ты теперь в Царстве Небесном. Что отличало тебя в этой жизни? Ты не имел врагов, и потому все любили тебя. Ко всем было открыто твое любящее сердце. Молись за нас, чтобы и нам разделить радость твоего блаженства".

4. Митрополит Тетрицкаройский Зиновий (Мажуга; 1896-1985) начинал свой монашеский путь в Глинской пустыни. Поступил в обитель в 1914 г. Проходил послушания при кучерской, затем при портной. В 1921 г. был пострижен в монашество с именем Зиновий.

После закрытия Глинской пустыни поступил в Драндский монастырь. Там в 1924 г. епископом Пятигорским Никоном был рукоположен во иеродиакона, а в 1926 г. - во иеромонаха.

С 1925 по 1930 гг. отец Зиновий служил в Сухуми, Затем - в Ростове-на-Дону, где и был арестован. В заключении встретился с отцом Серафимом (Романцовым). С 1942 по 1945 гг. отец Зиновий служил в Тбилиси, в Сионском Успенском соборе, был духовником скита святой Ольги во Мцхета. В 1945 г. был возведен в сан игумена.

С 1945 по 1947 гг. служил в с. Кирово, в Армении, затем, по 1950 г., в Батуми. В 1950 г. он был назначен настоятелем тбилисского храма во имя святого благоверного князя Александра Невского и возведен в сан архимандрита. А в 1952 г. был назначен членом Святейшего Синода Грузинской Православной Церкви.

За свою подвижническую и богоугодную жизнь о. Зиновий был столь уважаем грузинскими иерархами, что в 1956 г. он, русский, был рукоположен во епископа, а в 1972 г. возведен в сан митрополита Грузинской Церкви.

"Это был старец высокой духовности; его душа была озарена благодатью, обильно изливавшейся на всех, притекавших к его духовному окормлению. Имея во всей полноте дар прозрения, митрополит Зиновий вопрошавшим его открывал волю Божию. Богослужения он совершал с таким благоговением, что схиархимандрит Андроник (Лукаш) писал: "Сколько мне радости, что Господь сподобил меня помолиться в церкви со святителем нашим".

Неразрывно духовно связанный с братией Глинской пустыни, владыка Зиновий писал, что "всегда молится и призывает благословение на всех Глинских", и сам просил их молитв".

[3]

Достигнув глубокой старости, владыка Зиновий много болел. И уже на закате своей жизни он принял постриг в схиму с именем Серафим, в честь преподобного Серафима Саровского.

Скончался он 8 марта 1985 г. и был погребен в храме во имя святого благоверного князя Александра Невского, где духовно окормлял свою паству на протяжении тридцати пяти лет.

5. Архимандрит Таврион (Батозский; 1898-1978). В 1913 г. поступил послушником в Глинскую пустынь, проходил послушание в иконописной мастерской. В 1921 г., за год до закрытия обители, уже будучи монахом, вместе с епископом Рыльским Павлином (Крошечкиным) приехал в Москву, где поселился в Новоспасском монастыре. В 1923 г. по указу святителя Тихона был рукоположен в сан иеродиакона. В 1925 г., по закрытии Новоспасского монастыря, переехал к епископу Павлину в Курск и в том же году был рукоположен во иеромонаха.

В 1926 г. он в возрасте двадцати восьми лет возводится в сан игумена Витебского Маркова монастыря. Однако и этот монастырь был закрыт, и игумен Таврион вернулся в Москву.

В 1927 г. владыка Павлин, возведенный в сан архиепископа, был направлен в Пермь. Отец Таврион, ставший к тому времени уже архимандритом, также выехал с ним. В Перми он был назначен настоятелем Феодосиевской церкви. Здесь, в Перми, он деятельно помогал владыке Павлину в борьбе с обновленцами.

С 1931 г. начались мытарства архимандрита Тавриона по советским тюрьмам и лагерям. Сначала - строительство Беломоро-Балтийского канала, затем - Березниковский гигант советской химии под Соликамском и, вероятно, шахты Инты.

В 1935 г. отец Таврион оказался на свободе, но уже в 1940 г. был арестован снова и приговорен к пятнадцати годам лишения свободы. После освобождения (в 1947 г. или в 1953 г.) о. Тавриона сослали в Казахстан, в Кустанайский край.

В 1956 г. обвинение с него было снято, и его восстановили в правах. В том же году архиепископом Иоанном (Лавриненко) он был принят в штат Пермского кафедрального собора. А вскоре отец Таврион вернулся в Глинскую пустынь, где начинал свой иноческий путь.

В 1957 г. настоятель пустыни архимандрит Серафим (Амелин) обратился к архиерею с прошением освободить его от настоятельских обязанностей (ему в то время было уже восемьдесят четыре года). Вместо него и по его благословию настоятелем был избран архимандрит Таврион. Для окончательного решения этого вопроса отец Серафим (Романцов) ездил в Москву, встречался со Святейшим Патриархом Алексием I, и тот обещал назначить архимандрита Тавриона глинским настоятелем.

Однако в должности настоятеля отец Таврион пробыл менее года. Его образ управления обителью, его нововведения оказались противоречащими традициям и уставу пустыни, что естественно вызвало недовольство как братии в целом, так и совета старцев обители. Были приняты меры к тому, чтобы убедить нового настоятеля не менять уже установившихся в монастыре порядков, но успехом они не увенчались. Кроме того, в действиях архимандрита Тавриона, по свидетельству схиархимандрита Иоанна (Маслова) прослеживался в то время некий католический уклон, для братии обители совершенно неприемлемый. По этой причине отцу Серафиму вновь пришлось ехать в Москву к Патриарху и просить его о смене настоятеля. 15 января 1958 г. настоятелем пустыни вновь назначили архимандрита Серафима (Амелина), а отец Таврион указом Святейшего Патриарха был переведен в Почаевскую Лавру.

Впоследствии архимандрит Таврион занимал должность секретаря Уфимского епархиального управления, а с 1961 г. служил в храме с. Некрасово Ярославской епархии.

Обсуждался вопрос о его рукоположении во епископа Курского, но Совет по делам религий был против и хиротония не состоялась.

С 1969 г. архимандрит Таврион стал духовником клириков Рижской епархии и братии Рижского Троице-Сергиева монастыря, а также священником монастырской Свято-Преображенской пустыни, в которую приехал по приглашению Рижского владыки Леонида с общиной своих духовных чад: монахинь и пожилых женщин. При нем эта обитель превратилась в центр духовной жизни, куда стекались паломники со всех концов страны. Многих отец Таврион вдохновил на служение Церкви, нередко после общения с ним люди избирали для себя путь монашества или священства.

Здесь же, в пустыни, архимандрит Таврион и отошел в вечность. Он тихо почил 13 августа 1978 г. во время чтения отходных молитв.

6. Католикос-Патриарх Ефрем II (Сидамонидзе; 1896–1972) родился в Карталинии в семье сельского псаломщика. В восемь лет был определен в Горийское Духовное Училище. Закончив его в 1912 г., тогда же поступил в Тифлисскую Духовную Семинарию. Обучаясь в Семинарии, вплоть до окончания ее в 1918 г., Григорий (таково было мирское имя будущего Патриарха) все свое свободное время посвящал посещению монастырей — Кватахебского, Шио-Мгвимского и других, — в которых читал, пел и иподиаконовствовал.

В 1923 г. Григорий закончил историко-филологический факультет местного университета. Еще на последнем, четвертом, курсе он принял монашеский постриг с именем Ефрем. В 1927 г. Католикосом-Патриархом Христофором II (Цицкишвили) он был хиротонисан во епископа, а в 1945 г. Католикосом-Патриархом Каллистратом возведен в сан митрополита.

Много трудов владыка Ефрем положил на ремонт и украшение храмов, в частности на восстановление храма на территории Бодбийского монастыря святой Нины, где находится место ее упокоения. Его попечением был перестроен в древнем грузинском стиле иконостас Мцхетского собора, а также перенесены святые мощи мучеников Давида и Константина, князей Арагветских в Моцаметский монастырь, где покоились они прежде. В 1960 г. владыка Ефрем был возведен на патриарший престол.

В период его патриаршества в 1963 г. были открыты Пастырские курсы, в 1969 г. реорганизованные в Духовную Семинарию, издан Новый Завет на грузинском языке, полный Молитвослов, иллюстрированный изображениями грузинских святых.

Помимо этого Патриарху Ефрему принадлежат: переработка акафиста святым мученикам-князьям Давиду и Константину, монография о преподобном Максиме Исповеднике и словарь грузинских архаизмов. Также, совместно с Патриархом Каллистратом, он участвовал в составлении церковного календаря, выявляя грузинских святых в древних письменных источниках.

7. Католикос-Патриарх Каллистрат (Цинцадзе; 1866–1952) родился в семье священника. Учился в Кутаисском Духовном Училище, затем — в Тифлисской Духовной Семинарии и Киевской Духовной Академии. Окончив Академию в 1892 г. со званием кандидата богословия, годом позднее он был рукоположен в сан священника и в течение тридцати двух лет проходил служение в различных храмах Тифлиса. При этом пастырская деятельность сочеталась в его жизни с общественной. Будучи священником, отец Каллистрат вместе с тем в разное время исполнял обязанности члена Городской думы, секретаря и члена ученых обществ, члена правления Тифлисской Духовной Семинарии, законоучителя в мужских гимназиях. После смерти жены он принял монашество и в 1925 г. был возведен в сан епископа. С 1932 по 1952 гг. — Католикос-Патриарх всея Грузии.

8. Католикос-Патриарх Леонид (Окропиридзе; 1861–1921) родился неподалеку от Тифлиса в благочестивой христианской семье. Учился в Киевской Духовной Академии, и еще в период обучения принял монашество и был рукоположен в сан иеромонаха. По окончании Академии в 1888 г. работал инспектором училищ «Общества восстановления православного христианства на Кавказе», а затем занимал различные церковные посты в Грузии до 1898 г., когда состоялась его хиротония во епископа Горийского. В марте 1917 г. в качестве Местоблюстителя Патриарха возглавил Временное Управление Грузинской Церкви до избрания Католикоса-Патриарха Кириона. В Грузии Католикос-Патриарх Леонид был известен как публицист и миссионер.

9. Католикос-Патриарх Илия II (Шиолошвили; 1933 г.р.) родился в г. Орджоникидзе. В 1956 г. окончил Московскую Духовную Семинарию, а годом позднее, будучи уже студентом Московской Духовной Академии, принял монашеский постриг и Патриархом

Алексием I (Симанским) был рукоположен во иеромонаха. В 1960 г. окончил Академию со степенью кандидата богословия. В 1963 г. состоялась его хиротония во епископа Шемокмедского, викария Католикоса-Патриарха Ефрема II. С 1967 г.— правящий архиерей Сухумо-Абхазской епархии. С 1963 г. исполнял и обязанности ректора Пастырских курсов, а затем, с 1969 г.,— Мцхетской Духовной Семинарии. С 25 декабря 1977 г. по сей день возглавляет Грузинскую Православную Церковь.

10. Католикос-Патриарх Давид V (Девдариани; 1903–1977) родился в семье служащего. Священный сан принял в 1927 г. Служил на различных приходах, а с 1930 г.— в Тифлисе. В 1956 г. принял монашеский постриг и в том же году был хиротонисан во епископа. В бытность Урбнисским митрополитом преподавал в Мцхетской Духовной Семинарии древнегрузинский и церковнославянский языки. С 1972 по 1977 гг.— Католикос-Патриарх всея Грузии.

11. Католикос-Патриарх Христофор (Цицкишвили; 1873–1932). После окончания в 1893 г. Тифлисской Духовной Семинарии принял сан священника и служил на приходе, затем — исполнял должность законоучителя Тифлисской мужской гимназии. В 1918 г. посещал историко-филологический факультет Тифлисского университета. В 1921 г. без пострижения в монашество был хиротонисан во епископа Урбнисского. С 1927 по 1932 гг. являлся Предстоятелем Грузинской Православной Церкви.

12. Католикос-Патриарх Амвросий (Хелая; 1861–1927). Закончив в 1885 г. Тифлисскую Духовную Семинарию, служил священником в Грузии. Затем поступил в Казанскую Духовную Академию (окончил в 1901 г.); на третьем курсе ее принял монашеский постриг. Впоследствии служил как в Грузии, так и в России. В октябре 1917 г. был хиротонисан во епископа Чкондидского. С 1921 г.— Католикос-Патриарх всея Грузии. В 1926 г., по причине возникших нестроений, был устранен от дел управления.

13. Католикос-Патриарх Кирион III (Садзаглишвили; 1854–1918) родился в семье священника. По окончании Тифлисской Духовной Семинарии и Киевской Духовной Академии (1880 г.) некоторое время занимал должность помощника инспектора Одесской Духовной Семинарии; затем работал преподавателем Кутаисского и Тифлисского Духовных Училищ. В 1896 г. принял монашеский постриг и два года спустя был хиротонисан во епископа Алавердского. В дальнейшем служение проходил в различных епархиях Грузии и России. С 1915 г. епископ Полоцкий и Витебский. В августе 1917 г., согласно собственному прошению, от управления епархией был уволен и возвратился в Грузию. С сентября того же года — Католикос-Патриарх всея Грузии. Оставил по себе ряд трудов, посвященных исследованию истории Грузинской Церкви.

14. Схиигумен Савва (Остапенко; 1898–1980) родился 6 декабря 1898 г. в станице Новоминской на Кубани в благочестивой крестьянской семье и был наречен Николаем. Желание иноческой жизни пробудилось в его душе еще в детстве. Однако возможность исполнить это желание Господь даровал ему не скоро. В 1911 г. Николай окончил двухклассное училище Министерства народного просвещения. С 1916 г.— проходил службу в армии и в 1923 г. завершил курс обучения в Московском военно-инженерном училище, получив специальность техника по возведению оборонительных сооружений. После этого работал на производстве и продолжал учиться, так что к 1932 г. окончил строительный техникум по специальности «инженер-строитель».

Только после окончания войны, когда в стране вновь стали открываться храмы и духовные учебные заведения, когда открылась Троице-Сергиева Лавра, Николаю удалось наконец исполнить то, к чему стремилась его душа. В 48 лет он оставляет профессию строителя и поступает в Московскую Духовную семинарию. Учебу в ней он завершил в 1948 г. и тогда же был принят в число братии Лавры. Осенью того же года состоялся его постриг в

мантию с именем Савва — в честь преподобного Саввы Сторожевского. В 1952 г. отец Савва был рукоположен в сан иеромонаха и по 1952 г. исполнял возложенное на него послушание лаврского эконома.

В 1955 г. указом Святейшего Патриарха Алексия I он был переведен в Псково-Печерский монастырь, в котором по 1957 г. являлся благочинным обители. В 1958 г. отец Савва был возведен в сан игумена и награжден правом ношения креста с украшениями. Тогда же он был назначен временным настоятелем храма в честь Казанской иконы Божией Матери в Великих Луках; затем недолгое время настоятельствовал в храме святого великомученика Георгия Победоносца в селе Палицы, в 30 километрах от Пскова.

В 1960 г. игумен Савва возвратился в Печерскую обитель и по-прежнему исполнял череду священнослужения, а также — возложенные на него хозяйственные обязанности. Кроме того, он помогал и в различных строительных и реставрационных работах, связанных с благоукрашением монастырских храмов. 16 августа 1973 г. наместником обители архимандритом Алипием (Вороновым) отец Савва был пострижен в схиму без изменения имени, но на этот раз — в честь преподобного Саввы Освященного.

Можно сказать, что вся жизнь старца была непрерывным подвигом служения Богу и людям. Он был известен как замечательный духовник, способный утешить, ободрить, а самое главное — помочь человеку в ходе исповеди буквально переродиться. Был отец Савва вместе с тем и неустанным проповедником слова Божия, и духовным писателем, простым, доступным языком разъясняющим людям святоотеческое учение о спасении. Но более всего привлекала к старцу людей слава о нем, как об удивительном молитвеннике, смиренном, но дерзновенном ходатае пред Богом о людских горестях и нуждах. Сохранилось немало воспоминаний духовных чад отца Саввы о случаях чудесной помощи Божией по его молитвам.

В конце 70-х гг. здоровье старца серьезно пошатнулось, им все больше стали овладевать недуги. 26 июля 1980 г. он был соборован, затем причастился Святых Христовых Таин. На другой день он вновь причастился, а после этого наместник архимандрит Гавриил (Стеблуженко) по завершении канона на исход души прочитал над ним отходную молитву, и в 9 часов утра схиигумен Савва отошел к Богу. Отпевание его совершалось 30 июля в Сретенском храме обители, причем на нем присутствовало множество почитателей почившего старца и его духовных чад.

Завещание, составленное отцом Саввой еще за три года до блаженной кончины, содержит в себе наряду с прочим и такие строки: «Преклонный возраст и болезни предвещают мне близкую кончину, мое преселение от временной жизни в жизнь вечную. Перехожу в иной мир с надеждой на помилование предстательством Пресвятыя Богородицы и Всех Святых. Высшим для себя служением почитал быть рабом всех православных христиан. Воистину, возлюбленные отцы и братия во Христе, не было и нет в моем сердце огорчения ни на кого из вас. Я с любовью прощаю всем все, простите и вы меня, недостойного, искренне любящего вас.

Прошу вас, сотворите любовь, не лишите меня последнего благодеяния — ваших святых молитв о мне ко Господу. Если я обрету у Господа дерзновение, то надеюсь ходатайствовать пред Ним за всех вас, и особенно за тех, кто будет поминать меня в молитвах» [4].

Примечание:

[1] Архимандрит Иоанн (Маслов). Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI-XX веках. С. 471. М. 1994.

[2] Архимандрит Иоанн (Маслов). Цит. соч. С. 464-465.

[3] Архимандрит Иоанн (Маслов). Цит. соч. С. 553.

[4] См.: У «пещер, Богом зданных». Псково-Печерские подвижники благочестия XX века. М. 1999. С. 438.— *Ред.*